

С М Ъ С Ъ

КЪ МОСКОВСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ

1795 года.

ОТРЫВКИ, ОРИГИНАЛЬНЫЕ И ПЕРЕВОДНЫЕ,

Н. М. Карамзина.

Карамзинъ былъ сотрудникомъ при изданіи Московскихъ Вѣдомостей въ 1795 году и завѣдывалъ редакціею Смѣси. Содержатели Университетской типографіи, Христіанъ Ридигеръ, университетскій книгопродавецъ и комиссіонеръ, и прапорщикъ Христофоръ Клаудій, въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1794 года печатая объявленіе о Вѣдомостяхъ на слѣдующій годъ, обѣщаютъ читателямъ отдѣленіе Смѣси, и говорятъ, что «почтенный и любезный издатель Московскаго Журнала, Аглаи и проч. принялъ на себя трудъ обработыванія сей, но содержацію своему новой въ Вѣдомостяхъ, статьи».

Въ самомъ дѣлѣ, вся Смѣсь въ Московскихъ Вѣдомостяхъ на 1795 годъ носить на себѣ яркую печать мыслей и слога Карамзина, и резко отличается отъ Смѣси 1796 года. Вспомнимъ, что Карамзинъ былъ тогда уже авторомъ Писемъ Русскаго Путешественника и созрѣвалъ для того, чтобы быть издателемъ Вестника Европы и впоследствии историографомъ. Сотрудничество его въ Вѣдомостяхъ продолжалось только годъ. Въ объявленіи о газетахъ на 1796 годъ, напечатанномъ въ концѣ 1795 года, сказано о Смѣси: «Сія статья обработываема была въ текущемъ году почтеннымъ издателемъ Аглаи и пр., но онъ отказался на слѣдующій годъ отъ того, и другой взялъ на себя сей трудъ. Впрочемъ, и безъ этого объявленія чита-

тель нѣсколько опытный въ слогъ, могъ бы догадаться по первымъ строкамъ Смѣси 1796 года, что перо Карамзина уже въ ней не участвовало болѣе. Вотъ что читаемъ мы на первой страницѣ: «Пышность испанская не позволяла ему спросить именно, гдѣ раздаютъ супъ, и таковой образъ изъясненія казался ему весьма низкимъ и подлымъ.» Или слѣдующее: «Греція отдавала твореніямъ и памѣти трехъ своихъ трагическихъ поэтовъ весьма отличительныя почести.»

Отрывки Карамзина, оригинальные и переводные, не были перепечатаны въ полномъ собраніи его сочиненій и переводовъ. Издавши ихъ снова, шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ того какъ они въ первый разъ были напечатаны, Редакція Москвитинна, какъ думаю, окажетъ услугу всемъ почитателямъ Карамзина и прибавитъ весьма замѣчательный матеріалъ для полнаго изученія его литературной дѣятельности.

С. ШЕВЫРЕВЪ.

Приносимъ искреннюю благодарность достойному, заслуженному нашему литератору за сообщеніе этихъ прекрасныхъ произведеній Карамзинскаго пера. Въ последнее время появилось у насъ много библиографовъ-гробокопателей, которымъ однакожь попадаетъ подъ руки большею частію прахъ и тлѣніе, а сдобривать ихъ своими ароматами они или скупаются, или по другимъ причинамъ не могутъ, такъ что ихъ открытія читать скучно, при полномъ уваженіи къ ихъ все-таки полезнымъ справочнымъ трудамъ. Г-ну Шевыреву посчастливилось пайдти жизнь, полную чувства, вкуса, ума, выраженную прекраснымъ русскимъ языкомъ, и мы увѣрены, что наши читатели примутъ Смѣсь Карамзина (такъ называемый нынѣ по-варварски фельетонъ) съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ читали его ихъ дѣды за шестьдесятъ лѣтъ, —мы увѣрены въ этомъ, и обращаясь къ новымъ фельетонистамъ, державшимъ среди своихъ «козлогласованій» отзываться съ пренебреженіемъ о Карамзинѣ, заключимъ наше замѣчаніе словами Фамусова: да, вы, нынѣшніе, нутка! **М. П.**

СМѢСЬ

ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ 1795 ГОДА.

Къ № 1. Подъ симъ именемъ будемъ мы въ теченіе 1795 года сообщать нашимъ Читателямъ разные анекдоты, примѣчанія достойныя мысли древнихъ и новыхъ Философовъ, цвѣты разума и чувства, статьи изъ Натуральной Исторіи, и краткія описанія малоизвѣстныхъ мѣстъ и народовъ; иногда стихи. иногда извѣстія о новыхъ Англійскихъ и Нѣмецкихъ книгахъ для любителей иностранныхъ Литтературъ, характерныя черты изъ Лондонскихъ Вѣдомостей, и вообще разныя мѣлкія піесы и отрывки, которые по чему нибудь достойны вниманія. Надѣемся, что разнообразіе сей статьи заслужитъ одобреніе почтенной Публики, которое всегда будетъ для насъ самою лестною наградою. — Начнемъ теперь исторіею Аלקандера и Септимія, извлеченною изъ Византійскихъ летописей.

* * *

Уже колоссъ Римской Имперіи готовъ былъ разрушиться, но Аѳины цвѣли еще Искусствомъ и Пауками; въ Аѳинахъ не угасалъ свѣтильникъ ученія. Густыя тучи невѣжества собирались на горизонтѣ Европы; но отечество Философіи озарялось еще благодѣтельнымъ свѣтомъ Мудрости, подобно какъ высокія горы освѣщаются солнцемъ и тогда, какъ низкія долины лежатъ уже въ густомъ мракѣ ночи.

Въ сіе время учились въ Аѳинахъ два юноши, Аלקандеръ и Септицій: одинъ умствовалъ лучше всѣхъ въ Лицеумѣ. другой говорилъ лучше всѣхъ въ Академіи. Скоро полюбилн они другъ друга со всею нежностію юныхъ, чувствительныхъ сердець. Достоинства ихъ были равны, состоянія также. Два славнѣйшіе города въ свѣтъ именовали ихъ своими гражданами: ибо Аלקандеръ родился въ Аѳинахъ, Септицій въ Римѣ.

Долго жили они въ семь гармоническомъ союзѣ дружбы. Наконецъ Аלקандеръ, проведеній первыя лѣта юности въ философской безпечности, рѣшился вступить въ дѣятельную гражданскую жизнь, и предложилъ руку свою прекрасной Гипатіи, знатнѣйшей Аѳинской дѣвицѣ. Уже назначенъ былъ день для совершенія брачныхъ обрядовъ. Аלקандеръ желалъ раздѣлить радостныя чувства свои съ милымъ другомъ, и привелъ его съ собою къ юной Гипатіи. Ахъ! онъ не могъ предугадать пагубныхъ слѣдствій такого свиданія!

Первый взоръ красавицы былъ первое стрѣлою для нѣжнаго Септимія; жестокая, невольная страсть воспылила въ его сердце. Онъ сражался съ собою, не хотѣлъ любить, и—любилъ; проклиналъ страсть свою и—боготворилъ Гипатію. Волненіе души его было ужасно, и произвело чрезъ нѣсколько дней сильную, опасную горячку.

Во время сей болѣзни Аלקандеръ не отходилъ отъ своего друга, и требовалъ отъ юной Гипатіи, чтобы она была туть же, и вмѣстѣ съ нимъ имѣла попеченіе о страдающемъ. Скоро прозорливость врачей открыла причину Септиміевой болѣзни — тайную любовь его — и Аלקандеръ, узнавъ о томъ, заставилъ наконецъ умирающаго любовника во всемъ ему признаться.

Не будемъ описывать читателю ужаснаго боренія дружбы съ любовью въ груди чувствительнаго юноши; скажемъ только, что въ сіе время утонченность Аѳинскихъ нравовъ была чрезмерна, и всѣ добродѣтели доходили тамъ, нѣкоторымъ образомъ, до излщества. Забывъ собственное свое благополучіе, забывъ счастье любви и супруга, Аלקандеръ въ восторгѣ пламенной дружбы отдалъ свою любезную невесту, со всеми прелестями, — отдалъ юному Римлянину. Септиміи, обрадованный нечаяннымъ своимъ блаженствомъ, скоро выздоровѣлъ, женился на прекрасной Гипатіи, и уѣхалъ съ нею въ Римъ, гдѣ, посредствомъ своихъ талантовъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ дослужился до первѣйшихъ государственныхъ чиновъ, и былъ избранъ въ градскіе судьи, или Преторы.

Въ сіе время Аלקандеръ страдалъ и мучился порывами страсти, не совсемъ еще истребленной; воспоминалъ съ горес-

тію о своемъ другѣ, отъ него удаленномъ, и проливать горькія слезы. Сего не довольно: родственники Гипатіинны позвали его въ судъ, и доказывали: что онъ оскорбилъ родъ ихъ, и подлымъ образомъ отдалъ другому невѣсту свою за деньги. Честность не могла защитить Алькандера противъ сильныхъ непріятелей; краснорѣчіе истины было тщетно—и добродѣтель обвинили. Ему надлежало заплатить истцамъ большую сумму денегъ; но онъ не могъ представить ее въ назначенное время, и потому взять былъ подъ стражу, лишенъ вольности, права гражданства—выведенъ на площадь и проданъ въ рабы.

Житель Фракіи купилъ Алькандера, и отвезъ его въ сію печальную и дикую землю. Ему должно было пасти стада жестокаго господина своего, и кормиться одною ловлею звѣрей. Часто мучилъ его свирѣпый голодъ; часто падалъ онъ отъ чрезмѣрной усталости на краю ужасныхъ пропастей, и обливалъ слезами хладные камни.

Наконецъ, лѣтъ черезъ пять, представился ему случай уйдти; онъ воспользовался имъ, и странствуя по ночамъ, а днемъ укрываясь въ пещерахъ, добрался до Рима. Въ часъ прихода его, Септимій сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, среди площади, и судилъ Римлянъ. Странникъ нашъ остановился противъ него, въ кучѣ народа, и ждалъ, чтобы Преторъ узналъ своего друга; но тщетно! долговременное страданіе со-всѣмъ переѣнило черты лица его. Когда же онъ хотѣлъ приблизиться къ Преторскому мѣсту, то жестокосердые Ликторы отогнали его прочь. Наступилъ вечеръ, и Алькан-деръ не зналъ, гдѣ приклонить голову. Никто изъ жителей не хотѣлъ впустить къ себѣ въ домъ человека въ раздранномъ рубищѣ; а спать на улицѣ было неудобно и опасно. Наконецъ онъ рѣшился провести ночь за городомъ, въ убѣжищѣ преступленія, бѣдности и отчаянія—на кладбищѣ. Тамъ, среди ужасовъ и страшныхъ предметовъ тлѣнія, онъ положилъ голову на мраморную урну, забывъ всѣ свои бѣдствія, и не смотря на жесткое ложе, заснулъ крѣпкимъ, тихимъ сномъ добродѣтели, которымъ порокъ и на самомъ мягкомъ пухѣ никогда не наслаждается.

Въ полночь пришли туда же два разбойника, чтобы

дождаться въ семь мѣсть восхода солнечнаго; но дѣля между собою добычу свою, они поссорились—одинъ ударилъ друга кинжаломъ, и ушелъ, видя товарища своего издыхающаго. На другой день поутру люди, шедшіе мимо кладбища, увидѣли убитаго, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него нашли и спящаго Аלקандера. Подозрѣніе пало на сего несчастливца; видъ нищеты и бѣдная одежда его еще болѣе утвердили оное. Аלקандеръ, угнетенный злополучіемъ, презиралъ жизнь, и неавидѣлъ такой свѣтъ, въ которомъ царствовали неблагодарность, злоба, жестокосердіе и обманъ; онъ не хотѣлъ оправдываться, и безъ всякаго сопротивленія далъ себя связать руки. Такимъ образомъ привели его къ Септимію. Доказательства были явственны и убѣдительны, и судія, видя, что обвиняемый не хочетъ, или не можетъ защищать себя, готовился приговорить его къ самой ужаснѣйшей смерти,—какъ вдругъ вниманіе народа обратилось на другой предметъ. Разбойникъ, убившій своего товарища, былъ пойманъ на новомъ воровствѣ, — приведенъ къ Претору, и въ первомъ страхѣ признался во всехъ своихъ злодѣяніяхъ, между прочимъ и въ томъ, что онъ умертвилъ найденнаго на кладбищѣ человека. Аלקандерова невинность открылась; но мрачное его молчаніе было загадкою для всехъ присутствующихъ. Они изумились еще болѣе, когда увидѣли судію своего — въ объятіяхъ мнимаго преступника. Септимій узналъ наконецъ друга и благодѣтеля своего; прижалъ его къ сердцу, и заплакалъ отъ радости и скорби.—Шужно ли рассказывать послѣдствіе? Аלקандеръ былъ оправданъ; былъ награжденъ за добродѣтель свою всеми возможными почестями и любовью первѣйшихъ гражданъ Рима; жилъ счастливо и въ довольствѣ, и умирая велѣлъ написать на гробѣ своемъ, что Провидѣніе, въ самыхъ ужаснѣйшихъ бѣдствіяхъ, спасаетъ добродѣтель и невинность.

Къ *М²*. Можетъ быть никто изъ Сочинителей не былъ такъ чувствителенъ къ похваламъ и критикѣ, какъ славный Французскій Трагикъ Расинъ. Не рѣдко собиралъ онъ лавры такими средствами, которыхъ не могла одобрить строгая Мораль, и льстить знатнымъ для того, чтобы они ласкали и хвалили

его. «Не думай (говорить самъ онъ въ письмѣ къ своему сыну)—
«не думай, чтобы меня ласкали въ свѣтъ за мои Трагедии.
«Корнель пишетъ стихи во сто разъ лучше моихъ, но никто
«имъ не занимается; его любятъ только на театрѣ. Я никогда
«не говорю съ свѣтскими людьми о моихъ сочиненіяхъ, а за-
«нимаю ихъ тѣмъ однимъ, что имъ пріятно, и стараюсь доказы-
«вать не то, что я умнѣе, а то, что они умнѣе».—Браво, Ра-
синь! однакожь не смотря на сію тонкую, лезуитскую поли-
тику, Людовикъ XIV не считалъ его искуснымъ придворнымъ.
Однажды видя Расина въ саду вместе съ Гм. Кавуа, Король
сказалъ: «Они неразлучны, и знаю, для чего: Кавуа, будучи
съ Расинемъ, хочетъ прослыть умнымъ человекомъ; а Расинь,
будучи съ Кавуа, заставляетъ людей думать, будто онъ самъ
придворной человекъ».—Въ другомъ мѣстѣ Французской Со-
фокль говоритъ, что огорченіе, которое дѣлала ему самая
худая критика, несравненно превосходило ту радость, которую
чувствовать онъ отъ величайшихъ похвалъ. Когда наглые
завистники дарованій увѣрили большую часть Парижской
Публики, что Прудонова давно забытая Федра лучше его
бессмертной Федры, тогда Расинь рѣшился было вдругъ оста-
вить не только драматическую Поэзію, но и самый свѣтъ;
итти въ монахи и заключиться въ Картезіанскомъ монастырѣ.
Однакожь его уговорили презрѣть злобу и невѣжество кри-
тиковъ, и, вмѣсто монастыря, избрать—милую супругу, пре-
красную и добродѣтельную.—Расинь былъ совершенно счаст-
ливъ въ своемъ семействѣ; но онъ вздумалъ мѣшаться въ
государственныя дѣла, лишился Королевской милости, и
умеръ съ печали.

*
* *

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ разнесся въ Европѣ слухъ,
будто на островѣ Ню нашли въ землѣ Омирову гробницу,
скелетъ его и даже черепицу. Любопытство ученыхъ возбу-
дилось; писали—спрашивали—искали очевидцевъ—и наконецъ
узнали, что мнимая Омирова гробница была ничто иное, какъ
древній, найденный въ землѣ саркофагъ, на которомъ изобра-
женъ юный Ахиллъ въ женскомъ платьѣ, играющій на арфѣ.

между двухъ женщинъ; на другой сторонѣ представлены Хиронъ, которой учить Ахилла стрѣлять изъ лука, и сраженіе львовъ съ Центаврами. Нѣмецкой профессоръ Гейне издалъ недавно описаніе сего саркофага, которой находится нынѣ въ Петербургѣ, въ одномъ партикулярномъ саду, гдѣ и могутъ видѣть его любители древностей.

*
* *

Близъ Гамильтона въ Шотландіи живутъ двѣ сестры дѣвушки, изъ которыхъ одной 102 года отъ роду, а другой 97 лѣтъ. — Въ Графтонѣ, въ Америкѣ, недавно умерла Госпожа Виллардъ, жена Маіора Вилларда, проживъ на свѣтъ 106 лѣтъ. Она оставила 12 дѣтей, 90 внучатъ, 206 правнучатъ, и 45 праправнучатъ.

*
* *

Не угодно ли знать читателю, какъ Макіавель въ одной книгѣ своей описываетъ Нѣмцовъ? «Жители Германіи могутъ назваться самымъ умѣреннѣйшимъ народомъ. Дай Нѣмцу кусокъ вегчины, стаканъ пива, теплую горчицу — и Нѣмецъ «доволенъ какъ Царь». — Макіавель былъ умной человекъ; но кто похвалитъ его за такую характеристику?

Къ № 5 Историческіе отрывки.

Древніе Германцы думали, что въ юной дѣвицѣ есть нечто божественное.

Въ старину, когда Французскіе Короли въѣзжали въ какой нибудь городъ, встрѣчала ихъ всегда молодая женщина, въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами и съ вѣнкомъ на головѣ; она подавала имъ на блюде городскіе ключи, и говорила пріветственную рѣчь.

Всякой изъ древнихъ рыцарей имѣлъ свою даму, и почиталъ ее какъ вышнее существо; она была предметомъ всѣхъ его мыслей, чувствъ и дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ любовь возвышаетъ благородную душу, и вселяетъ въ оную нечто героическое. *Ахъ! если бы владычица души моей видѣла, какъ я презираю жизнь!* сказалъ рыцарь Флеранжъ, и полѣзъ первый на стѣну непріятельскаго города.

Рѣдко бываетъ, чтобы храбрый и мужественный человекъ не любилъ жены своей какъ нежнаго друга; а трусъ всякой есть тиранъ своего семейства.

Въ старину почиталось за великое преступленіе говорить объ женщинахъ дурно; такой злоязычникъ не терѣлся въ обществѣ рыцарей и благородныхъ людей. А нынѣ всякой негодяй щеголяетъ, такъ сказать, своимъ дурнымъ мнѣніемъ о женщинахъ. Тѣмъ хуже для нашихъ нравовъ! Гдѣ прекрасный полъ не уважается, тамъ и мужчины не достойны уваженія; тамъ нѣтъ семейственнаго благополучія; тамъ нѣтъ любви къ родственникамъ; тамъ нѣтъ любви къ отечеству; тамъ нѣтъ любви къ Пизацкимъ Искусствамъ; нѣтъ и пріятности въ обхожденіи; нѣтъ ни вкуса, ни остроумія.

Генрикъ четвертой осаждалъ городъ Фалезъ и готовился взять его приступомъ. Тамъ былъ купецъ, именемъ ла-Шене, влюбленный въ одну молодую, прекрасную мышанку. Онъ предложилъ ей, для безопасности, уйти съ нимъ изъ города. «Я увѣрена, сказала любовница, что ты боишься не своей, а моей опасности; и для того не могу осуждать тебя. Сердце мое будетъ всегда твоимъ. Я теперь же хочу соединиться съ тобою на вѣки; только не здѣсь, а на стѣнѣ». — Сказавъ сіи слова, она спышигъ къ городскимъ воротамъ. Тщетно любовникъ хочеть удержать ее; тщетно проливаетъ слезы! Геронья уже среди непріятелей!—«Тутъ, говоритъ Мезере, сражаются «они оба съ такою храбростію, что Генрикъ IV, любившій «всякое геройство, велѣлъ стараться военачальникамъ своимъ «о спасеніи ихъ жизни. Но ла-Шене былъ застрѣленъ; а любовница его не хотѣла пощады, сражмась, и наконецъ, по- «лучивъ смертельную рану, бросилась на тѣло своего друга, «обняла его—и умерла въ ту же минуту».

Къ № 4. Графъ Тессень, Гофмейстеръ наслѣднаго Шведскаго Принца, былъ по наружности во всю жизнь свою щастливъ; наслаждался богатствомъ, всѣми почестями и здоровьемъ. Однакожь, умирая, велѣлъ онъ вырезать на гробъ своемъ: *теперь только я благополученъ!*

Ривароль, Генерал-Поручикъ Французской Королевской службы, лишился въ сраженіи одной ноги своей. Послѣ того, въ другомъ сраженіи при Первинденѣ, отстрѣлили ему и деревянную ногу его. «Глупцы, сказали онъ съ улыбочкою: видно «шпіоны не дали имъ знать, что уменя въ обозѣ есть тысяча «такихъ ногъ!»

* *

Бульйонъ, главный надзиратель надъ денежными сборами во Франціи, позвавъ къ себѣ обѣдать Маршала Граммона, Вильруа и Маркиза де-Сувре, велѣлъ подать имъ вместо десерта блюдо золотыхъ луидоровъ, и гости не постыдились наполнить ими свои карманы, хваля остроуміе и забавную выдумку своего хозяина!

* *

Донъ Алонзо Маурикве, Гишпанской Градѣ и Оберштаммейстеръ Филиппа V, былъ однажды на охотѣ съ Королевою, первою Филипповою супругою. Сія Принцесса упала съ лошади, и не могла выдернуть изъ стремени ноги своей. Алонзо соскочилъ на землю, высвободилъ Королеву ногу, съѣлъ опять на лошадь и... ускакалъ въ ближній монастырь, чтобы постричься въ монахи, и симъ образомъ избавиться отъ смерти, которая, по Гишпанскимъ законамъ, должна быть наказаніемъ всякаго челоуѣка, *дерзнувшего прикоснуться къ ногѣ Королевиной!*

* *

Славный Гёте, Авторъ Вертера, сочинилъ новый романъ, подъ названіемъ: *Wilhelm Meisters Lehrjahre*. Говорятъ, что сей романъ есть лучшее произведеніе Музы его. Онъ печатается, и скоро выдетъ въ свѣтъ. Такимъ образомъ, не смотря на мрачность времени нашего, Геній Поэзіи творить — и чувствительное сердце находитъ себѣ новую пищу.

* *

Пусть примѣчаютъ другіе, а я уже примѣтилъ, что злѣйшими врагами умныхъ людей бываютъ глупцы. Какъ бы вы ни остерегались, какъ бы вы ни щадили самолюбіе сихъ пустыхъ голоуѣвъ, ничто не спасетъ васъ отъ ихъ ядовитаго злословія. Они чувствуютъ, что вы не ихъ пожу, и стараются вредить вамъ всѣми способами. Однимъ словомъ, если бы

миролюбивой умъ и вздумалъ предложить братской союзъ глупости, то сія каррикатурная богиня отвергнула бы его съ презрѣніемъ.

Къ № 5. Нѣчто о славномъ Монтескьёю.

«Многіе (говаривалъ Монтескьёю друзьямъ своимъ) осыпали меня похвалами тогда, какъ я ничего не значилъ въ свѣтъ; тѣ же самыя люди начали унижать меня, когда я *Персидскими Письмами* доказалъ талантъ свой, и заслужилъ вниманіе Публики.—Слава рождаетъ всегда непріятелей. Кого многіе хвалятъ, того и бранятъ многіе. Одинъ достойный человекъ не оскорбляется достоинствами другихъ людей.

Персидскія Письма были некогда въ такой модѣ, что книгопродавцы не хотѣли печатать ничего, кромѣ Персидскихъ писемъ, и говорили всякому Автору, который имъ встрѣчался на улицѣ: *государь мой! сочините мнѣ Персидскія письма!*

«Есть ли книга моя (сказалъ однажды Монтескьёю, говоря о *Духъ Законовъ*) принята хорошо Публикой, я обязанъ тѣмъ важности и величеству моего предмета; однакожь думаю, что въ ней видны и таланты Автора. Читая творенія великихъ людей, жившихъ во Франціи, въ Англіи, въ Германіи и писавшихъ прежде меня, я удивлялся ихъ дарованіямъ, но не отчаявался сравняться съ ними, и говорилъ подобно Корреджіо: *и я живописецъ!*

Извѣстно, что Авторъ книги о *множествѣ міровъ* слылъ, въ разсужденіи сердца, самымъ холоднымъ человекомъ. «Фонтенель ничего и никого не любитъ», сказалъ однажды Господинъ N. N. *Тѣмъ онъ любезнѣе въ общество,* отвѣчалъ ему съ улыбкою Монтескьёю.

Монтескьёю, будучи весьма скромнъ, не позволялъ писать своего портрета. Тщетно приступали къ нему художники, желавшіе сохранить для потомства черты лица его! Наконецъ славный живописецъ Делатуръ сказалъ ему съ досадою: *развѣ вы не чувствуете, что вамъ безъ величайшей гордости нельзя отвергнуть моего предложенія?* Монтескьёю, обезоруженный сими словами, долженъ былъ на все согласиться.

Монтескью, знавъ совершенно всѣ первыя Европейскія земли, говаривалъ, что въ Германіи хорошо путешествовать, въ Испаніи пожить, въ Англии думать, а во Франціи имѣть домъ.

*
*
*

Слѣдующій анекдотъ взятъ изъ Французскаго Меркурія, 1777 году, Сентября мѣсяца, и достоинъ примѣчанія не только для любителей Патуры, но и для всякаго чувствительнаго сердца.—Одна молодая дворянка, жившая въ деревнѣ близъ Нанта, отменно любила пчелъ, завела нѣсколько ульевъ въ саду своемъ и доставляла симъ маленькимъ животнымъ всѣ возможные пріятности. Въ концѣ нынѣшняго Маія она поѣхала въ городъ, занемогла горячкою и умерла. Въ самый день смерти ея прилетѣло множество пчелъ въ ту горницу, гдѣ она лежала. Ихъ хотѣли выгнать, но никакъ не могли. Онѣ вились надъ гробомъ, сѣдѣли на него, ползали и безпрестанно жужжали, до самаго того времени, какъ умершую погребли на кладбищѣ. Одинъ изъ тѣхъ людей, которые были свидѣтелями такого чуднаго явленія, нарочно поѣхалъ въ деревню сей госпожи, и нашелъ всѣ ульи въ саду ея пустые—пчелы улетѣли и не возвратились, лишившись своей благодѣтельница.

Къ *М. В.* На свѣтъ было четыре Баконъ: Баконъ Сорбонской Докторъ, которой написалъ книги три о монашескихъ правилахъ, и умеръ безъ громкаго имени; Баконъ придворной, которой не написалъ ничего, но былъ, какъ увѣряютъ, очень острой челоувѣкъ; Баконъ Философъ и Канцлеръ, которой указалъ мудрецамъ путь къ истинѣ; и Баконъ Францисканецъ, прозванный чудеснымъ Докторомъ. Сей послѣдній Баконъ, именемъ Рогеръ, былъ страшный челоувѣкъ; любилъ Механику, Астрономію, Физику, открылъ много полезнаго и—написалъ множество глупостей; въ примѣръ чего послужать слѣдующія строки изъ одной его книги:

«Челоувѣкъ можетъ предвидѣть будущее посредствомъ «зеркала *Альмухезія*, составленнаго по правиламъ перспективы, «но напередъ должно ему уравнивать и умѣрять тѣло свое Химією, безъ чего работа не будетъ имѣть успѣха. Надобно

«также заметить, что *Альмухезий* любитъ одни хорошія созвѣздія, а худыя ненавидитъ». Такія-то нелѣпости писывали чудесныя Доктора третьягонадесять вѣка! Кто хочетъ знать исторію заблужденій человеческихъ, тотъ долженъ заглядывать иногда въ подобныя сочиненія.

*
**

Вотъ переводъ одной Еврейской Эпиграммы:

Когда злоумышникъ кланяется тебѣ низко, бѣги, бѣги отъ него далѣе; чѣмъ болѣе изгибается лукъ, тѣмъ быстрѣе летитъ смертоносная стрѣла.

*
**

Ученый Франклинъ велѣлъ написать на своемъ гробѣ слѣдующія слова:

«Здѣсь лежитъ тѣло типографщика Вениамина Франклина, подобно переплету старой книги, которой листы лишились «позолоты и украшеній своихъ, и гниютъ во прахъ. Но самое «сочиненіе не погибнетъ; оно явится некогда въ новомъ, исправленномъ и дополненномъ изданіи».

*
**

Говорятъ, что для молодыхъ людей, у которыхъ воображеніе испорчено, нѣтъ лучшаго лекарства, какъ—Математика и классическая Литтература.

*
**

Говорили о Фокіонѣ, что онъ никогда не плакалъ и не смѣялся; ибо душа его была *сильнѣе* печали и радости. Гдѣ искать нынѣ Фокіона? Я посмотрѣлъ бы на него съ благоговѣшемъ; однакожь не промѣнялъ бы слабой души своей на его твердую душу. Слезы и смѣхъ суть лучшая приправа жизни нашей.

Къ № 7. Одна молодая Актриса, которой должно было представлять несчастную, обманутую любовницу, играла сію ролю слишкомъ холодно. Другая старшая Актриса толковала, показывала ей, какъ надлежало смотрѣть и говорить; но ничто не помогало. *Боже мой!* сказала учительница: *трудно ли понять, чего хотятъ отъ тебя? Вообрази себя на мѣстѣ несчастной любовницы, оставленной тѣмъ, кого она болѣе всѣхъ любила, къ кому жила и дышала: скажи, что бы ты сдѣ-*

лала?—«Я... я нашла бы тотчасъ другаго любовника»—отвѣчала молодая Актриса.—*Когда такъ*, сказала учительница, *то мы объ напрасну трудимся.*

* * *

АРАБСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Легче поднять иглою высокую гору, нежели вынуть гордость изъ сердца человѣческаго. Глубоко таится она, и непримѣтнѣе слѣдовъ мухи, ходящей въ темную ночь по камню.

Кто льститъ тебѣ, тотъ презираетъ тебя.

Кого не исправишь словами, того едва ли исправишь и побоями.

Будь добръ и противъ злаго сосѣда. Рано или поздно увидишь отъ того пользу.

Высочайшая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы прелвидѣть все возможное, избѣгать запрещеннаго, и терпѣливо сносить неизбѣжное зло.

* * *

Послѣ сихъ Арабскихъ пословицъ вспомнимъ еще нѣсколько Греческихъ. Извѣстно, что онѣ составляли у Грековъ зерно моральной Философіи. Тотъ не былъ у нихъ мудрецъ, кто не умѣлъ говорить пословицами.

Пословицы Антистеновы: Зависть съѣдаетъ сердце, подобно какъ ржавчина съѣдаетъ желѣзо.—Худо, когда добрые нами недовольны; еще хуже, когда злые насъ хвалятъ.—Можно обходиться и съ порочными; но такъ, какъ врачи обходятся съ больными.—Съ шумомъ погибаетъ та страна, въ которой не умѣютъ отличать честныхъ людей отъ безчестныхъ.—Философія научаетъ насъ... пріятнымъ мопологамъ.—Всего нужнѣе, всего мудрѣе забывать зло, которое дѣлаютъ намъ люди.—Лучше попасться въ когти хищныхъ птицъ, нежели въ руки льстецовъ: первыя терзаютъ мертвыхъ, а послѣдніе живыхъ.—Добродетель есть наука.—Душа мудраго должна быть неприступною крепостію.

Пословицы Пивагоровы: Облегчай бремя каждаго по возможности; страшись обременить кого либо. — Чрезмѣрная радость и печаль неизвѣстны мудрому. — Не хорошо жить

всегда на одномъ мѣстѣ, не хорошо и вѣчно странствовать. — Память есть самая удобнѣйшая книга; ибо она не требуетъ ни кармана въ дорогѣ, ни свѣчи ночью.

Къ Л^а 8. 1592 годъ будетъ вѣчно славенъ въ Исторіи изобрѣтеніемъ картъ. Ихъ выдумалъ Парижскій живописецъ, Жакменъ Гренгонперъ, для забавы Карла VI, когда сей Государь, по своей болѣзни, не могъ ничѣмъ заниматься.

Первая игра была пикетъ; многіе играютъ въ нее, по многимъ ли извѣстно ея значеніе? Одинъ монахъ, именемъ Данилъ, доказываетъ въ ученой диссертаци, что она есть символическая, аллегорическая, политическая, историческая игра, и заключаетъ въ себѣ весьма важное наставленіе для Генераловъ и Правителей. Латинское слово *as* (или *тузь*) означаетъ монету; тузь болѣе всѣхъ картъ въ пикетѣ, для того что деньги всего важнѣе во время войны. *Trefle* (трефы) есть имя луговой травы, которая называется по Руски трилиственникомъ: симъ дается знать, что Генералъ никогда не долженъ становиться лагеремъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можетъ быть недостатокъ въ фуражѣ. *Пики* и *Каро* (*) (виши и бубны) изображаютъ арсеналъ, которой долженъ быть наполненъ всякаго рода оружіемъ. *Coeurs* или *сердца* (червонная мастъ) напоминаетъ намъ о храбрости, нужной для простыхъ воиновъ и Генераловъ. *Давидъ*, *Александръ*, *Цесарь* и *Карл*. *Великій*, *Короли мастей*, означаютъ то, что всякое войско требуетъ искуснаго полководца. — Когда не лзя выиграть сраженія, тогда надобно стараться о томъ, чтобы потерять какъ можно менѣе людей и пушекъ: симъ правиломъ Генералы обязаны пикету — когда противъ насъ тузы и квинты, мы стараемся остановить хотя карты; проигрывая пикъ или репикъ, удерживаемъ по крайней мѣрѣ Короля самъ-другъ, чтобы не проиграть капоту. — На четырехъ вазетахъ написаны имена *Ожье*, *Ланселотъ*, *ла-Гиръ* и *Гекторъ*: первые два были рыцари Карла Великаго, а послѣдніе служили Генералами въ войскѣ Карла VII. Лагиръ извѣстенъ по уму своему. Однажды Король—въ то время, когда Англичане овладѣли

(*) Каро назывались большія стрѣлы.

половиною Франціи — спросить у него, что онъ думаетъ о придворномъ его спектаклѣ? *Ваше Величество!* отвѣчалъ сей воинъ: *никакой Царь, лишаясь своего царства, не умѣлъ бы такъ веселиться, какъ вы веселились.* — Аргига (анаграмма сего слова есть *Regina*, т.-е. Царица) — трефовая дама, означала Королеву, Марию д'Анжу, жену Карла VII; Рахиль, бубновая дама, Агнесу Сорель; Паллада, пиковая краля, славную Орлеанскую Героиню, *Rucelle d'Orleans*; а Іудифа, червоная дама, Изабеллу Баварскую. Сія Іудифа была не та, о которой говорится въ Вѣтхомъ Заветѣ, но Императрица Іудифа, жена Людовика *Добраго* (*le Debonnaire*), которая имѣла множество любовниковъ, нѣсколько разъ возмущала Государство, и во многомъ уподоблялась Изабеллѣ Баварской. — Не трудно узнать Карла VII подъ именемъ Давида. Бывъ долго гошимъ тестемъ своимъ Сауломъ, Давидъ восшелъ на Іудейскій престолъ; но торжество его помрачилось бунтомъ Абсалона. Карль VII, бывъ лишенъ отцемъ наслѣдства и короны, завоевалъ со славою Королевство свое, и потомъ долженъ былъ сражаться съ распутнымъ сыномъ. — Такимъ образомъ игра картъ достойна примѣчанія не менѣе какого нибудь Греческаго или Латинскаго Автора.

Къ № 9. Лессингова Трагедія Эмилиа Галотти переведена на Англійскій языкъ, и за нѣсколько недѣль предъ симъ была играна на большомъ Лондонскомъ Театрѣ. Славная Актриса Сиддонсъ представляла Графиню Орсину. Кембель и Пальмеръ, два лучшіе Актера, играли — первый Герцога, а второй Маркиза Маринелли. Лондонская Публика довольна сею Трагедіею; но Лондонскіе критики находятъ дѣйствіе пьесы слишкомъ *простымъ* — (признаюсь, что я не разумью сихъ господъ) — а развязка кажется имъ неестественною и невѣроятною. Жаль только, что они не ружсудили за благо доказать намъ психологически справедливость своего мнѣнія. — Вообще Англичане не любятъ хвалить Нѣмецкой Литтературы.

*
* *

Нѣкоторыя изъ Рошфукольдовыхъ мыслей.

1. Постоянство и твердость мудрыхъ есть ничто иное, какъ искусство скрывать внутреннее, сердечное волненіе.

2. Страсть часто дѣлаеть умнаго глупцемъ, а глупаго умнымъ.

3. Кто пристально можетъ смотреть на солнце? Кто долго можетъ думать о смерти?

4. Если бы въ насъ не было пороковъ, то мы не могли бы замѣчать ихъ съ такимъ удовольствіемъ въ другихъ.

5. Никогда не имѣемъ мы справедливаго понятія ни о щастіи, ни о несчастіи своемъ.

6. Любовь, по многимъ своимъ дѣйствіямъ, кажется болѣе ненавистію, нежели дружбою.

7. Отсутствие уменьшаетъ слабую страсть, но увеличиваетъ сильную, подобно вѣтру, который задуваетъ свѣчу, но развѣиваетъ большой огонь.

8. Слабыя души не могутъ быть искренны.

9. Люди, подобно растеніямъ, имѣютъ въ себѣ тайныя свойства, открываемыя временемъ и случаемъ.

*
*
*
*

Мудрецъ Талесъ былъ великій астрономъ и любилъ смотреть на звезды. Однажды, заглядѣвшись на небо, онъ упалъ въ яму. Старушка, служанка его, которая была съ нимъ, покачала головою и сказала ему: «Ахъ Талесъ, Талесъ! какъ можешь ты видѣть что нибудь на небѣ, когда не видишь и того, что у тебя подъ ногами?»

*
*
*

Философъ Баконъ сравниваетъ Натуру съ пирамидою, которой основаніе есть опытъ, а вершина Метафизика. Сія мысль кажется мнѣ и блестящею и справедливою, вопреки системамъ модной критической Философш.

Къ № 10. Діана де Пуатье, жена Людовика де Брезе, Нормандскаго Сенешаля, имѣла рѣдкія достоинства. Она была уже тридцати девяти лѣтъ, когда юный Генрихъ II влюбился въ нее страстно. Діана любила въ немъ не пышность и величіе, но доброе и нѣжное сердце. Ей было шестьдесятъ лѣтъ отъ роду, когда сей Государь несчастнымъ образомъ лишился жизни, получивъ смертельную рану на рыцарскомъ турнирѣ. Падалъ съ лошади, онъ сказалъ: *Діана! мы разлучаемся!...* Одна смерть могла погасить въ немъ огненную любовь къ сей незабвенной женщинѣ.

Одинъ изъ Авторъ тогдашняго времени говоритъ объ ней слѣдующимъ образомъ:

«Діана была высокаго росту, стройна и величественна; «волосы ея, извиваяся кудрями, доставали почти до самой «земли; ничто не могло сравниться съ близкою лица ея, «рукъ и жемчужныхъ зубовъ; однимъ словомъ, богиня «красоты ознаменовала ее своего печатію. — Она не знала ни- «какихъ болѣзней, въ величайшій холодъ мыла себѣ лице «колодезною водою, и не употребляла никакихъ помадъ; «вставая всякое утро въ шесть часовъ, ѣздила верхомъ про- «гуливаться, возвращалась домой, снова ложилась на постелью, «и занималась чтеніемъ до 12 часовъ. Всякой ученой, всякой «хорошій писатель могъ надѣяться на ея покровительство. «Стихотворецъ Маро былъ ея любимецъ».

Придворные обожали ее; но въ день Королевской смерти всѣ оставили печальную Діану. Жена Генрикова велѣла ей сказать, чтобы она немедленно отдала всѣ Королевскіе брил- лианты и выѣхала изъ Париза. *Король умеръ?* спросила Діана у Придворнаго, которой пришелъ къ ней съ симъ повелѣніемъ. *Нѣтъ*, отвѣчалъ онъ: *но ему не лзя пережить нынѣшняго дня.*—*И такъ мнѣ шкото еще повелѣвать не можетъ*, сказала она: *а послѣ его смерти я буду чувствительна къ одной горести. Сердце мое превратится въ камень для всего про- чяго, и непріатели мои всѣми своими оскорбленіями не за- ставятъ меня вздохнуть ни одного разу.* Она умерла въ 1566 году. «Я видѣлъ Діану за шесть мѣсяцовъ до ея смерти («говоритъ Брандомъ) и не могъ надивиться красотѣ ея. «Слезы блистали въ глазахъ сей милой жепцины, слезы, ко- «торыя могли бы размягчить самое звѣрское сердце».

Діана была для меня одною изъ любезнѣйшихъ жен- щинъ, извѣстныхъ намъ по Исторіи; имѣла чувствительное, пламенное сердце, тихій нравъ и необыкновенную твердость духа—бросимъ издали цвѣтокъ на ея могилу, заросшую мо- ломъ, и скажемъ со вздохомъ: *миръ праху твоему, любезная!*

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

СМЪСЪ

ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВЪДОМОСТЕЙ 1795 ГОДА,

Н. М. Карамзина.

(Продолженіе).

Къ № 11. Малербъ, славной Французской лирикъ, любилъ говорить правду, и не хотѣлъ никогда льстить суетности людей. Однажды Архіепископъ Руанской, обѣдая съ нимъ вмѣстѣ, просилъ его быть у вечерни въ той церкви, гдѣ ему надлежало сказывать проповѣдь. Малербъ послѣ обѣда заснулъ; и когда прелать сталъ будить его, говоря, что время идти въ церковь, стихотворецъ, протирая глаза, съ досадою сказалъ ему: *начто мнѣ ваша проповѣдь? я и безъ нее могу спать очень крѣпко.*—Когда Малербу говорили о государственныхъ дѣлахъ, онъ отвѣчалъ всегда съ холоднымъ видомъ, что пассажиру не надобно мѣшаться въ управленіе корабля.

***

Авторъ книги *Elémens de l'Education*, напечатанной въ 1640 году, увѣряетъ, что усы дѣлаютъ чело­вѣка храбрымъ. *Я всегда думаю хорошо о томъ дворянинѣ (говоритъ сей писатель), которой старается отроспить усы. Время употреб­ляемое имъ на разглаживаніе оныхъ, конечно не даромъ пропадаетъ; ибо чѣмъ болѣе юный герой на нихъ смотритъ, тѣмъ способнѣе дѣлается духъ его ко всему великому.*— Кажется, въ самомъ дѣлѣ, что любовь къ усамъ въ тѣ вѣки была сильною страстію сердець чело­вѣческихъ. Мы нашли въ 1627 году *Французскаго Меркурія*, на стран. 452, слѣдую­щій анекдотъ. «Когда палачъ отрезалъ волосы Графу Бутвилю (осужденному на смерть за поединокъ), упомянутый Бутвиль взялся рукою за красивые, черные усы свои. Нантской Епи­скопъ, видя сіе, не могъ утерпѣть, чтобы не сказать ему:

«о сынъ мой! ты еще думаешь о славѣ міра! суетность жива
«еще въ сердцѣ твоёмъ!»

Къ № 12. Францискъ I, Король Французской, любилъ видѣть сраженіе звѣрей, особливо львовъ. Одной изъ придворныхъ красавицъ, которыя собирались тогда утѣшаться симъ зрѣлищемъ, случилось уронить изъ ложи перчатку на самое то мѣсто, гдѣ разъяренные львы терзали другъ друга. Сія дама, посмотрѣвъ съ улыбкою на рыцаря де Лоржа, сказала ему: *если хочешь, чтобы я вѣрила любви твоей, о которой говоришь ты мнѣ отъ утра до вечера, сойди внизъ и подыми мою перчатку.* Де-Лоржъ, не отвѣчая ни слова, вышелъ изъ ложи—черезъ минуту явился среди кровожаждущихъ звѣрей—поднялъ перчатку—бросилъ ее красавицѣ, и послѣ того никогда уже не хотѣлъ говорить съ нею, сколько она ни старалась привлечь его къ себѣ; ни ласки, ни слезы не могли тронуть рыцаря.

*
*
*

Однажды за обѣдомъ у Герцога N, былъ споръ о древности міра. *Государи мои,* сказалъ нѣкто изъ гостей, молчавшій долгое время: *я думаю, что міръ похожъ на старую кокетку, которая таитъ свои лѣта.*

*
*
*

Быть съ тѣми людьми, кого любишь, есть наше блаженство, говорить ла Брюеръ: думать, говорить съ ними, не говорить ни слова, мыслить объ нихъ, мыслить о самыхъ неважныхъ вещахъ, но только подлѣ нихъ, но только съ ними, все одно—мы наслаждаемся, мы счастливы!

*
*
*

Смѣйся, говоритъ одинъ изъ древнихъ Философовъ, смѣйся прежде нежели тебѣ весело: иначе ты можешь умереть, не смѣявшись ни одного разу въ жизни.

Къ № 13. О Фонтенель.

Брюнель, другъ Фонтенелевъ, написалъ къ нему изъ Руана въ Парижъ: *у тебя есть тысяча талеровъ; пришли ихъ*

мнѣ. Фонтенель отвѣчалъ ему: *я хотѣлъ отдать свои деньги въ хорошія руки, когда получилъ письмо твое; впередъ, можетъ быть, не найду такого случая: и такъ подумай.*— Брюнель написалъ къ нему въ другой разъ: *пришли мнѣ тысячу талеровъ.* Фонтенель послалъ ихъ къ нему въ тотъ же день.

Всѣ хвалили умъ его, но никто не могъ хвалить его за чувствительность. Однажды г-жа Тансень, положивъ ему руку на грудь, сказала со вздохомъ: *у тебя здѣсь не сердце, мой другъ, у тебя и здѣсь умъ, подобно какъ въ головѣ.*

Онъ сочинилъ рѣчь для одного молодаго знатнаго судьи, котораго отецъ былъ ему пріятель. Сей послѣдній не зналъ тайны, и пригласивъ къ себѣ Фонтенеля обѣдать, началъ съ гордымъ видомъ читать ему собственную его піесу за твореніе сына своего. Фонтенель слушалъ, краснѣлся, и не могъ по скромности хвалить рѣчи. Старикъ, видя въ немъ такую неожиданную холодность, разсердился, пересталъ читать, и сказалъ ему: *я вижу, что піеса вамъ не нравится; это слога простой, легкой, можетъ быть не совсѣмъ правильной, однимъ словомъ, такъ пишутъ свѣтскіе люди, а вы, господа Академики, любите грамматику, любите фразы, фигуры и блестящій вздоръ.*

Извѣстный ла-Мотъ сказалъ однажды, что у него нѣтъ непріятелей, что всѣ ученые и писатели ему друзья. *Естьлибъ это было истинно,* отвѣчалъ ему Фонтенель, *то я не могъ бы хорошо думать о вашемъ характерѣ, но вы дѣлаете имъ слишкомъ много чести, а себѣ не отдаете справедливости.*

Гдѣ ты, Фонтенель? сказала г-жа д'Аржантанъ, видя, что придворные, съ которыми она обѣдала у Герцога Орлеанскаго, не понимаютъ острыхъ словъ ея.

Однажды ввечеру, когда Фонтенель сидѣлъ передъ каминомъ, искра попала ему на шлафрокъ. Онъ не примѣтилъ того и легъ спать. Черезъ часъ дымъ разбудилъ его, отъ шлафорка загорѣлись и нишъ и постель. Фонтенель вскочилъ, закричалъ, и въ минуту сбѣжался люди. Господинъ д'Объ, племянникъ его, которой со стороны ума совсѣмъ не похожъ былъ на своего дядю, прибѣжалъ вмѣстѣ съ другими, — побранилъ беспечнаго старика, и огонь затушили; но сердце

племянника не могло пройти такъ скоро: онъ снова началъ бранить дядю, и приступать къ нему, для чего онъ не отрясъ своего шлафрока, и проч. *Боже мой!* сказалъ ему наконецъ терпѣливой Философъ: *даю тебѣ честное слово, что естлии спередиъ вздумается мнѣ зажечь домъ, то я сдѣлаю пожаръ инымъ образомъ.*

Фонтенель жилъ около ста лѣтъ, и до самаго конца своего былъ остроуменъ, забавенъ и любезенъ въ обществѣ: рѣдкое явленіе!

Къ № 14. ОБРИЕВА СОБАКА.

Во время царствованія Карла V, Короля Французскаго, инокъ именемъ Обри былъ убитъ въ лѣсу Лондѣйскомъ и погребенъ подъ деревомъ. Собака его, *Фидель*, цѣлую недѣлю не отходила отъ могилы; наконецъ побѣжала въ Парижъ, въ домъ къ Фору, вѣрнѣйшему другу господина своего, и печальнымъ визгомъ старалась ему дать знать о смерти несчастнаго Обри; потомъ отошла къ дверямъ, — взглянула, идутъ ли за нею, — воротилась, взяла Фора за полу, и повела его съ собою. Горестное предчувствіе возбудилось въ его сердце — онъ рѣшился идти съ нею. *Фидель* остановилась подъ деревомъ, завыла и начала ногами копать землю. Форъ догадался, чего она хочетъ, — сыскалъ заступъ, и вырылъ тѣло своего друга. — Черезъ нѣсколько дней сія собака увидѣла убійцу, котораго всѣ историки называютъ рыцаремъ Макеромъ; кинулась на него съ лаемъ и схватила его за горло, такъ, что съ великимъ трудомъ могли оттащить ее. После того она нигдѣ не давала пройти рыцарю, и всегда его кусала. Наконецъ такая странность сдѣлалась предметомъ общаго вниманія. Вспомнили, что собака любила своего господина, и что рыцарь Макеръ былъ его непріателемъ. Другія обстоятельства умножили подозрѣніе, и Король, извѣщенный о народныхъ толкахъ, велѣлъ привести *Фидель* во дворецъ. Она нѣсколько минутъ стояла покойно, но какъ скоро увидѣла Макара среди многихъ другихъ рыцарей, начала лаять и старалась укусить его. Въ тѣ времена всякое подозрѣніе рѣшились копьемъ и мечемъ;

всякой обвиняемый имѣлъ право вызгати на поединокъ своего обвинителя. Сии сраженія назывались *судами Небесными*; ибо люди были увѣрены, что Богъ не можетъ предать невиннаго въ руки злодѣя. Король, удивленный всѣмъ, что онъ слышалъ и видѣлъ собственными глазами, положилъ наконецъ въ советѣ своемъ, чтобы дѣло рѣшить поединкомъ между Макеромъ и собакою, на островъ *Нотръ-Дамъ*, которой былъ тогда не обитаемъ. Рыцарю дали толстую палку, и пустили на него собаку, въ присутствіи всего Двора. Она бросилась на Макаера, схватила его за горло, повалила на землю, и заставила его признаться Королю въ своемъ злодѣяннѣи. — *Фидель!* ты должна быть славнѣе Улиссовой собаки, хотя никакой Гомеръ не воспѣлъ тебя!

Къ № 15. Маршалъ Монгревель въ разныхъ случаяхъ доказалъ храбрость свою, и никогда не боялся смерти: отъ чего-же онъ умеръ? отъ того, что за ужиномъ у Бирона просыпали соль на его платье. Герой испугался, поблѣднѣлъ, упалъ въ обморокъ, занемогъ и черезъ четыре дни отправился на тотъ свѣтъ.

*
* *

Желаніе понравиться Госпожѣ Вилетъ заставило Гельвеція написать книгу *de l'Esprit*. Онъ сочинилъ первую главу для того, чтобы изъяснить ей одно мѣсто въ *Локкѣ*.

Любовь къ прекрасному полу сдѣлала Гельвеція Авторомъ. Будучи однажды въ *Пале-Рояль*, онъ увидѣлъ Мопертюи, окруженнаго женщинами, которыя осыпали его учтивостями и похвалами. Гельвецій позавидовалъ ему, и вздумалъ самъ быть ученымъ.

*
* *

Госпожа N. была умная, но только излишно говорливая женщина. Пріятели ея вздумали подшутить надъ нею и представили ей одного незнакомаго чловѣка за отъѣннаго умницу и философа. Она приняла его весьма ласково, и желая истерпѣливо доказать свой разумъ, начала говорить и дѣлать ему разные вопросы, не примѣчая того, что онъ не отвѣчалъ

ей ни слова. Наконецъ философъ уххаль. Что вы скажете о новомъ своемъ знакомцѣ? спросили у нее пріятели. *Какъ онъ любезенъ!* отвѣчала она: *какъ уменъ!* Все засмѣялись. Сей поборной, сей умной человекъ былъ—нѣмой.

Къ № 16. Доратъ, стихотворецъ пятого-надесять вѣка, былъ прозванъ Французскимъ Пиндаромъ. Карлъ IX выдумалъ для него новый чинъ *Царствениаго Поэта*, но не далъ ему большаго жалованья, говоря, что стихотворцы подобны лошадамъ, которыхъ ненадобно излишно откармливать, если хочешь ими пользоваться.

Доратъ лишился отчасти славы своей, продолжая сочинять до глубокой старости. Исторія говоритъ намъ объ одномъ Монархѣ, которой требовалъ отъ своего Министра, чтобы онъ всякое утро твердилъ ему: *Государы! не забудь своихъ обязанностей!* Старымъ поэтамъ также надобно имѣть искреннаго пріятеля, которой бы всякое утро говорилъ имъ: *не забудьте льтъ своихъ!* Горацийъ увѣряетъ, что у него былъ такой другъ.

Доратъ въ старости женился на двадцати-лѣтней дѣвушкѣ. Когда одинъ изъ его пріятелей сказалъ ему, что въ Октябрь жизни нашей поздно влюбляться, Доратъ отвѣчалъ, что стихотворцы пользуются всякою вольностію. По крайней мѣрѣ, возразили ему, тебѣ надлежало бы выбрать жему постарше. *Друзья!* (сказалъ онъ) *я хочу лучше, чтобы сердце мое прокололи свѣтлою шпагою, нежели ржавымъ копьемъ.*

Къ № 17. Въ 1474 году Парижскіе Медики и Хирурги представили Людовику XI, что многіе знатные люди страдаютъ отъ каменной болѣзни и колики, и что для ихъ излеченія нужно осмотрѣть то мѣсто, гдѣ она болѣзни зарождаются; что сію операцію должно сдѣлать надъ живымъ человекомъ, и что они просятъ для того отдать имъ приговореннаго къ смерти вора. Парижскаго ремесленника, которой часто былъ подверженъ симъ болѣзнямъ. Король согласился на ихъ требованіе, и сія (конечно первая) операція сдѣлана была публично на кладбищѣ Св. Северина. Тѣло разрѣзали,

осмотрѣли все, что надобно, снова зашили, и черезъ двѣ недѣли сей человекъ совершенно выздоровѣлъ. Король простилъ его и наградилъ еще деньгами.

Случаи жизни бываютъ иногда очень странны: сему вору надлежало быть приговорену къ смерти, чтобы вылечиться отъ каменной болѣзни, а сія болѣзнь спасла его отъ висѣлицы. — Мертвое тѣло почиталось тогда свитынею, до которой лекари не дерзали касаться. Даже во время царствованія Франциска I, не смѣли они разрѣзывать человѣческихъ труповъ, и Карлъ V, Императоръ, посылалъ нарочно спросить у Салманскихъ Теологовъ, можно ли безъ грѣха упражняться Докторамъ въ Анатоміи?

* * *

Кардиналь Ришелье, послѣ важныхъ государственныхъ дѣлъ, часто забавлялся самыми ребяческими играми. Однажды Маркизь Граммонъ, вошедши къ нему въ кабинетъ, нашелъ его совсѣмъ раздѣгаго и прыгающаго на одной ногѣ по горницѣ. Другой на его мѣстѣ, видя такую странность, не зналъ бы, что дѣлать; но Граммонъ, какъ человекъ придворной, ни мало не замѣшался, сбросилъ съ себя кафганъ, и сказалъ: я бьюсь объ закладъ, что вамъ не опередить меня, началъ съ нимъ прыгать по кабинету. — Кардиналь, за такую умную догадку, старался изъявить ему въ разныхъ случаяхъ благодарность свою.

Къ № 18. Петръ Корнель хотѣлъ быть Адвокатомъ; но приказныя дѣла не шли ему въ голову. Одинъ изъ его пріятелей познакомиль его съ своею любовницею. Корнель понравился красавицѣ, и черезъ нѣсколько времени прежнему любовнику указали двери. Сіе приключеніе сдѣлало его Авторомъ, и было содержаніемъ первой его драматической піесы.

Обстоятельства Корнелевой женитьбы заслуживаютъ примѣчанія. Онь пришелъ однажды къ Кардиналу Ришелье, задумался и не говорилъ ни слова. Кардиналь спросилъ, не занимается ли онъ какимъ нибудь новымъ сочиненіемъ? «Нѣтъ», отвѣчалъ Корнель: въ сердцѣ моемъ нѣтъ того спокойствія, которое нужно имѣть Автору». — Ришелье хотѣлъ знать, что

его тревожить, и Поэтъ открылся, что онъ влюбленъ въ дочь Генерала Андели, и что отецъ не хочетъ ее отдать за него. Кардиналь взялся за сіе дѣло, и гордой Андели почелъ за особливую честь имѣть зятемъ своимъ такого *случайнаго стихотворца*.

Корнель не умѣлъ читать стиховъ своихъ. Ему сказали, что Роберъ, будучи въ театрѣ, дурно говорилъ о его шіесъ. *Тебѣ не льзя этому въришь*, отвѣчалъ Роберъ Корнелю въ свое оправданіе: *я восхищался стихами твоими не только на театрѣ, но даже и тогда, когда ты порнишь ихъ своимъ чтеніемъ*.

Онъ совсѣмъ неприятенъ былъ въ обществѣ, и говорилъ нескладно даже о самыхъ любимыхъ своихъ предметахъ. Когда же знакомые укоряли его симъ небреженіемъ, онъ отвѣчалъ съ гордостію: *я Корнель*.

Сему великому сочинителю оказывались отъбѣнныя почести. Онъ имѣлъ въ театрѣ особое мѣсто, и зрители при входѣ его вставали; всеобщее рукоплесканіе встрѣчало и провожало его изъ партера.

Никая трагедія не была въ такой славѣ, какъ *Сидъ*. «Я зналъ одного Генерала и Математика, говоритъ Фонтенель, которые до старости не бывали въ спектакляхъ, а наконецъ пошли въ театрѣ за тѣмъ, чтобы видѣть *Сиду*.»— Въ библіотекѣ у Корнели было шесть или семь переводовъ сей шіесы: Англійской, Нѣмецкой, Гишпанской, Итальянской и проч. Дѣти учили ее наизусть, и часто говорили въ пословицу: *это прекрасно какъ Сидъ*. Кардиналь Ришелье хотѣлъ выдать себя за Автора сей трагедіи; но Корнель, любя славу болѣе денегъ, не могъ на то согласиться. Ришелье, въ отмщеніе, велѣлъ Академіи сочинить на *Сиду* критику.

Къ № 19. Однажды спросили Фалеса, старѣйшаго изъ семи Греческихъ мудрецовъ, чѣмъ онъ болѣе всего гордится? Философъ задумался, улыбнулся, погладилъ рукою бѣлую свою бороду, и сказалъ: *тѣмъ, что мнѣ удалось одинъ разъ въ жизни перехитрить осла!*— Оса? страшная гордость! но

случай любопытенъ. Плутархъ рассказываетъ его съ обыкновенною своею важностію. Вотъ въ чемъ состояло дѣло:

Въ Греціи возили соль на ослахъ. Одному изъ нихъ случилось упасть въ рѣку; соль намокла, разошлась, и осель почувствовалъ, что бремя его гораздо облегчилось. Онъ угадалъ причину, и съ того времени всякой разъ бросался съ пошею въ воду, чтобы избавиться такимъ образомъ отъ своей тягости. Бѣдный купецъ, которому принадлежала соль, не зная, что дѣлать, и наконецъ прибѣгнувъ къ мудрости славнаго Фалеса. Сей Философъ, по нѣкоторомъ размышленіи, велѣлъ ему навьючить на хитраго осла не мышки съ солью, а хлопчатую бумагу, и такимъ образомъ гнать его вмѣстѣ съ другими. Осель по обыкновенію своему бросился въ первую рѣку; но что же вышло? Хлопчатая бумага, набравъ въ себя воды, сдѣлалась въ пять разъ тяжеле—хитрость обратилась ему въ наказаніе,—осель исправился, и съ того времени началъ бояться не только глубокихъ рѣкъ, но и маленкихъ ручейковъ.

Къ № 20. Бель, сочинитель историческаго и философическаго Лексикона, совсѣмъ не зналъ Геометріи и признавался своимъ друзьямъ, что онъ никогда не могъ понять первой Эвклидовой проблемы.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ онъ: «Меня уверяютъ, что г. Депрео любитъ мое сочиненіе: я удивляюсь тому и радуюсь. Лексиконъ мой, въ разсужденіи сего Поэта, кажется мнѣ Африканскою степью, по которой можно вхатъ дни четыре, не нашедши ни плодоноснаго дерева, ни свѣжаго источника».

Бель писалъ къ Турмину: «Я подобенъ Юпитеру, образующему облака. Дѣло мое состоитъ въ томъ, чтобы собирать всякаго рода сомнѣнія; но сомнѣніе не есть еще доказательство».

Фагонъ, извѣстный Докторъ, слыша о Белевой болѣзни, сказалъ: «Для того, чтобы вылечить сего Философа, надобно сыскать лекарство такое же чудесное, какъ его разумъ».

Лейбницъ говоритъ о Бель, что онъ въ разсужденіи фило-

софическаго остроумія есть между учеными тоже, что Пиндаръ между Лирическими Поэтами.

Къ № 21. Фенелонъ часто говаривалъ: *Я люблю семейство мое болѣе самаго себя, люблю отечество болѣе моего семейства. люблю родъ человѣчскій болѣе отечества*

*
**

Одинъ умной, но только неученой и грубой человекъ, вздумалъ въ присутствіи Буало бранить стихотворство. «Что въ немъ? сказалъ онъ съ жаромъ: къ чему оно служить? Какую приноситъ пользу?—Потому-то я и удивляюсь стихотворству, отвѣчалъ Буало, что оно, будучи даже и бесполезно, составляетъ пріятнѣйшую забаву нѣжныхъ душъ и просвѣщенныхъ людей.

*
**

Авторъ Валенкуръ имѣлъ прекрасную библіотеку, которая сгорѣла вмѣстѣ съ его домомъ. Онъ ни мало тѣмъ не огорчился, и сказалъ друзьямъ своимъ, хотѣвшимъ утѣшать его: *я худо бы пользовался моими книгами, еслибы не научился обходиться безъ нихъ.*

Къ № 22. Діогенъ Лаэртій увѣряетъ насъ, что Платонъ заимствовалъ мудрость свою отъ какого-то Епихарма, которой, по его словамъ, былъ великой человекъ, и читалъ всю Патуру какъ азбуку. Лаэртій сохранилъ для потомства некоторыя мѣста изъ его твореній, достойныя примѣчанія. На примѣръ, разсуждая о мудрости, Епихармъ говоритъ: *Не думайте, о друзья! чтобы мудрость пришлежала одному человеку; нѣтъ, все живущее имѣетъ объ ней понятіе. Курица не родитъ цыплятъ, а несетъ яйца, и послѣ на нихъ садится. Такова-то она! Посмотрите и на то, какъ утка лобуется своими утятами. Собака также не можетъ наглядѣться на своихъ щенятъ; осель также; свинья также. Повѣритъ ли читатель, чтобы сей чудесной Епихармъ могъ быть наставникомъ Платоновымъ?*

*
**

Платонъ, какъ извѣстно, былъ не только мудрецъ, но и стихотворецъ. Вотъ двѣ эпиграммы, сочиненныя имъ для одной красавицы:

«Милая Лидія! я хочу быть небомъ, когда ты зриаешь «на его пространство; хочу имѣть столько глазъ, сколько «звѣздъ сіяеть на ономъ, чтобы разсматривать ими твои «прелести.»

«Гдѣ ты, милая? Нѣкогда сіяла ты въ міръ нашемъ какъ «звѣзда утренняя; теперь сіяешь какъ звѣзда вечерняя въ по- «ляхъ Елисейскихъ.»

Къ № 23. Сентъ-Эвремонтъ, Французской дворянинъ и Писатель, жившій въ седьмомъ-надесять вѣкѣ, былъ одинъ изъ славнѣйшихъ *свѣтскихъ Философовъ*; слѣдую Горациеву правилу, усыпалъ онъ цвѣтами путь свой до самаго гроба, и въ глубокой старости наслаждался жизнью съ пламеннымъ чувствомъ молодого челоювка.—Такіе люди достойны примѣчанія. Въ одномъ мѣстѣ сочиненій своихъ описываетъ онъ себя (въ третьемъ лицѣ) слѣдующимъ образомъ:

«Сентъ - Эвремонтъ можетъ по справедливости назваться Философомъ; не терпитъ вольнодумства, вѣрнъ безъ суевѣрій, и старается исполнять всѣ должности добраго гражданина; любитъ удовольствіи, но ненавидитъ распутство; никогда не зналъ нужды, и никогда не жилъ въ изобиліи. Тѣмъ, которые имѣютъ все, кажется его состояніе низкимъ и бѣднымъ; тѣ, которые не имѣютъ ничего, завидуютъ ему; благоразумные почитаютъ его счастливымъ. Въ молодости былъ онъ бережливъ, зная, что для спокойствія долгой жизни погребно имѣніе; а въ старости презираетъ корыстолюбіе и скупость, думая, что бережливость не нужна тому, кому остается уже не много времени быть нищимъ. Доволенъ Натурою, и никогда не жалуется на судьбу; гнушается преступленіемъ, прощаегь слабости, сожалѣетъ о несчастіи; не ищетъ въ людяхъ порочнаго и не любитъ злословія; ищетъ только смѣшнаго для забавы своей; хотѣлъ бы и другимъ показать оное, чтобы вмѣстѣ съ ними смѣяться, но скромность велитъ ему молчать.

Жизнь кажется ему столь краткою, что онъ не хочетъ излишно обременять памяти своей всякаго рода знаніями; читаетъ мало, но съ выборомъ; старается мудрыми книгами утвердить разумъ свой, а пріятными украсить воображеніе и чувство. Въ дружбѣ онъ нѣжнѣе обыкновеннаго Философа, но разсудительнѣе юноши; наслаждается жизнью, но не боится смерти, и готовъ всякую минуту оставить тлѣнный міръ, съ утѣшительною надеждою на благость всетворящаго Провидѣнія.»

Сентъ-Эвремонъ былъ самой пріятной человекъ въ обществѣ; вездѣ его любили, и во Франціи и въ чужихъ земляхъ; истинное дружество омочило гробъ его слезами непритворной горести. Онъ умеръ въ Лондонѣ, и погребенъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, вмѣстѣ съ Королями и великими мужами Англій.

Къ № 24. Дамонъ и Питиасъ нашего времени.

(Изъ Ваткинсова путешествія, напечатаннаго въ Лондонѣ въ 1793 году.)

Добродѣтель свойственна всемъ климатамъ: сія истина, опытомъ утвержденная, бываетъ утѣшительна для сердца путешественниковъ. Хотя суевѣріе, корыстолюбіе и мскительность весьма ослабили въ жителяхъ Сициліи чувства нравственности, однакожъ слѣдующая исторія доказываетъ, что и на семъ островѣ рождаются люди съ нѣжною и чувствительною душою.

Лоренцо Музада, гражданинъ, Катаніи былъ взятъ въ плѣнъ Алжирскими разбойниками въ 1774 году. Въ Алжиръ купилъ его одинъ богатой Турокъ, которой почтталъ за святую должность мучить Христіанъ, и обходился съ невольникомъ своимъ какъ самый жестокосердый тиранъ. Къ счастью сынъ сего человека, именовъ Фезула, бывшій тогда десяти лѣтъ, полюбилъ Сициліанца, ласкалъ его и старался оказывать ему всякія услуги. Лоренцо, изъ благодарности, просвѣщаль разумъ мальчика и впечатлѣвалъ въ сердце его правила Морали. — Фезула, будучи шестнадцати лѣтъ, купался однажды въ морѣ; волны увлекли его далеко отъ берега; онъ лишился силъ

и утонуть бы неизбежно, если бы Лоренцо не бросился за ним и не спасъ его. Признательный юноша еще болѣе полюбилъ избавителя своего; упалъ къ ногамъ жестокаго отца и просилъ его со слезами, возвратить свободу великодушному невольнику—но тщетно! Лоренцо долгое время вздыхалъ еще въ оковахъ рабства. Наконецъ Фезула сыскалъ случай тайно отправить его въ Европу на одномъ Англійскомъ корабль: слезы радости смѣшались съ слезами горестной разлуки; друзья разстались, и клялись быть вѣчно друзьями. — Лоренцо возвратился въ свою отчизну, получилъ въ наследство небольшое имѣніе послѣ одного умершаго родственника, и жилъ пріятно, наслаждаясь чувствомъ свободы и независимости. Черезъ нѣсколько лѣтъ, для удовольствія своего, поѣхалъ онъ на корабль въ Геную, — и вышедши на берегъ, услышалъ голосъ: *Лоренцо! другъ мой, милый другъ!* Лоренцо взглянулъ—и Фезула бросился къ нему въ объятія. Первая минута была восхижительна, вторая горестна; великодушной Турокъ стоялъ передъ нимъ въ цѣпяхъ—Генуэзская галера взяла его въ полонъ на пути въ Алепъ. Лоренцо отдалъ невольнику все, что у него было; простился съ нимъ въ тотъ же часъ, возвратился немедленно въ Сицилію, продалъ за дешевую цѣну свое имущество, прѣехалъ опять черезъ нѣсколько недѣль въ Геную, выкупилъ своего благодѣтеля и отправилъ его въ Алжирь. — Въ 1788 году Фезула приплылъ на собственномъ корабль въ Катанію, купилъ землю, домъ, садъ, подарилъ ими своего друга, и привелъ его въ состояніе жить спокойно и щастливо. Когда Англичанинъ Ваткинсъ былъ въ Сициліи, любезный Музульманинъ не могъ еще разстаться съ своимъ Лоренцомъ, и жилъ съ нимъ вмѣстѣ въ загородномъ домѣ.

Святое чувство! кто дерзнетъ назвать тебя неблагоразуміемъ? Низкія души! будьте вѣчно идолами для самихъ себя; не жертвуйте ничѣмъ для дружбы, и не знайте никогда, что есть дружба!

Къ № 25. О чувствѣ меланхолии.

(Изъ *Etudes de la Nature, par J. H. B. de Saint-Pierre*).

Природа столь благодѣтельна, что она всѣ явленія физическаго міра обращаетъ къ нашему удовольствію, и если бы мы захотимъ примѣчать, то увидимъ, что самыя обыкновенныя феномены имѣютъ въ себѣ величайшую пріятность.

На примѣръ, я чувствую неописанное удовольствіе, когда льетъ сильной дождь; когда вода течетъ со мшистыхъ стѣгъ какого-нибудь древняго зданія, и когда воеетъ вѣтеръ. Сей меланхолическій шумъ, во время ночи, погружаетъ меня въ глубокой и сладкой сонъ. — Плиній говоритъ объ одномъ Римскомъ Консулѣ, которой, во время ненастья, ставилъ всегда постелю свою подъ густыми вѣтвями дерева, чтобы слушать паденіе дождевыхъ капель, и засыпать подъ ихъ журчаніемъ.

Я не знаю, къ какому физическому закону относятъ Философы чувство меланхолии; но знаю то, что оно весьма пріятно для души моей. *Меланхолия соблазнительна*, говоритъ Монганъ. Сіе, кажется, происходитъ отъ того, что она удовлетворяетъ вдругъ двумъ сущностямъ, изъ которыхъ мы образованы: тѣлу и душѣ, чувству нашей бѣдности и чувству нашего превосходства.

На примѣръ, въ дурное время чувство бѣдности человеческой дѣлается для меня причиною удовольствія, и радуюсь тому, что дождь идетъ, а меня не мочить; что холодной вѣтеръ шумитъ, а мнѣ тепло подъ одѣяломъ. Къ сему удовольствію присоединяется другое: внимая отдаленному шуму вѣтра, воображаю безконечность пространства: идея весьма пріятная для души моей! а потомъ разсуждаю о законахъ Натуры, и думаю, что сей дождь составился изъ водъ океана; что онъ пришелъ къ намъ, можетъ быть, отъ береговъ Америки; омываетъ нечистоту въ большихъ городахъ, наполняетъ источники, дѣлаетъ рѣки судоходными; и между тѣмъ, какъ облака, изъ коихъ онъ льется, спынаетъ къ востоку для освѣженія травъ въ великой Тартаріи. зерна, уносимыя съ нашихъ полей дождевою водою, будутъ служить пищею рыбамъ Атлантическаго океана. — Сіе *путешествіе мыслей* рас-

пространяеть, такъ сказать, и возвеличиваетъ дуну мою, въ то самое время, когда мое тѣло, любящее съ своей стороны тишину и бездѣйствіе, совершенно шокойно.

Когда же я печаленъ и не хочу такъ далеко распространяться душею моею, тогда предаюсь меланхоліи, которую вселяетъ въ насъ дурная погода, и наслаждаюсь удовольствіемъ особеннаго рода, воображая, что Природа, подобно нѣжному другу, беретъ участіе въ моей горести, и скорбитъ вмѣстѣ со мною. Она прекрасна во всякомъ образѣ, и когда идетъ дождь, тогда мнѣ кажется, что я вижу передъ собою въ слезахъ милую, прелестную женщину.

Гармонія между тѣломъ и душею бываетъ причиною того, что самые ужасные феномены Патуры часто нравятся намъ лучше веселыхъ картинъ ея. Путешественники ѣздятъ въ Неаполь болѣе для Везувія, нежели для прекрасныхъ садовъ, его окружающихъ; поля Италіи и Греціи, устланныя мшистыми развалинами, пріятнѣе обработанныхъ полей Англіи; картина бури занимательнѣе картинъ тишины, и паденіе башни привлекаетъ болѣе зрителей, нежели ея строеніе.

Къ № 26. Одинъ ученый, бывшій недавно на горѣ Ливанской, нашелъ тамъ двадцать пять кедровъ, которые, по его мнѣнію, древнѣе потопа. Каждое изъ сихъ деревъ въ окружности болѣе 50 футовъ. Надобно думать, что они существуютъ по крайней мѣрѣ 6000 лѣтъ. — Жаль, что сіи древесные старцы говорить не могутъ: сколько бы чуднаго и любопытнаго мы отъ нихъ услышали!

На островѣ Цейлонѣ есть дерево, котораго листья такъ широки, что подъ каждымъ изъ нихъ, во время дождя, могутъ укрыться двадцать человекъ!! Сіе примѣчаніе достойное дерево называется *Талшпомъ*.

* * *

Въ доказательство, сколь умны бываютъ обезьяны, служить слѣдующій анекдотъ, весьма не новый, но можетъ быть не всѣмъ извѣстный. У Императора Карла V была марышка, которая часто игрывала съ нимъ въ шашки, и не рѣдко давала

ему *шахъ* и *матъ*. Однажды проигравъ игру, онъ такъ разсердился, что ударилъ ее по щекѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Императоръ опять съѣлъ играть съ свосю мартышкой, и мартышка опять побѣдила его; но давъ ему *матъ*, закрыла себѣ щеку подушкою, которая подлѣ нея лежала, и бросилась передъ нимъ на колѣни. Онъ засмѣялся и сказалъ придворнымъ: «Не правда ли, государи мои, что *умныя обезьяны* бываютъ гораздо *умнѣе* *глупыхъ людей*?»

Гишпанцы говорятъ, что совершенной красавицѣ должно имѣть три вещи бѣлыя: кожу, зубы и руки—три черныя: глаза, брови и ресницы—три красныя: губы, щеки и ногти—три длинныя: станъ, волосы и руки—три короткія: зубы, уши и ноги—три широкія: грудь, лобъ и междубровіе (*)—три узкія: ротъ, поясицу и плюсну—три толстыя: шкуру, плечо и бедру—три тонкія: пальцы, волосы и губы—три маленькія: носъ, голову и т. ..

И такъ для Гишпанцевъ не много красавицъ!

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

(*) См. Словарь Россійской Академіи ч. 1., стр. 342.

1854
7

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

СМЪСЪ

ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВЪДОМОСТЕЙ 1795 ГОДА,

Н. М. Карамзина.

(Продолженіе).

Къ № 27. Отагити.

Въ южномъ морѣ, между Троицками, есть островъ, на которомъ живетъ народъ не просвѣщенной, но доброй и благополучной: сей островъ называется *Отагити*. Лѣтъ двадцать говорятъ объ немъ въ нашихъ обществахъ, и, года за четыре передъ симъ, десять Англичанъ, продавъ свое имущество, сѣли въ Лондонъ на корабль и поѣхали въ Отагити, напечатавъ въ вѣдомостяхъ: *прости, отечество! ты не могло сдѣлать насъ счастливыми, мы идемъ къ добродушнымъ Отагитцамъ.*

Донъ Педро Фернандезъ де-Квиросъ, Гиппанской мореплаватель, первый открылъ сей островъ въ 1506 году. После того, черезъ 150 лѣтъ, былъ на немъ Англійской Капитанъ Валлисъ; потомъ, въ 1768 году, извѣстной Французской мореплаватель Бугенвиль, а въ 1769 году славной Кукъ, которой нослъ того былъ тамъ три раза. Въ 1788 до 1795 года приставали къ Отагити разные Англійскіе, Американскіе и Гиннанскіе корабли.

Отагитцы, судя по ихъ языку, происходятъ отъ Индѣйскихъ *Маласъ*. Они прѣтень для слуха; каждое слово оканчивается гласною буквою, и ни въ одномъ нѣтъ литеры с или з. Впрочемъ языкъ ихъ весьма беденъ для означенія умственныхъ понятій; на примѣръ, мысль называютъ они языкомъ желудка. Каждый Отагитецъ имѣетъ у себя въ домѣ *тиги*, или маленькую, деревянную статую, сдѣланную на подобіе человѣческаго образа: люди, по ихъ словамъ, видятъ, слышатъ и чувствуютъ посредствомъ *тиги*: сдѣлственно сими статуями изображается у нихъ душа. Искусство писать имъ совсѣмъ неизвѣстно.

Отагити состоятъ изъ двухъ полуострововъ, которые соединяются перешейкомъ и похожи фигуурою на число 8; оба они въ окружности не болѣе 70 верствъ. Въ серединѣ ихъ возвышаются горы, на которыхъ часто облака останавливаются; снѣгъ облака сыростию своею питаютъ на оныхъ влагу, и вода безчисленными потоками течетъ въ долины, освѣжаетъ деревья и травы, и дѣлаетъ землю плодородною. — Весь островъ окруженъ скалами, имѣющими въ разныхъ мѣстахъ отверстія, которыя служатъ для кораблей гавайями; но только одни жители знаютъ, гдѣ можно приставать безъ опасности, и потому снѣ каменныя горы защищаютъ ихъ отъ всѣхъ внѣшнихъ непріятелей.

Число Отагитцевъ простирается до 150,000; все они живутъ спокойно и счастливо, подъ начальствомъ двухъ Царей, изъ которыхъ одинъ правитъ большимъ, а другой малымъ полуостровомъ. Весь же островъ раздѣляется на нѣсколько округовъ, и каждой округъ находится подъ надзираніемъ особливаго начальника, принадлежащаго къ фамилии царской. Снѣ начальники называются Эри, а Царь *большой Эри*, *Эри-Рагаи*. Всякій Эри имѣетъ своихъ рабовъ, которые пасутъ его свиней, кормятъ собакъ, куръ, ловятъ для него рыбу, строятъ жилище, и часто кладутъ ему въ ротъ пищу. Сверхъ Эри и рабовъ есть еще третій родъ свободныхъ людей, имѣющихъ собственность и работающихъ только для самихъ себя. Царское достоинство наследственно, и Царю оказывается великое почтеніе. Все подданные, и даже самые

ближніе родственники его снимаютъ передъ нимъ верхнее платье свое и обнажаютъ себя до самаго пояса. Въ важныхъ дѣлахъ собираетъ онъ общій советъ, въ которомъ имѣютъ мѣсто всѣ начальники округовъ, жрецы, Эри, и свободные люди пли Магауни. Всякой долженъ сидѣть; а кто хочетъ говорить, тотъ встаетъ и приближается къ Царю. Старики говорятъ обыкновенно съ важностію; а молодые не рѣдко съ излишнимъ жаромъ и крикомъ, какъ то и въ нашихъ собраніяхъ бываетъ.

Намъ Европейцамъ трудно понять, какимъ образомъ на островъ, составляющемъ не болѣе трехъ квадратныхъ географическихъ миль, питаются 150,000 людей: ибо у насъ на квадратную милю, въ самыхъ хлѣбородныхъ земляхъ полагаютъ только 2,500 человекъ жителей; тамъ, гдѣ садятъ виноградъ, и гдѣ есть фабрики, могутъ прокормиться 5,000, но въ Отагити на каждой квадратной милѣ живутъ 50,000 человекъ.—Надобно знать, что земля, лежащая между Тропиками, чрезвычайно плодородна; всѣ травы и плоды растутъ скоро, и жители почти безъ всякаго труда могутъ довольствоваться дарами Патуры. Такъ называемое *хлѣбное дерево*, растущее въ Отагити на всемъ пространствѣ острова между моря и горъ, нѣсколько разъ въ годъ приноситъ свѣжіе плоды, и вкусные и питательные. Кромѣ сего дерева, есть тамъ много и другихъ, не менѣе плодоносныхъ, на прим. кокосы, бананусы, и проч.; что, вмѣстѣ съ рыбною ловлею и скотоводствомъ, надѣляетъ Отагитцевъ самую изобильною и здоровою пищею.

Одежда сихъ островитянъ весьма проста: они снимаютъ кожу съ одного тонкаго и высокаго растенія, мочатъ ее въ водѣ, кладутъ между двухъ широкихъ досокъ и бьютъ камнемъ до того, какъ она склеится и будетъ похожа на тонкую Китайскую бумагу. Сего матерію, разкрашенною зеленымъ сокомъ травъ, обертываютъ они тѣло свое до самой головы, и такимъ образомъ защищаютъ себя отъ лучей солнца, которые однакожь не весьма беспокоятъ ихъ и въ самое жаркое время, по тому, что всѣ равнины острова остѣняются гус-

тыми вѣтвями *жлѣбныхъ* *деревъ*, составляющихъ прекрасныя тѣнистыя рощи. Ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ видѣть десять или двадцать Отагитскихъ красавицъ, сидящихъ вмѣстѣ подъ тѣною дерева, дѣлающихъ одежду для отцовъ и братьевъ своихъ, и поющихъ веселыя пѣсни, которыя раздаются въ рощахъ, и повторяются отдаленнымъ эхомъ

Къ № 28. Отагити.

(Продолженіе).

Жилища Отагитцевъ подобны хижинамъ Альпійскихъ настуховъ; покрыты благовонными *паиданговыми* листьями или тростникомъ, а внутри устилаются травою. Кромѣ сихъ хижинъ, знатнѣйшіе изъ жителей строятъ изъ тонкаго лѣсу большія крытыя галереи, гдѣ они принимаютъ гостей, и гдѣ живутъ ихъ рабы. Тутъ живутъ и Европейцы, когда въ Отагити пристають корабли; и по тому сіи зданія можно уподобить восточнымъ *каравансараямъ* или гостиницамъ.

Хотя рѣдко, однакожь бываетъ, что жители соседственныхъ острововъ объявляютъ имъ войну: тогда мирнолюбивый Отагитецъ превращается въ героя; племъ съ блестящими перьями развѣвается на голову его; щитъ обшитый звериною кожею, закрываетъ его грудь; онъ прощается съ своею подругою, и сибшитъ искать на морѣ хищнаго врага своего. Для сего сдѣланы у нихъ *военныя боты*, на которыхъ можетъ помѣститься болѣе ста человекъ. Встрѣтивъ непріятельской флотъ, начинаютъ они сраженіе бросаніемъ камней; потомъ сѣпляются съ ихъ лодками, дерутся копьями, палицами—и побѣжденные должны отдаться въ плѣнь побѣдителямъ, которые черезъ нѣкоторое время возвращають имъ свободу.

Религія Отагитцевъ—ибо и самыя непросвѣщенныя народы имѣють религію—состоитъ въ однихъ преданіяхъ. Жрецы ихъ (*Тагаува*) и учителя или *Тагана-Орреро*, рассказываютъ такія чудеса; обряды богослуженія столь таинственны.

и священныя пѣснѣ ихъ, наполненныя поэтическими выраженіями, такъ непонятны, что простые Отагитцы совсѣмъ не могутъ разумомъ своимъ испытывать того, чему они вѣрятъ.

Слово *Эатуа* означаетъ у нихъ и Бога и Генія; но самое высочайшее, невидимое существо называютъ они *большимъ Богомъ, Эатуа-Рагай*. Отъ него происходятъ низшіе боги или Геніи. Каждой островъ имѣетъ своего бога, къ которому первосвященникъ обращаетъ всѣ молитвы свои. Царское кладбище есть мѣсто богослуженія и всѣхъ священныхъ обрядовъ. — *Эатуа-Рагай*, начало всего сущаго, живетъ въ солнцѣ, имъ сотворенномъ. Супруга его есть существо тѣлесное, называемое *О-те-Папа*, что значитъ скала. Отъ нихъ родились *Огина*, сотворившая мѣсяцъ и живущая въ маленькомъ черномъ облачкѣ сего светила; *Те-Гветту-ма-тарай*, творецъ звѣздъ; *Умаррио*, богъ и творецъ моря, *Орре-Орре*, богъ вѣтровъ и начальникъ многихъ духовъ. Нѣкоторыя птицы, на прим. коршунъ, почитаются ими за символъ божества, и потому они весьма на насъ досадовали, когда мы ихъ стрѣляли (*). *Эатуа-Рагай* имѣетъ человѣческой красоты образъ, и темнорусые волосы его висятъ до земли. Онъ производитъ также и землетрясенія, и называется въ семъ отношеніи *О-маува*. По сотвореніи солнца и моря взялъ онъ жену свою, неизмѣримую скалу *О-те-Папа*, и перенесъ ее черезъ море отъ запада къ востоку, гдѣ, по мнѣнію Отагитцевъ, она и теперь видима; сіе сильное движеніе потрясло землю, и острова южнаго моря оторвались отъ оной. — Супруга *Эатуа-Рагай* родила наконецъ *Отеа*, перваго челоука, и жену его *Отеторро*, отъ которыхъ произошелъ родъ челоука. — Сему великому божеству и Генію острова молятся жрецы странными и непонятными словами, и читая на раскивъ молитвы, устремляютъ неподвижно глаза свои на пучекъ желтыхъ перьевъ, который всегда бываетъ у нихъ въ рукахъ. Тутъ приносятся въ жертву разныя животныя, свиньи, собаки, куры и другія птицы, которыя потомъ ос-

(*) Сіи извѣстія писаны Форстеромъ, который былъ въ Отагити съ Кукомъ.

таются и гниютъ на жертвенникахъ. — При рожденіи младенцевъ не бываетъ никакихъ обрядовъ, кромѣ того, что ихъ купаютъ въ рѣкѣ и называютъ именемъ перваго предмета, которой отцу или матери въ глаза попадетъ; на прим. именемъ кориуна, черепахи, курицы. — Свадебные обряды ихъ состоятъ въ томъ, что женихъ и невеста, принявъ благословеніе отъ жрецовъ, садятся за столъ, говорятъ нѣкоторые таинственныя слова, подаютъ другъ другу свѣжіе плоды, — вмѣстѣ купаются въ рѣкѣ, и съ того времени живутъ какъ мужъ съ женою.

Къ № 29. Отагити.

(Продолженіе).

Лекари Отагитскіе называются Тагаувамаи, и принадлежатъ всегда къ числу жрецовъ. Имъ извѣстны свойства нѣкоторыхъ цѣлительныхъ травъ; но по большей части прибѣгаютъ они въ леченіи къ сусвѣрнымъ средствамъ. Если больной выздоровѣтъ, то медикъ славится своимъ искусствомъ; если больной умретъ, то спсходительные Отагитцы говорятъ: *ему нельзя было помочь; ему надлежало умереть.* Тогда всѣ родственники и пріятели собираются въ его жилище, и начинаютъ плакать и рыдать, иные искренно, другіе следуя только обыкновенію; жрецъ читаетъ молитвы, и кропитъ умершаго морскою водою. Потомъ завертываютъ трупъ въ бѣлую, бумажную матерію, относятъ въ гробъ на берегъ моря, ставятъ на высокій срубъ, покрываютъ благоуханными листьями и обвѣшиваютъ выками, сплетенными изъ цвѣтовъ и панданговыхъ вѣточекъ съ плодами; иногда же обсаживаютъ сіе мѣсто разными душистыми растеніями. Женщины, изъявляя любовь къ умершему, царапаютъ себѣ голову, омочаютъ кровью своею букетъ цвѣтовъ и бросаютъ его въ гробъ, вмѣстѣ съ клокомъ отрѣзанныхъ волосъ своихъ. Когда, мѣсяцевъ черезъ 5, пстлеть трупъ, тогда вынимаютъ изъ гроба кости, моютъ и погребаютъ ихъ въ землю. Если умершій былъ Эри, то голова его погребается

особливо въ маленькомъ ящикѣ, который называется домомъ *Орометуа*. Сей Орометуй, по словамъ Отагитцевъ, есть злой духъ, который держится вокругъ гробовъ, и питается тѣлами умершихъ; иногда же, подобно невидимой змѣѣ, вползаетъ въ живыхъ людей и умерщвляетъ ихъ. Дуна, какъ говорятъ они, нѣсколько времени нѣется надъ кладбищемъ; а потомъ, если она была здѣсь душою Эри, или героя, возносится въ солнце, и тамъ, со всеми богами, наслаждается небесною пищей. — День погребенія костей бываетъ всегда праздникомъ; поютъ веселыя пѣсни, пляшутъ и бьютъ въ барабаны, или на берегу моря, или въ одной изъ крытыхъ галлерей.

Примѣчанія достойно то, что въ Отагити пляшутъ только одиѣ женщины, а мужчины никогда. Пляска сія состоитъ въ скоромъ движеніи рукъ и пальцевъ, подъ голосъ пѣсней; впрочемъ ногами они почти не трогаются; иногда же становятся на колѣни, и кривляются весьма неприятнымъ образомъ. Праздничная одежда сихъ танцовщицъ похожа на робу, и спускается немного съ плечъ; на голову надѣваютъ онѣ сплестенную изъ человѣческихъ волосъ шапку, и украшаютъ ее благовонными цветами. — У нихъ бываютъ также и драматическія представленія, отчасти съ словами, отчасти пантомимой. На примѣръ, знатной Эри не хочетъ выдать дочери своей за молодого человѣка, сіѣ любезнаго. Она вздыхаетъ, плачетъ, и наконецъ, обманувъ отца своего, уходитъ ночью съ любовникомъ. Эри просыпается, узнаетъ о побѣгѣ ихъ и гонится за ними, но не можетъ догнать. Черезъ нѣкоторое время молодые супруги представляютъ раздраженному отцу сына своего, прекраснаго мальчика Эри смягчается, беретъ на руки младенца, цѣлуетъ его, и прощаетъ дочь свою и зятя. — Или скупой богачъ зарываетъ въ землю свои сокровища, надеясь симъ способомъ сберечь ихъ отъ воровъ; но хитрые воры приходятъ ночью, вырываютъ и уносятъ ихъ. Скупой въ отчаяніи; бьетъ себя въ грудь, проклинаетъ людей, валяется по землѣ — и веселые Отагитцы смѣются отъ всего сердца.

Къ № 30. Отагити.

(Окончаніе).

Мы должны упомянуть еще о некоторомъ особливомъ родѣ людей, которые находятся какъ въ Отагити, такъ и на другихъ соседственныхъ островахъ, и называются *Эріоями*. Всѣ они составляютъ одно дружеское общество, принадлежать къ первому или знатнѣйшему классу жителей, и должны всегда быть холостыми. Какъ скоро чужестранный *Эріой* пріѣдетъ въ Отагити, и объявитъ о себѣ тамошнимъ *Эріоямъ*, то всякой изъ нихъ старается угостить его наилучшимъ образомъ. Въ 1774 году, когда я былъ на семь островъ, приплыю туда въ лодкахъ около двухъ сотъ *Эріоевъ* съ разныхъ острововъ. Отагитцы приняли ихъ какъ друзей, кормили самую лучшую пищею, увѣчевали цвѣтами, дарили своими бумажными матеріями, и веселились съ ними всякой вечеръ до глубокой ночи. Красавицы Отагитскія брали участіе въ сихъ празднествахъ, и ласкали гостей своихъ такъ, что мы завидовали щастію *Эріоевъ*. Всякой *Эри* можетъ быть принятъ въ сіе общество, еслии онъ не женатъ; когда же, накупивъ праздною и роскошною жизнью, захочетъ жениться, то можетъ опять выйти изъ онаго. Имъ позволено имѣть любовницъ; но только дѣти ихъ, по варварскому закону, должны быть умерщвляемы въ минуту рожденія.

Отагитцы, по справедливости, могутъ назваться прекрасными людьми; и хотя они не такъ бѣлы, какъ Европейцы, однакожь лица ихъ весьма пріятны и показываютъ душевную искренность. Всѣ они высокаго роста, стройны и видны собою; а женщины отъменно хороши, и въ черныхъ большихъ глазахъ ихъ сіяетъ огонь любви. Вообразите, что долженъ чувствовать Европейецъ, которой пристаетъ къ сему щастливому острову, и которой 8 или 10 мѣсяцевъ не видалъ ничего, кромѣ воды и неба! Все прельщаетъ его зрѣніе: цветущая зелень, густыя, прохладныя рощи, плоды всякаго рода; а всего болѣе красота женщинъ, пѣжныхъ, милостивыхъ — женщинъ, которыя встрѣчаютъ его съ ласковою улыбкою и призываютъ къ удовольствіямъ сладостнобія. Онъ

забываетъ свое отечество, восхищается и думаетъ: *построю здѣсь жилищу, и останусь на вѣки съ благополучными Оташцами.*

Къ № 31. Историческій патриотизмъ.

(Анекдотъ изъ Страбона).

Эфоръ, Греческой писатель и Кимской уроженецъ, сочинилъ исторію своего отечества, и блестящими красками описалъ въ ней славную побѣду Лепидіи при Маратонѣ, героизмъ Леоидово, поражение Персовъ и двадцатисемилѣтнюю Пелопонезскую войну. — Ему хотѣлось также прославить и тотъ городъ, гдѣ онъ родился; но, къ несчастію, Цима или Кима была ничего незначащая Республика, которая не брала никакого участія въ великихъ происшествіяхъ міра, и вообще почиталась въ Греціи второю Абдерою. Какимъ же образомъ говорить объ оной? Историкъ патриотъ нашелъ способъ: всякое повѣствованіе о славныхъ дѣйствіяхъ Грековъ оканчивалъ онъ словами: *въ самое сіе время жителя Кимы... ничего не дѣлали!*

Рошфукольдовы мысли.

Природа даетъ челоѣку достоинства: случай открываетъ ихъ.

*

Добродѣтели теряются въ эгоизмъ или самолюбіи, подобно какъ рѣки теряются въ морь.

*

Постоянство въ любви есть... всегдашнее непостоянство; то есть, сердце наше *попеременно* любитъ въ одномъ челоѣкѣ *разныя* свойства: нынѣ то, завтра другое, и такъ далье. (Сія мысль кажется не совсѣмъ справедливою. Одно свойство въ челоѣкѣ, согласное съ расположеніемъ души нашей, можетъ быть для насъ любезно до *безконечности*, такъ что мы, не уничтожившись морально, не можемъ разлюбить его.)

Человѣкъ все любитъ въ отношеніи къ самому себѣ; даже и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ предпочитаетъ друга собственной пользы, слѣдуетъ онъ только своему вкусу и побужденіямъ самолюбія. Однакожь истинная и совершенная дружба не можетъ быть безъ сего предпочтенія.

*

Къ чести добродѣтели надобно согласиться, что величайшія нещастія людей происходятъ отъ ихъ пороковъ.

*

Нельзя презирать всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ пороки; но всякой презираетъ того, кто не имѣетъ никакой добродѣтели.

Къ № 52. ВЕСЕННИЕ ЦВѢТЫ (*).

Весна наступаетъ, и твореніе мало по малу оживаетъ. Каждой день приноситъ съ собою новую красоту Природы; съ каждымъ днемъ приближается она къ своему совершенству. Все зеленеетъ. Съ надеждою и веселіемъ взростать поселянинъ на озимахъ, которыя болѣе и болѣе укрываютъ влажную землю.—Щастливые деревенскіе жители! вмѣстѣ съ Природою оживляются сердца ваши: настало время наслажденія. Въ поле, въ поле! Тамъ прогулка, тамъ работа; вездѣ удовольствіе и радость. — А мы, городскіе жители, идемъ наслаждаться весною въ садахъ нашихъ. Уже милая фіалка синѣется на дерновомъ пригоркѣ, чувствуемъ ея бальзамъ и ароматы. Руки порочныхъ! не прикасайтесь къ сему цвѣточку: ахъ! онъ увянетъ! Граціи образовали его изъ пару нектарнаго, для одной невинности и добродѣтели.—Скоро послѣ фіалки распускаются гіацинты, душистой прелестной, и бархатная аврикула, цвѣточекъ маленькій, но любезной для глазъ и обонянія, и блѣднофіолетовые колокольчики съ овальными лепестками. Цвѣтущій тюльпанъ не смѣетъ еще показаться, боясь холодныхъ ночей и сырости. Веселитесь тѣмъ,

(*) Номеръ Вѣдомостей вышелъ 21-го апрѣля.

что видите, друзья мои! и ждите съ терпѣніемъ красныхъ дней лѣта. Тогда цвѣтники ваши явятся во всей славѣ своей; тогда украсятъ ихъ пестрыя гвоздички, пышныя розы и великолѣпныя лилеи; тогда исполнятся всѣ желанія любителей Флоры!

Весна, весна любезная! образъ щастливой юности чело-
вѣка! И самый старецъ, въ вечерній минуты жизни своей, можетъ еще веселиться твоими красотами. Взвирая на цвѣту-
щій садъ Природы, въ умиленіи сердца своего, онъ думаетъ:
и я цвѣлъ никогда! и я былъ въ Аркадіи! Слезы текутъ по
лицу его; но мысль о новой, вѣчной Аркадіи—тамъ, за гори-
зонтомъ тлѣннаго міра — подобно лучу солнечному озаряетъ
его душу.

Къ № 33. Чувство.

Все дѣлается чувствомъ въ сердцѣ нѣжнаго чело-
вѣка; все въ мірѣ трогаетъ его душу; все приводитъ ее въ умиле-
ніе. Вездѣ видитъ онъ благодѣтельную руку Провидѣнія; со-
бираетъ дары Его въ плодахъ земли; наслаждается пищею
отъ Его благодати, засыпаетъ подъ Его покровомъ; просыпается
съ миромъ, и благодаритъ Оно; въ злополучіи чувст-
вуетъ Его наставленія, въ удовольствіяхъ милость Его; щастіе
близкихъ и друзей есть для него новое побужденіе къ
благодарности. Богъ вселенной укрывается отъ слабыхъ его
взоровъ, но онъ видитъ вездѣ отца чело-вѣковъ, и поклоняется
ему въ своемъ сердцѣ.

О чувство, чувство, сладкая жизнь души! какое желѣз-
ное сердце не трогалось тобою? какой несчастный не про-
ливалъ слезъ твоихъ?—Удовольствіе и радость, производи-
мыя живымъ чувствомъ, только на одну минуту ослабляютъ
душу, и попомъ укрѣпляютъ ее новою силою; онѣ никогда
не могутъ быть опасны.

Съ лѣтами всѣ чувства наши *сливаются*. Каждой день
теряемъ мы нѣчто любезное, невозвратимое; умираемъ такимъ
образомъ постепенно, и наконецъ, не любя ничего, кромѣ са-
михъ себя, перестаемъ чувствовать и жить, прежде конца

своего. Но нѣжное сердце всячески противится сей преждевременной смерти; когда наружность начинаетъ хладѣть, оно собираетъ внутри себя весь свой жаръ; чѣмъ болѣе теряетъ, тѣмъ болѣе прильпывается къ остатку, и послѣдній предметъ любви его дѣлается, такъ сказать, общимъ предметомъ всѣхъ другихъ склонностей.

— Ж. Ж. Руссо.

Къ № 34. Судьба человѣческая есть игра случая. Думалъ ли Реформаторъ Лютеръ, играя въ молодости своей на скрипкѣ и на флейтѣ, быть когда нибудь теологомъ? Но сильной громъ, которой убилъ друга его, сдѣлалъ въ немъ такое впечатлѣніе, что онъ рѣшился оставить свѣтъ и пошелъ въ монахи.—Думалъ ли Генераль Альдрингеръ, будучи писаремъ въ канцеляріи Епископа Тридентскаго, командовать арміею? Надобно было, чтобы завистливые и злые товарищи принудили его оставить канцелярію; надобно было, чтобы онъ, вышедши изъ Триента, встрѣтился съ солдатомъ, который уговорилъ его вступить въ военную службу; надобно было, чтобы ему представилось множество случаевъ отличить себя, и чтобы непріятельскія пули летали только мимо головы его. Известно, что Императоръ Фердинандъ II сдѣлалъ его наконецъ Фельдмаршаломъ.—Такое стеченіе обстоятельствъ и случаевъ достойно примѣчанія.

*

Двадцать лучшихъ авторовъ соединились въ Германіи для изданія Журнала, котораго цѣль есть та, чтобы возвышать въ сердцахъ людей чувство добра и красоты. Ни слова о политикѣ, ни слова о схоластической метафизикѣ! Все должно быть понятно, питательно для души, усыяно цвѣтами Граціи.—Такое періодическое сочиненіе есть важный феноменъ въ Литтературѣ. Объявленіе писано Шплеромъ, который послѣ долговременной болѣзни снова является на сценѣ авторства.

Къ № 35. Одинъ молодой Англичанинъ, изнуренный долговременною, неизлечимою болѣзнію, за двѣ недѣли до смерти своей написалъ оду, которая можетъ идти на ряду съ лучшими произведеніями Британской Музы. Вотъ переводъ ея:

«Весна возвратилась на поля наши; но мнѣ ли наслаждаться ею? Чувство радости погасло на вѣкъ въ груди моей. Красоты Природы затмилась для несчастнаго; ядъ въ крови моей, ядъ въ моемъ сердцѣ!

«Блѣдный, изнуренный, томный, сижу я подъ вѣтвями шумящаго дерева, и въ уныломъ безмолвіи исчисляю минуты, въ вѣчность летящія!...

«Скоро настанетъ послѣдній часъ горестнаго бытія моего; утреннія сновидѣнія возвыщаютъ мнѣ приближеніе смерти. Скоро отверзутся предо мною врата густаго мрака, и я вступлю въ оныя, провождаемый хладными тѣнями.

«Простите цветущія долины и холмы! Уединенный пригорокъ сельскаго кладбища будетъ моимъ жилищемъ—тамъ, гдѣ царствуетъ вѣчная меланхолія, вѣчное молчаніе; гдѣ густая и высокая трава развѣвается; гдѣ растутъ печальные кипарисы!

«Тамъ, въ часъ полуночи, когда утружденные земледѣльцы въ глубокой сонъ погружаются, будетъ являться тѣнь моя при свѣтѣ мѣсяца; странникъ увидитъ ее издали, и содрогнется.

«Тамъ, забытый всѣми, будетъ покоиться прахъ мой, — въ ожиданіи утра, которое лучами немерцаемаго свѣта оживитъ мертвыхъ.»

Къ № 36. Варилась въ исторіи Короля Франциска I рассказываетъ слѣдующій анекдотъ о Карлѣ V, въ доказательство, что сей Императоръ имѣлъ чувствительное и доброе сердце.

При дворѣ его былъ некто де-Боссю, молодой человекъ, прекрасный душою и наружностію своей, храбрый на вой-

нѣ и пріятный въ обществѣ. Карлъ полюбилъ его, и почти никогда съ нимъ не разставался. Однажды, будучи на охотѣ, Императоръ погнался за дикимъ кабаномъ, и такъ далеко заскакалъ въ чащу лѣса, что все придворные отстали отъ него, кромѣ де-Боссю. Сей рыцарь, пробираясь за нимъ сквозь дѣресья, неосторожнымъ образомъ ранилъ себя въ бокъ ядовитымъ книжаломъ, безъ котораго, по тогдашнему обыкновению. Гиншанскіе охотники никогда не ѣзжали на ловлю. Императоръ увидѣлъ кровь, и зная страшное дѣйствіе сего яда, пришелъ въ ужасъ. Забывъ собственную опасность, онъ бросилъ лошадь свою; велѣлъ сойти на землю блѣдному де-Боссю, разрезалъ на немъ платье, и не смотря на его сопротивленіе, высосалъ ядъ изъ раны; чѣмъ спасъ жизнь своему любимцу и другу.—Такое героическое дѣйствіе дружбы должно быть незабвенно въ исторіи человечества....

Къ № 57. Славный Фельдмаршалъ Лаудонъ, будучи Офицеромъ, часто терилъ великую нужду въ деньгахъ, и въ которое время жилъ помощію своего портнаго, искренно его любившаго. Наконецъ сей именитый воинъ за отличную храбрость былъ пожалованъ въ Генералы, и пріѣхалъ въ Вѣну благодарить Императрицу. Вышедши изъ коляски, сѣвшиль онъ видѣть прежде всѣхъ друга своего портнаго; а потомъ явился къ Князю Кауницю, которой, принявъ его очень ласково, хотѣлъ, чтобы онъ остался у него обѣдать. « Я далъ уже слово » сказалъ ему Генералъ.—Слово? кому же? спросилъ съ удивленіемъ Кауницъ.—Лаудонъ отвѣчалъ, что у него есть старинной другъ и милостивецъ, портной, которой, обрадовавшись его пріѣзду, звалъ его къ себѣ обѣдать. Послѣ чего съ обыкновеннымъ своимъ чистосердечіемъ, рассказалъ онъ Князю о всѣхъ благодѣяніяхъ сего великодушнаго ремесленника, и чувствительной Министръ пролилъ сладкія слезы.

Къ № 58. Ненавистники Поэзіи! молчите. Вотъ анекдотъ, которой доказываетъ, что хорошіе стихи могутъ иногда чудеснымъ образомъ спасти жизнь чловѣка.

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ жилъ въ Парижѣ одинъ сапожникъ, искусной въ своемъ ремеслѣ, и что всего важнѣе, великой любитель Литтературы. Въ день занимался онъ работою, а вечера проводилъ обыкновенно въ трактиръ съ пріятелями своими, подобно ему учеными. Тамъ, сидя за бутылкою вина, спорили они о важнѣйшихъ предметахъ Философіи, и съ такимъ глубокомысліемъ, что самихъ себя не понимали. Однажды, когда сей почтенной сапожникъ возвратился домой въ глубокую полночь, нашелъ онъ учениковъ своихъ въ слезахъ, и узналъ отъ нихъ, что невѣрная жена его ушла съ подмастерьемъ, и унесла съ собою всѣ лучшіе его пожитки. Какой ударъ для бѣднаго любителя Литтературы! Чувствительное сердце его раздралось на нѣсколько частей (*). Онъ бьетъ себя въ грудь, проклиная женщину, стучить, кричить, бѣгаетъ по горшцамъ, и наконецъ—велитъ ученикамъ ложиться спать; а самъ, бросившись на кресла, думаетъ въ отчаяніи: *Что мнѣ дѣлать?... Знаю; не тщетно любилъ я книги; они сдѣлали меня философомъ, а философъ никогда не бываетъ рабомъ несчастья.... знаю; мнѣ должно умереть!* Уже смертоносное желѣзо блистаетъ въ рукѣ его.... но тутъ вспомнилъ онъ, что всякой самоубійца, слѣдуя модѣ, долженъ письменно объявить свѣту причину своего ужаснаго дѣйствія. Сапожникъ нанялъ беретъ бумагу, перо и пишетъ: *Я умеривляю себя, какъ должно философу, для того, что неблагодарность людей жестоко уязвила мое сердце; для того, что по словамъ Мольера:*

Quand on a tout perdu, quand on est sans espoir,
La vie est un opprobre et la mort un devoir (*).

Написавъ сіи слова, онъ пришелъ въ сомнѣніе: «точно ли сказалъ это Мольеръ? не Руссо ли? вѣдь онъ также

(*) Замѣчательный и рѣдкій галлицизмъ у Карамзина.

(**) То-есть: «Когда все для насъ погибло, когда надежда угасла въ сердцѣ, тогда жизнь постыдна, и смерть есть обязанность».—Вольтеровы, всѣмъ извѣстные стихи.

быть великой философъ. Надобно узнать вѣрно: стыдно оставить по себѣ памятникъ невѣжества.»—Ученый мужъ размыслить, и рѣшился прожить еще нѣсколько часовъ въ подлунномъ мірѣ. На другой день поутру онъ созвалъ къ себѣ всѣхъ пріятелей, и предложилъ имъ важный свой вопросъ. Одни утверждали, что это сказалъ Корнель въ своемъ Тартюфѣ; другой доказывалъ, что никто кроме Мармонтеля (для котораго онъ шьетъ башмаки) не могъ написать такъ прекрасно; третій говорилъ, что сіи стихи взяты изъ пролога одной Итальянской шуточной оперы. Такое несогласіе заставило ихъ господь отложить рѣшеніе дѣла дней на десять, чтобы каждому изъ нихъ можно было развѣдать поосновательнѣе въ ученомъ свѣтѣ объ имени автора; а между тѣмъ нашъ сапожникъ имѣлъ время одуматься, помириться съ жизнью, и доказать самому себѣ, что истинному философу непристойно крушиться о побѣгъ невѣрной жены.

Къ № 39. О простотѣ и умѣренности древнихъ.

Аттилій Регулъ, начальникъ Римскаго войска въ Африкѣ, среди славы и побѣдъ своихъ, писалъ къ Сенаторамъ Республики, что невольникъ, которому поручилъ онъ пашню свою, бѣжалъ и унесъ съ собою все земледѣльческія орудія; а какъ жена и дѣти его (Регула) могутъ потерпѣть нужду отъ сей разстройки въ ихъ хозяйствѣ, то онъ проситъ Республику, чтобы ему позволено было оставить на время армию и побывать дома для приведенія въ порядокъ дѣлъ своихъ.— Сенаторы, вмѣсто отвѣта, приставили другаго человека къ его пашнѣ, купили ему новую соху и прочее, что украдено было невольникомъ; а жену и дѣтей Регула велѣли кормить на счетъ Республики.

Катонъ, возвращаясь изъ Гишпаніи Консуломъ, продалъ верховую свою лошадь, для того что ему дорого бы стало везти ее моремъ въ Италію.—Будучи правителемъ въ Сардиніи, онъ ходилъ всегда пышкомъ изъ города въ городъ съ однимъ воиномъ, которой носилъ за нимъ праздничную

одежду его и сосудъ для жертвоприношеній. — Въ славу свою говаривалъ онъ, что никакое платье не стоило ему дороже семи рублей; что никогда не издерживалъ онъ на обѣдъ болѣе десяти копѣекъ, и что ни одинъ сельской домъ его не былъ раскрашенъ снаружи.

Сципіонъ Эмилианъ, послѣ двухъ триумфовъ и двухъ Консульствъ, отправился въ дальнее посольство только съ семью служителями. — Гомеръ имѣлъ одного слугу, Платонъ трехъ, а Зенонъ ни одного. — Тиберій Гракхъ, будучи первымъ человекомъ въ Республикѣ, получалъ жалованья по шести копѣекъ въ день.

Къ № 40. Власть надъ умами людей всего пріятнѣе для нашего сердца. Торжествовать силою истины, побѣждать души, нѣбить чувство, есть достойный предметъ человеческого славолюбія.

Герой служить своему отечеству, свосму вѣку: творческой духъ бываетъ благодѣтелемъ отдаленнѣйшаго потомства. Дѣйствія героя подобны бурному дождю, иногда благотворному, иногда вредному; произведенія великаго ума подобны ширной росѣ, которая оплодотворяетъ всю землю.

Въ созерцаніи Природы находимъ мы щастливую тайну не ослѣпляться никакимъ суетнымъ блескомъ. — Читай исторію временъ, вникай въ причинны дѣйствій — и всѣ чрезвычайности для тебя исчезнутъ. Взгляни на вселенную — и жители земли покажутся тебѣ едва примѣтными насѣкомыми, которыя пресмыкаются вокругъ маленькаго бугорка пыли.

Щастливья мечты воображенія пріятнѣе всѣхъ чувственныхъ удовольствій, которыхъ тлѣнной цвѣтъ увядаетъ въ рукѣ нашей; ароматы его исчезаютъ въ одну минуту, и красота затмѣвается.

Надежда жить въ памяти людей утѣшаетъ сердце. Всѣ мы трудимся для безсмертія; вездѣ и во всемъ видно жела-

ніе продлить бытіе свое. Но какіе памятники могутъ сравняться съ памятниками ума? Сколько великодушныхъ чертоговъ, храмовъ и городовъ сокрылось во прахъ ничтожества, съ того времени, какъ Гомеръ первенствуетъ между поэтами! Гдѣ картины Апелловы? гдѣ статуи Фидіасовы? Но славные писатели живутъ въ своихъ твореніяхъ и развѣваютъ искры ума въ душахъ людей; время обновляетъ славу ихъ.—Мысль, что звукъ имени нашего промчится за отдаленныя моря, и не замолкнетъ въ пространствѣ вѣковъ, есть мысль восхитительная, блаженная; она прежде смерти питаетъ уже насъ радостями безсмертія.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

1854
№ 10

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

СМѢСЬ

ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ 1795 ГОДА,

Н. М. Карамзина.

(Продолженіе).

Къ № 41. (Изъ книги одного Медика-Философа).

Движеніе есть самое лучшее лекарство. Оно истребляетъ въ тѣлѣ зародыши болѣзней, укрѣпляетъ его и дѣлаетъ способнымъ къ пренесенію всякихъ трудовъ. Кто часто видитъ восхожденіе солнца, работаетъ съ веселымъ духомъ, садится за столъ съ покойнымъ сердцемъ, и ложится спать съ пріятною томностію, тотъ можетъ прожить сто лѣтъ. Ничто такъ не сокращаетъ жизнь нашу, какъ душевныя безпокойства, злобой и мстительной духъ, слишкомъ живыя удовольствія и глубокая меланхолія. — Наслаждайся надеждою, тихими и мирными удовольствіями; будь умеренъ въ сластолюбіи; перемѣняй свои упражненія; читай Исторію и Поэтовъ, для обогащенія души своей разными пріятными идеями; разсматривай чудеса Натуры — и дни твои будутъ подобны теченію светлой рѣки.

Къ № 42. Сельская жизнь.

Любовь къ земледѣлію свойственна чловѣку во всѣхъ климатахъ и во всѣхъ состояніяхъ, отъ престола до хижины. Городской житель покупаетъ себѣ загородной домъ или раз-

водить садъ на террасахъ, на балконахъ, на окнахъ. Свобода, тишина, обработываніе земли, собираніе плодовъ всякаго роду, экономія, рыбная ловля, охота, домашній дѣла, хозяйственныя попеченія, гости, друзья, которые въ деревнѣ гораздо пріятнѣе, нежели въ городѣ; республика пчель, когорою Философъ Аристотелъ занимался цѣлыя 60 лѣтъ, разсматривая всегда съ новымъ удивленіемъ чудесную работу сихъ животныхъ, ихъ благоустройство и согласіе; удовольствіе посадить цвѣтокъ, привить дерево и видѣть усиліемъ трудовъ своихъ; размышленіе о феноменахъ Натуры: о хлѣбномъ зернѣ, которое гниетъ, снова родится, и въ теченіе времени покрываетъ обширное поле золотыми колосами; о маленькомъ шарикѣ, изъ котораго рождается самое большое и долговѣчное дерево—перемѣна годовыхъ временъ, перемѣна упражненій и забавъ; наконецъ неизяснимое удовольствіе жить на своей землѣ, и получать прибыль отъ своихъ трудовъ — все сіе такъ занимательно, и такъ привязываетъ человѣка къ сельской жизни, что городъ съ блестящими и шумными своими утѣхами дѣлается уже для него скучнымъ и несноснымъ.

*

Сикстъ V былъ въ молодости своей самой бѣдной человѣкъ. Пришедши въ Римъ, и собравъ милостынею несколько денегъ, онъ не зналъ, на что лучше употребить ихъ: на обѣдь ли для утоленія голода, которой мучилъ его, или на пару башмаковъ, въ которыхъ онъ имѣлъ также крайнюю нужду. Одинъ изъ мимошедшихъ примѣтилъ его задумчивость и спросилъ о причинѣ ея. «Государь мой! отвѣчалъ онъ: я долженъ рѣшить жаркой споръ между желудкомъ и ногами моими.»

*

Человѣкъ рѣдко знаетъ свои выгоды. Лидія прекрасна лицомъ и милою; только не имѣетъ ни знаній, ни ума. Раиса дурна собою, но умна и знающа. Еслили бы Лидія молчала, то зрители восхищались бы ею, еслили бы Раиса говорила, то слушатели удивлялись бы ей какъ Фонтенелю. Къ несчастію Лидія говоритъ безъ умолку, а Раиса хочетъ

казаться молчаливою. Что же выходитъ? Мы слушаемъ Лидію, и забываемъ, что она хороша; смогримъ на Рансу, и забываемъ, что она умна.

Къ № 43. О воздухъ.

Воздухъ можно назвать переносчикомъ нашихъ мыслей и связію умовъ человѣческихъ. Я говорю: рождаются звуки, и воздухъ вливаетъ ихъ въ слухъ другихъ людей, которые узнаютъ чрезъ то мои мнѣнія, желанія, и проч. Каждой звукъ есть вѣстникъ, уведомляющій челоуѣка о происходящемъ вокругъ его. — Безъ воздуха не могли бы мы наслаждаться и благоуханіемъ цвѣтовъ, которые черезъ него сообщаютъ намъ ароматы свои.

Декартъ говоритъ, что сія тонкая стихія есть совокупленіе маленькихъ нерегулярныхъ частицъ; или пыль, происходящая отъ быстрого движенія безчисленныхъ треугольниковъ, которые между собою трутся. Декартъ былъ великой Геометръ; но можно мечтать и геометрически.

Психа Мнѣологіи изображаетъ душу человѣческую, которая обитаетъ въ тѣлѣ, такъ какъ сія царица живетъ въ чертогахъ Купидоновыхъ. Посредствомъ чувствъ сообщается она со всею Патурою, которая есть для нее неизсѣкаемый источникъ удовольствій. Все служить ей, подобно какъ Пимфы служатъ милой супругѣ бога любви. Вездѣ великолѣпныя зрѣлища: тамъ небо съ безчисленными светилами, здѣсь цвѣтушіе ковры земли съ безчисленными красотоми. Но великая Причина всего пребываетъ, и должна пребывать для нее тайною; самая любовь и все удовольствія не терпятъ изъясненій. Однимъ словомъ, душа смертнаго должна пить Нектаръ Природы, не раздробляя химически его сущности. Но къ несчастію, суетное любопытство отравляетъ для насъ ядомъ все удовольствія, и счастье улетаетъ! — Почти все древнія преданія народовъ относятъ челоуѣческія бѣдствія на счетъ суетнаго любопытства.

Къ № 44. Гостепрѣимство есть добродѣтель Ирландцевъ. Самой бѣдливѣйшій Ирландской крестьянинъ, сядя за столъ, отворяетъ двери своего жилища, не смотря ни на холодъ, ни на дурное время, въ знакъ того, что всякой странникъ имѣетъ право войти къ нему въ домъ, и вмѣстѣ съ нимъ обѣдать.

Квады составляли довольно многочисленную націю въ древней Германіи. и были ужасомъ другихъ народовъ. Не проходило года, чтобы они не ограбили и не сожгли множества деревень въ сосѣдственныхъ земляхъ; за всемъ тѣмъ гостепрѣимство было для нихъ священною добродѣтелію. Они принимали странниковъ съ ласкою и дружелюбіемъ; угощали ихъ въ своихъ хижинахъ, надѣляли всемъ пужнымъ для продолженія пути, и благодарили Небо за то, что Оно посылаетъ къ нимъ мирныхъ гостей. Какъ согласить противорѣчіе въ характеръ сей націи? — Нѣчто подобное рассказываютъ о нынѣшнихъ Арабахъ, которые то ласкаютъ, то грабятъ путешественниковъ.

О Т Р Ы В К И.

Смерть славнаго Греческаго Лирика Пиндара достойна примѣчанія. Въ минуту поэтическаго вдохновенія, онъ заигралъ на арфѣ, и въ пламенномъ гимнѣ молилъ боговъ о ниспосланіи ему такового дара, которой для смертныхъ угбѣнительнее всего прочаго: вдругъ глаза его затмилась, и онъ уиалъ мертвой, въ объятія прекраснаго отрока, имъ воспитаннаго (*).

Римлянина Гальбу обвиняли въ праздноствіи. «Друзья! скажаль онъ: вы можете требовать у людей отчета въ томъ, что они дѣлаютъ, а не въ томъ, чего они не дѣлаютъ.» — Ответъ остроумень, но несправедливъ.

Проперцій называетъ ночь *гостиницею любви*.

Къ № 45. Натуралисты замѣтили, что тѣ животныя, которыя не долго на землѣ существуютъ, болѣе другихъ веселятся бытіемъ своимъ. Посмотрите на эфемеровъ, живущихъ

(*) По крайней мѣрѣ, такъ пишутъ нѣкоторые.

только одинъ день, или нѣсколько часовъ; посмотрите на бабочекъ, порхающихъ съ цвѣточка на цвѣтокъ, и вы уверитесь въ истинѣ сего примѣчанія. Для всякаго новаго пришельца мѣръ сей кажется восхитительнымъ зрѣлищемъ; все прекрасно; все улыбается, все призываетъ къ наслажденію. Живи долѣе, и волшебныя красоты исчезнутъ; чувство бытія потеряетъ свою цѣну, и нѣкоторая томность заступитъ мѣсто прежняго удовольствія въ сердце нашемъ.—Цицеронъ говоритъ, что всѣ философскія изслѣдыванія плѣняютъ умъ не столько важностію предмета, сколько новостію своею. Сія склонность человеческого сердца ко всему новому не есть ли убѣдительное доказательство будущей жизни?

Разныя мысли.

Древніе говорили, кто въ двадцать лѣтъ ничего не знаетъ, въ тридцать ничего не дѣлаетъ, въ сорокъ ничего не имѣетъ, тотъ ничего не узнаетъ, не сдѣлаетъ и не приобрететъ въ жизни своей.

Кто скрываетъ свои лѣта, тотъ стыдится прошедшей жизни своей.

Надежда есть имя вещи, которая существуетъ только въ одномъ воображеніи.

Я откажусь отъ удовольствій, говоритъ Эпикуръ, и предпочту ему самую горестъ, если раскаяніе должно непосредственно за онымъ слѣдовать.

Людовикъ XII твердилъ всегда, что любовь есть мпловитая царца для молодыхъ людей, а для стариковъ—злая тиранка.

Одинъ молодой человекъ вздумалъ предложить извѣстному Дюамелю такой вопросъ, котораго никто еще изъ Ученыхъ не могъ рѣшить по сіе время. *Я не знаю*, отвѣчалъ скромной Философъ. *Какая жъ гольза быть Академикомъ!* сказалъ молодой человекъ—и черезъ нѣсколько мнута послѣ того, говоря съ другими о вещахъ, мало ему извѣстныхъ, такъ запутался въ словахъ, что долженъ былъ со стыдомъ

замолчать. Тогда Г. Дюамель подошелъ къ нему съ улыбкою, взялъ за руку и сказалъ: *видишь, молодой человекъ, какая польза быть Академикомъ: мы не говоримъ о томъ, чего не знаемъ.*

Къ № 46. Семнадцатилѣтняя дѣвушка въ одной Шотландской деревнѣ, близъ Эдмбургга, лишилась на вѣки любовника своего, въ самой тотъ день, когда надлежало быть ихъ свадьбѣ. Пещастная пошла на кладбище за гробомъ его, и рѣшилась навсегда тамъ остаться; сама построила себѣ хижину изъ сухихъ вѣтвей, и живетъ въ ней уже около десяти лѣтъ. Весною и лѣтомъ, осенью и зимою, сидитъ она отъ утра до вечера подлѣ могилы своего друга и смотритъ на нее неподвижными глазами. Всѣ крестьяне любятъ ее, и часто со слезами просятъ, чтобы она оставила кладбище — но тщетно! Всякой день по очереди посягъ они къ ней блудо гречневой каши (обыкновенная пища тамошнихъ поселянъ). Она хороша лицомъ, была, высокаго росту, и стройна собою; волосы ея достаютъ почти до земли. Всякому прохожему говорить она: *Боби!* (Шотландская копѣйка); а на деньги, собираемая милостынсю, покупаетъ себѣ платье. Хижина ея нѣсколько мѣсяцевъ въ году бываетъ покрыта снегомъ; но бѣдная *Боби* (имя, которымъ ее прозвали) никогда не жалуется на холодъ. Можетъ быть, что умъ ея отъ сильной горести не много повредился; однакожъ нельзя сказать, чтобы она была сумасшедшая. На вопросы о чувствахъ ея сердца, *Боби* отвѣчаетъ только знаками: указываетъ на гробъ и вздыхаетъ. Она никогда не плачетъ, но всѣхъ другихъ заставляетъ плакать.

(Изъ Англійскихъ Вѣдомостей, но только не новыхъ).

Къ № 47. О памяти.

Неумѣренной сонъ, болѣзнь, а особливо ударъ въ голову, могутъ совершенно затмить память. — Фукидидъ въ описаніи Аѣинской язвы рассказываетъ, что многіе люди послѣ сей ужасной болѣзни забыли своихъ друзей, самихъ себя и все

на свѣтъ.—Я слышалъ объ одномъ молодомъ чело­вѣкѣ, кото­рой, упавъ съ балкона, совсѣмъ обезумѣлъ, такъ что не узналъ ни отца, ни матери своей. Одинъ Пемецкой Профес­соръ, которой 40 лѣтъ старался обогащать память свою, вдругъ лѣзшился ее отъ того, что двѣ толстыя книги съ верх­ней полки упали ему на голову; а другой, ударившись за­тылкомъ объ стѣну, забылъ Греческой языкъ, и долженъ былъ приняться снова за азбуку. — О ненадежность знаній человеческихъ!

(Изъ Морщова Психологическаго Магазина).

*

Одинъ стихотворецъ, которой однакожь болѣе красть, нежели творить, хвалился въ собраніи умныхъ людей, что ему *ничего не стоитъ* написать тысячу стиховъ.—«Не мудро, сказали ему: все краденое приходитъ даромъ».

Къ № 48. О садахъ.

Садъ есть мѣсто чистаго удовольствія и кроткаго душев­наго веселья. Тамъ Природа разсыпаетъ дары свои и благо­дѣянія; тамъ Искусство подражаетъ Природѣ, и трудится для того единственно, чтобы чело­вѣкъ вошелъ и съ пріятнымъ чувствомъ улыбнулся.

Много прекрасныхъ здавій и величественныхъ палатъ; но много ли хорошихъ садовъ? Сколько надобно ума, вкуса и воображенія, чтобы сдѣлать ихъ пріятнымъ гульбищемъ для нѣжныхъ меланхоликовъ, для утомленнаго глубокомыслиемъ Философа, для мечтателя-Поэта! Вашъ мраморъ и бронза не прельщаютъ меня, гордые богачи! Украшайте ими, еслин хотите, дома свои; но въ саду хочу я видѣть одну изящность Природы, доведенную искусствомъ до высочайшей степени совершенства. Устелите землю коврами бархатной зелени; усыйте ихъ цвѣтами, для глазъ и обонянія равно любезными; насадите лѣсочки, темныя, частыя; проведите въ густоту ихъ серебряныя ручейки и свѣтлыя рѣчки; приманите пгичекъ, соловьевъ и малиповокъ — и когда услышу концертъ ихъ —

когда увижу гнѣздо горлицъ на древнемъ вязѣ, осянищемъ зеркальной прудъ — тогда скажу: *вы имѣете вкусъ; ваша садъ прекрасенъ* — тогда я часто буду приходить къ вамъ, иногда съ книгою, иногда съ другомъ, иногда съ одними мыслями своими; сяду на берегу рѣчки, и забуду суету міра въ мечтахъ своего воображенія (*).

Къ № 49. О вліяніи души на тѣло.

Отъ сильнаго вниманія души, устремленнаго на одинъ предметъ, не рѣдко унимается самая жестокая тѣлесная боль. — Я знаю по собственному опыту, что веселой разговоръ съ любезными людьми, въ которомъ душа занята бываетъ легкимъ и пріятнымъ образомъ, есть лучшее лекарство отъ *мигрени*. Напротивъ того излишнее напряженіе ума производитъ сію болѣзнь въ сильной степени; то же самое дѣйствіе имѣеть и совершенная праздность души, источникъ несносной скуки. Путешественники рѣдко бываютъ больны, отъ того, что мысли ихъ безпрестанно занимаются новыми предметами, и притомъ безъ всякаго утомительнаго напряженія. — Душа имѣеть великое вліяніе на тѣло, не смотря на то, что она совсѣмъ другой натуры. Человѣку, которой слишкомъ много работаетъ умомъ, рѣдко помогаютъ лекарства; за то и болѣзнь не такъ скоро можетъ въ немъ усилиться, какъ въ другомъ чловѣкѣ. — Но ничто не имѣетъ такого чудеснаго вліянія на тѣло, какъ сильныя страсти: онѣ не только дѣлаютъ насъ нечувствительными къ жесточайшей боли, но даже и самую смерть на нѣкоторое время удаляютъ. Бывали примѣры, что герои въ жару сраженія не чувствовали ранъ своихъ, отъ которыхъ они, по окончаніи битвы, черезъ минуту умирали. Мулей Молукъ, Марокской Императоръ, въ день сраженія съ Донъ-Себастіаномъ, Королемъ Португальскимъ, былъ такъ боленъ и слабъ, что не могъ стоять на ногахъ; но когда войско его начало отступать, онъ забылъ свою болѣзнь, соскочилъ съ носилокъ, остановилъ бѣгущихъ, снова

(*) Напечатано 18 Іюня.

повель ихъ противъ непріятеля, одержалъ совершенную побѣду и... упалъ мертвой. — Безпокойство души, которое происходитъ отъ страха и надежды, всего пагубнѣе для тѣла, и Медикъ бываетъ иногда принужденъ отнять всю надежду у больного, чтобы тѣмъ скорѣе вылечить его. Извѣстное несчастіе приводитъ душу въ ужасъ; но сей ужасъ мало по малу превращается въ унылое спокойствіе. Напротивъ того безпрестанное сомнѣніе истощаетъ всѣ тѣлесныя силы.

(Изъ книги Профессора Герца).

Къ № 50. Есть люди, которыхъ можно во всемъ увѣрить; когорые мыслятъ о вещахъ такъ, какъ имъ другіе велятъ мыслить; которые даже о самихъ себѣ заключаютъ по людскому мнѣнію, а не по собственному чувству. Въ доказательство чего служить слѣдующій анекдотъ:

Всѣ, которые читали сказки младшаго Кребилльйона, удивляются его остроумію: кто зналъ такъ хорошо свѣтскихъ женщинъ? кто умѣлъ описывать ихъ такими живыми красками? Друзья его вздумали надъ нимъ подшутить и увѣрить его, что онъ лишился своего блестящаго разума и тѣхъ пріятностей, которыя дѣлали его любезнымъ въ обществѣ. Однажды за ужиномъ — когда Кребилльйонъ былъ еще веселье и забавнѣе обыкновеннаго — они согласились всѣ молчать, взглядывать другъ на друга съ видомъ удивленія, и вмѣсто того, чтобы смѣяться его шуткамъ, пожимать плечами. Бѣдной, легковѣрной Кребилльйонъ пришелъ наконецъ въ отчаяніе, бросился на канапе, закрылъ лице руками, и сказалъ, проливая слезы: *теперь вижу, вижу, что я поглупѣлъ! Ахъ друзья мои! лишь это уже давно кажется. Для чего же вы не велѣли мнѣ молчать? Для чего не хотѣли сказать правды? Что дѣлать? Вамъ отъ меня скучно — знаю — но я люблю васъ всю душою, и не могу съ вами разстаться. Позвольте мнѣ хотя смотрѣть на умныхъ людей: даю честное слово не говорить впередъ ни слова!* — Друзья его, вмѣсто того, чтобы надъ нимъ смѣяться, были до слезъ тронуты, обняли его и увѣрили, что онъ уменъ и милъ по прежнему.

КЪ № 51. Поэтъ во снѣ.

Геттингенской Профессоръ Венеръ долженъ былъ однажды для своего класса сочинить Греческіе стихи; думалъ, трудился цѣлой день, но безъ всякаго успѣха. и наконецъ легъ спать. Черезъ нѣсколько часовъ онъ проснулся, кликнулъ слугу, велѣлъ подать бумаги и чернилицу, исписалъ цѣлую страницу, положилъ на столъ и опять заснулъ. На другой день по утру, забывъ, что было ночью, снова принялся за свои Греческіе стихи, и опять не могъ выдумать ничего хорошаго; вскочилъ со стула въ превеликой досадѣ, началъ ходить по комнатамъ и — увидѣлъ на столѣ бумагу съ Греческимъ письмомъ; взялъ ее, и нашелъ прекрасныя стихи, написанныя собственною его рукою. Вообразите его удивленіе и радость! Какое благополучіе! Но какъ это случилось? Откуда взялась бумага? Слуга пришелъ, и рѣшилъ недоумѣніе своего Профессора, которой за такое чудо готовъ былъ принести въ жертву Аполлону — по крайней мѣрѣ его воловь.

(Изъ Морицова Психологическаго Магази́на).

КЪ № 52. Анекдотъ изъ Хроникъ забавныхъ происшествій.

Англичанинъ Ростбиѣ, будучи въ Вѣнѣ, всякой день являлся въ театрѣ. и всегда въ новомъ, прекрасномъ фракѣ. Одинъ Фламандской Баронъ, ревностной любитель Талии и Мельпомены, которому не рѣдко случалось сидѣть въ ложѣ подлѣ него, видя, что многіе зрители занимають болѣе кафтаномъ сего Англичанина, нежели пѣсою, не могъ наконецъ утерпѣть, чтобы не сказать съ досадою: «Чему вы дивитесь, государи мои? Завтра, если угодно, я одѣнусь гораздо пышнѣе его.» — Ростбиѣ услышавъ, разсердился и закричалъ: «Не лзя статься! я быюсь объ закладъ, о тысячи гинеяхъ, «что мой кафтанъ будетъ въ десять разъ богаче вашего.» — Баронъ согласился на сей вызовъ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы не нашивать на платье ни брилліанговъ, ни другихъ драгоценныхъ каменевъ. На другой день многіе пришли въ комедію единственно за тѣмъ, чтобы видѣть, кто выиграетъ

закладъ. Въ шесть часовъ явился Англичанинъ, и ослѣпилъ всѣхъ зрителей блескомъ своего платья. Черезъ полчаса пришелъ и Баронъ—въ простомъ ратиновомъ кафтанѣ. «Вы конечно забыли, сказали ему Ростбифъ: подите домой и одѣньтесь.» — *Я одѣтъ*, отвѣчалъ онъ. — «Ты съ ума сошелъ! закричали всѣ его пріатели: закладъ проиграи; плати деньги.» — Не такъ скоро, друзья мои! сказалъ онъ съ покойнымъ видомъ, — разстегнулъ фракъ свой, и показалъ, что оной подложенъ... прекрасною Рубенсовою картиною! Всѣ удивились его забавной выдумкѣ, и рѣшили, что одна такая подкладка стоитъ десяти блестящихъ кафтановъ. Ростбифъ топнулъ ногою, заплатилъ деньги, и ушелъ, проклиная Рубенса и всѣ картины на свѣтъ.

Къ № 55. Въ Англии, въ Эссекскомъ Графствѣ, есть мѣстечко, называемое *Дунмо-парва*. Одинъ изъ богатыхъ жителей онаго, умершій въ концѣ третьягонадесяти вѣка, ввелъ тамъ странное обыкновеніе, которое хранится еще и донынѣ. А именно, всякой мужъ, которой черезъ 566 дней, послѣ женитьбы своей можетъ публично передъ олтаремъ дать клятву, что онъ ни разу еще не поссорился съ женою, и не сожалѣлъ ни минуты о томъ, что женился, долженъ получить въ награжденіе двухъ гусей, утокъ и голубей, и сверхъ того похвальной листъ отъ имени всѣхъ жителей — *Дунмо-парвскія* льготы упоминаютъ только о трехъ мужьяхъ, которые въ теченіе пяти вѣковъ получили сіе награжденіе!!

*

Одинъ человекъ въ Лондонѣ ударился объ закладъ, о 500 фунт. стерл., что онъ цѣлой годъ будетъ ежедневно перемѣнять свое жилище; но сіи безпокойные переезды изъ дому въ домъ такъ ему наскучили, что онъ черезъ два мѣсяца рѣшился заплатить противнику своему 500 фунт. стерлинговъ и призналъ себя побѣжденнымъ.

Къ № 54. Овъ олень и звѣрной лѡвъ.

(Переводъ изъ Бюффона).

Олень есть одинъ изъ тѣхъ певннхъ и кроткихъ звѣрей, которые сотворены, кажется, единственно для того, чтобы оживлять и украшать мирныя пустыни лѣсовъ въ общирномъ саду Патуры. Пріятной видъ, стройность, гнбкость всѣхъ членовъ; голова, оспенная *живыми деревьями*, которыя, подобно растѣніямъ, всякой годъ возобновляются; величина, легкость и сила, отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ лѣсныхъ обитателей. Будучи благороднѣйшимъ изъ оныхъ, служитъ онъ и для человека благороднѣйшею забавою: Герои всѣхъ время любилъ, въ свободные часы, искать его въ густотѣ лѣсовъ. Звѣрная ловля приготовляетъ людей къ войнѣ, научая ихъ владѣть оружіемъ и конемъ. Привычка къ движенію и трудамъ, легкость и проворство нужны какъ для ловца, такъ и для воина. Охота есть училище военнаго искусства, и самое пріятное утѣшеніе для людей обремененныхъ дѣлами, утѣшеніе, которое питаетъ, оживляетъ душу, и бываетъ всегда ново, всегда равно-занимательно.

Чѣмъ лучшимъ можетъ заняться тотъ человекъ, которой по своему состоянію долженъ быть всегда окруженъ скучнымъ множествомъ людей, приступающихъ къ нему съ прозьбами, съ жалобами, съ дѣлами? Знатные болѣе насъ угнетены принужденіемъ всякаго рода; и трудясь безпрестанно для общаго блага, они жили бы только для другихъ, а не для себя, есть ли бы не могли иногда удаляться отъ шумной толпы — самыхъ льстецовъ своихъ. Чтобы наслаждаться собою, *личными дѣйствіями души*, тайными желаніями, и сими глубокими внутренними чувствами, которыя всего усладительнѣе, всего безцѣннѣе, они ищють нужду въ уединеніи: чтожь можетъ быть уединеннѣе дремучаго лѣса, гдѣ, такъ сказать, одна Патура царствуетъ?

Человекъ не созданъ вѣчно думать, заниматься умозрѣніемъ, отвлеченными идеями, сидѣть на одномъ мѣстѣ и жить въ кабинетѣ, какъ въ центрѣ бытія своего; не созданъ онъ и для того, чтобы вести безпрестанно-шумную, мятежную

жизнь, всегда принуждать себя и следовать невольнымъ образомъ движенію другихъ людей. *Представлять*, играть ролю какую-бы то ни было, не есть жить. Мы должны болѣе дѣйствовать, нежели думать; болѣе наслаждаться, нежели уметь. Истинное удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобы свободно располагать бытіемъ своимъ; истинное добро или богатство наше есть—небо, земля, лѣсъ, поле, лугъ, гдѣ Природа щедрою рукою разсыпаетъ для насъ полезное и пріятное.

Къ № 55. Баронъ М-нъ, Камер-геръ покойнаго Короля Прусскаго, Фридриха II, имѣя слабую память, безпрестанно твердилъ имена тѣхъ людей, которыхъ онъ, по своей должности, представлялъ Ея Величеству, вдовствующей Королевы. Однажды, когда онъ шелъ представить молодаго Англичанина, Графа Эссекса, Господинъ Буловъ, Саксонской Посланникъ, сказалъ ему въ насмѣшку: «По крайней мѣрѣ не забудьте, что «это не тотъ Эссексъ, которому отрубили голову.» Баронъ не преминулъ воспользоваться его дружескимъ наставленіемъ, и сказалъ Королевы: «Имѣю честь представить Вашему Величеству Графа Эссекса, не того, которому отрубили голову.»— Сей же самой Баронъ рассказывалъ, что онъ былъ однажды при осадѣ города, только не помнитъ, съ чьей стороны: между осажденными или осаждающими.

---

*

Славной Итальянской Поэтъ Тассъ, будучи въ великой бѣдности, написалъ сонетъ къ своей конкѣ, прося ее, чтобы она свѣтила ему ночью глазами своими, ибо ему не на что было купить свѣчь!

Къ № 56. Недавно умеръ въ Англии, близъ Оксфорда, Францискъ Вилькесъ, земледѣлецъ, на сто-девятомъ году отъ рожденія своего. До самой смерти не зная онъ ни болѣзни, ни дряхлости, и суевѣрные поселяне, сосѣди его, думали, что ему никогда не умирать. Старикъ увѣряли, что онъ получилъ даръ безсмертія отъ одной Ирландской вѣдьмы, и въ доказательство сего рассказывали множество нелѣпыхъ басенъ. Сер-

дитой быкъ, говорили, убили его однажды до смерти; въ тотъ же день Вилькесъ ожилъ и пошелъ работать въ поле. Въ другой разъ онъ кунался въ рѣкъ и утонулъ: черезъ два дни увидѣли его живаго и здороваго. Узнавъ съ кровли высокаго дому, онъ сломила себѣ шею и почернѣлъ какъ уголь; а черезъ нѣсколько часовъ пошелъ на свадьбу къ своему пріятелю, и плясалъ больше всѣхъ. Наконецъ Вилькесъ умеръ какъ и всѣ люди, и поселяне разувѣрились въ мнимомъ его безсмертіи.

*

Одинъ ученый мужъ и великой знатокъ Русскаго языка, которой провелъ всю жизнь свою въ размышленіи о томъ, какъ должно говорить по-Русски правильно, умирая сказать дѣтямъ своимъ: «я оставлю васъ на вѣки. *Прощайте* — или *простите*: потому что и то и другое можно сказать безъ ошибки »

Къ № 57. О Бошетъ.

Изъ всѣхъ ученыхъ и знаменитыхъ мужей которыхъ недавно лишилась Европа, Бошетъ оставилъ по себѣ любезнѣйшую память. Кто зналъ его какъ Автора, кто зналъ его какъ человека, тотъ всегда будетъ воспоминаеть, объ немъ съ чувствомъ любви и благодарности. Извѣстіе о послѣднихъ дняхъ жизни его можетъ быть интересно для нѣкоторыхъ читателей

Здоровье сего великаго мужа совершенно разстроилось въ концѣ Сентября мѣсяца 1792 году, такъ что онъ долженъ былъ, по совету Докторовъ, оставить любезное свое уединеніе, деревню *Жашту*, и переехать въ Женеву. Со слезами вышелъ онъ изъ сельскаго кабинета своего, и сказалъ: *мнѣ уже сюда сюда не возвращаться! Желаніе мое не исполнилось: я хотѣлъ умереть въ Жашту!* — Добродѣтельная его супруга, не смотря на слабость и болѣзнь свою, не отходила отъ постели его, и старалась нѣжными попеченіями продлить угасающую жизнь безсмертнаго Философа, милаго ей сердцу. — «Послѣднія минуты моего друга и наставника (нижегъ извѣстный

« въ ученомъ свѣтѣ Соссюръ) будутъ всегда живы въ моей
 « памяти. Съ какимъ вниманіемъ, съ какимъ глубокимъ чувст-
 « вомъ наблюдать я всѣ движенія души его! Съ нимъ случи-
 « лось то же, что съ Невтономъ, съ Паскалемъ и съ другими
 « Философами, которые излишно утруждали свой разумъ:
 « болѣзнь его приводила иногда въ безпорядокъ дѣйствию нерв-
 « ной системы, и въ сіи минуты представлялись ему разныя
 « обманчивыя видѣнія, то утѣшительныя, то печальныя, въ
 « когорыхъ съ трудомъ можно было разуверить его. Впрочемъ
 « умъ сего мудреца никогда совсемъ не зазмѣвался. Желая
 « занимать его пріятнымъ образомъ, — я часто сообщалъ ему
 « разныя новыя открытія Пагуралистовъ, или мегалитическія
 « идеи, и всегда долженъ былъ удивляться тонкости его суж-
 « деній. Несколько разъ, послѣ самыхъ жестокихъ припадковъ,
 « онъ съ великимъ любопытствомъ разспрашивалъ меня о
 « новыхъ происшествіяхъ свѣта, и говорилъ со вздохомъ: мой
 « другъ! я не доживу до лѣсныхъ дней въ правдивомъ мірѣ;
 « глаза мои закроются подъ грозными тучами.— Между тѣмъ
 « страданія его умножались, и не смотря на удивительное
 « терпѣніе свое, онъ молилъ Бога о смерти.

« Вечеру, 19 Мая, духъ его преселился въ горшія
 « обители. . . .

Къ № 58. Почти во всѣхъ Лондонскихъ вѣдомостяхъ пи-
 сали о старикѣ Виллѣмѣ Догласѣ и женѣ его, которые ро-
 дились въ одинъ день, въ одномъ домѣ; были окрещены въ
 одну часть, въ одной церкви; не разставались другъ съ дру-
 гомъ ни на одинъ день до самой свадьбы, жили въ любви
 и согласіи болѣе семидесяти лѣтъ, наконецъ умерли самую
 тихую смертію въ одинъ день, на одной постели, и были
 погребены въ одной могилѣ, на кладбищѣ той церкви, въ
 которой ихъ крестили за 90 лѣтъ предъ тѣмъ. Щастли-
 вые супруги!

*

Для некоторыхъ людей самая лучшая мелодія есть ни-
 что иное, какъ непріятной шумъ. Лѣбать Террасонъ, извѣст-
 ной Французской Авгоръ, былъ изъ сего числа. Однажды

просили его изъяснить то чувство, которое производитъ въ немъ хорошая симфонія. *Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что я слышу вокругъ себя множество гремящихъ; больше ничего.*

*

Нѣкто Мильколумбъ Флемингъ, ученикъ славнаго Боэргава, сочинилъ на Латинскомъ языкѣ Поэму о *гипохондрическихъ и гистерическихъ припадкахъ*, и доказываетъ въ предисловіи съ великою основательностію, что она для чловѣческаго роду гораздо важнѣе Гомеровыхъ Поэмъ.

Къ № 59. Недавно нашлись въ Англіи разныя рукописи безсмертнаго Шекспира, которыя показываютъ теперь за деньги въ Лондонѣ, въ домѣ Господина Аерланда; а именно: 1) манускриптъ трагедіи Лира и Отелло; 2) письмо къ женѣ его, писанное съ жаромъ молодого любовника, и мѣтческимъ слогомъ; вмѣстѣ съ онымъ было послано къ ней и кольцо съ волосами его, которое также сохранилось.—3) Шекспировы мысли о Религіи, служащія доказательствомъ его набожности; 4) приходъ и расходъ деньгамъ, и другія домашнія записки; 5) игра воображенія, шутки и разныя поздравленія въ стихахъ.—Англичане, обожающіе сего великаго Барда, обрадовались такой находкѣ, какъ безцѣнному сокровищу, и домъ Господина Аерланда отъ 10 часовъ утра до пяти часовъ вечера бываетъ наполненъ любопытными.

*

Славной Галлеръ, Философъ, Поэтъ, Физіологистъ и проч., за десять минутъ до смерти своей сказалъ хладнокровно Доктору, щупая свой пульсъ: *мой другъ! пульсовая жила перестала биться; я умираю.*

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

Дидеротъ
1854 А 11

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

СМѢСЬ

ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ 1795 ГОДА,

Н. М. Карамзина.

(Продолженіе).

Къ № 60. Дидеротъ былъ знакомъ съ однимъ богатымъ человѣкомъ, которой подъ старость вздумалъ прослыть ученымъ, и завелъ у себя библіотеку. — Господинъ Дидеротъ! сказалъ онъ ему однажды: я всякой день покупаю книги; но въ лавкахъ мало хорошихъ. Вы славной человѣкъ; у васъ вѣрно много рѣдкостей: дайте мнѣ прочитать какую нибудь рѣдкую книгу. Дидеротъ улыбнулся, и далъ ему первой томъ Всеобщей Исторіи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ старикъ возвратилъ оной съ благодарностію, и велѣлъ просить у него слѣдующаго тома. Ошибкою или на смѣхъ, онъ послалъ ему тотъ же самой, и любитель Литтературы принялся снова читать его. Мѣсяца черезъ три Дидеротъ встрѣтился съ нимъ на улицѣ, и спросилъ: «что вы скажете о моихъ книгахъ? «хороши ли онѣ?» Прекрасны, прекрасны! отвѣчалъ доброй старикъ: Авторъ ученъ, весьма ученъ; въ книгѣ его много но-

ваго, особливо во второмъ томѣ. Только лишь кажется, что онъ любитъ иногда повтореніе!

*

Докторъ Свифтъ, славной Англійской Авторъ, любилъ говорить съ безумными, завелъ на свои деньги домъ сумасшедшихъ, а наконецъ и самъ лишился ума. Будучи уже въ семь несчастномъ состояніи, онъ прогуливался въ роцъ съ однимъ изъ друзей своихъ, и взглянувъ на дубъ, котораго верхина начинала сохнуть, сказалъ жалкимъ голосомъ: ему и мнѣ одна участь; мы оба умираемъ сверху.

—

Къ № 61. О ТЕМПЕРАМЕНТАХЪ.

Художники-Поэты изображаютъ темпераменты такимъ образомъ:

Сердитой человекъ, которой поднимаетъ вверхъ голову и берегся рукою за мечъ, представляетъ *холерической* темпераментъ. Подлѣ него стоитъ вѣтухъ.

Прекрасно-одѣтой, веселой юноша, увѣчанный цветами и держащій въ рукъ большой кубокъ, есть *сангвиникъ*. Вокругъ его разбросаны маски и музыкальныя орудія; а подлѣ него, на розѣ, сидитъ бабочка.

Толстой человекъ, съ обрюзглымъ лицомъ, съ большимъ брюхомъ и сопными глазами, лежащій на постель, въ худомъ платьѣ и въ кошацкѣ, есть символъ *флегматическаго* темперамента. Подлѣ него сидитъ черснха.

Пожилой человекъ съ печальнымъ лицомъ, которой одною рукою облокотился на столъ, а другою держитъ кинжалъ, изображаетъ *меланхолика*. Подлѣ нима порхаютъ летучія мыши; у ногъ его лежатъ мышки съ деньгами.

Къ щастію, не найдемъ мы въ свѣтъ ни совершеннаго меланхолика, ни совершеннаго флегматика, ни совершеннаго холерика.

*

Кресла, на которыхъ всегда обѣдалъ славной Итальянской Докторъ Санкторіусъ, были повѣшены на воздухъ, и посредствомъ особливаго механизма опускались на землю, когда

въ желудокъ его входило столько пищи, сколько нужно для здороваго челоува; онъ въ ту же минуту переставалъ есть — и такимъ образомъ жилъ болѣе 40 лѣтъ.

Пиронъ говорилъ, что Корнель писалъ для мужчинъ, Расинъ для женщинъ, Ла-Фонтенъ для дѣтей, а Мольеръ для всѣхъ людей вообще.

Къ № 62. Письмо изъ Венеци.

28 Мая былъ я въ здѣшнемъ главномъ судилищѣ. 16 Судей присутствуютъ въ ономъ; всѣ они сидятъ на старинныхъ, рѣзныхъ креслахъ, съ величайшею важностію, и въ глубокомъ молчаніи. Адвокатъ или стряпчій, которому прежде говорить должно, садится прогнѣвъ ницъ, и начинаетъ предлагать дѣло; но сказавъ словъ двадцать, встаетъ, возвышаетъ голосъ, кричитъ, стучитъ въ полъ ногами, сыплетъ пудру съ парика своего, устремляетъ глаза то въ ту, то въ другую сторону, машетъ руками, бьетъ себя въ грудь; однимъ словомъ, играетъ ролю изступленнаго. Другой адвокатъ, противникъ его, отвѣчаетъ ему такимъ же образомъ; то есть, шумитъ, кричитъ, и проч. Потомъ оба они низко кланяются судьямъ, уходятъ въ темной уголъ залы, скидаютъ съ себя плащъ, перемѣняютъ бѣлье, надѣваютъ шлафрокъ, колпакъ, садятся на лавку, и спокойно ожидаютъ рѣшенія дѣла. Между тѣмъ судьи, которые флегматическимъ видомъ своимъ изображаютъ совершенное *безстрастіе*, кладутъ въ ящикъ бѣлые или черные шары, и такимъ образомъ оправдываютъ или обвиняютъ отвѣтчика.

(Изъ *Voyage d'Italie, par M-r le Marquis d'Orbesson*).

*

Прокесцы имѣютъ въ языкѣ своемъ, подобно Грекамъ и Немцамъ, множество составныхъ словъ, которыя изображаютъ всѣ свойства означаемой ими вещи. На примѣръ, вино называютъ они *онегарадесегентсрагери*; то есть, *жидкость, дѣлаемая изъ винограднаго соку*.

*

Когда вышла въ свѣтъ Гельвеціева книга de l'Esprit, одинъ молодой Шведъ, которой учился въ Лейпцигѣ, написалъ къ своему пріятелю въ Стокгольмъ: «Здѣсь все говорятъ теперь о новой, весьма умной книгѣ, сочиненной Господиномъ ле-Фермье, Швейцарскимъ Генераломъ». То есть. молодой человекъ хотѣлъ перевести на свой языкъ: le Fermier Général Helvetius, принявъ ле-Фермье за имя автора, а Général Helvetius за Швейцарскаго Генерала.

Къ № 63. Одинъ Англійской дворянинъ, будучи несчастливъ въ любви, вздумалъ на всегда отказаться отъ солнечнаго свѣта, и велѣлъ заделать въ домъ своемъ все окна. Днемъ читалъ онъ книги при свѣтѣ, или спалъ; а ночью выходилъ на свѣжій воздухъ, прогуливался въ саду, кормилъ своихъ оленей, фазановъ, и возвращался въ темной кабинетъ свой, какъ скоро показывалась на небѣ утрення звезда. Такимъ образомъ сей странной человекъ жилъ семь лѣтъ, и умеръ недавно (въ Йоркширѣ) на сорокъ-шестомъ году отъ рожденія. Большую часть доходовъ своихъ употреблялъ онъ на вспоможеніе бѣднымъ.

*

Нѣкто Веппель, школьной Ректоръ и великой Астрономъ, прислалъ къ покойному Барону Бильфельду сочиненную имъ книгу, желая, чтобы онъ представилъ ее Берлинской Академіи, и чтобы Академія приняла его въ свои Члены. Въ семь твореніи, говоря о кометахъ, *прошедшихъ и будущихъ*, Авторъ предсказывалъ, что черезъ два года явится на небѣ, ужасная огненная звезда, именемъ *Гекторъ*, и длиннымъ хвостомъ своимъ зажжетъ землю. Академики, боясь такихъ страшныхъ пророчествъ, не разсудили за благо принять Веппеля въ свои товарищи. Баронъ, желая смягчить отказъ, написалъ къ нему, что книга его несравненна; что Академія, читая оную совершенно увѣрилась въ истинѣ его предсказанія, и для того, ожидая скорого разрушенія планеты нашей, положила не принимать уже никого въ Члены свои!

Къ № 64. Анализъ Боннетовыхъ сочиненій. К

Въ прибавленіе къ тому, что сказано было въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о смерти великаго Боннета, скажемъ еще нѣсколько словъ о его безсмертныхъ твореніяхъ.

Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ посвятилъ онъ жизнь свою Физическимъ наукамъ. Есть люди, которые во всемъ великомъ видятъ только малое и не важное; другіе и въ малыхъ вещахъ умѣютъ находить великое, чувствуютъ высочайшую Премудрость въ образованіи былинки, и вмѣстѣ съ Лейбницемъ созерцаютъ вселенную въ каждой ея стихіи: — таковъ былъ Карлъ Боннетъ, которой въ земляномъ червячкѣ и въ насѣкомыхъ, едва примѣтныхъ для нашего зрѣнія, открылъ систему всеобщаго образованія животныхъ. Первое его сочиненіе было *Traité d'Insectologie*, или *трактатъ о насѣкомыхъ*, въ которомъ, подобно какъ въ начальныхъ *фразахъ* прекрасной симфоніи, видна уже *тема* великихъ дѣйствій ума его.

Главною цѣлію Боннетовыхъ размышленій была *теорія рожденія или развитія (développement) существъ*, физическихъ и духовныхъ; и я не знаю ни одной ученой книги, въ которой бы она такъ основательно, такъ удовлетворительно изяснялась, какъ въ его *Разсужденіи о тѣлахъ организованныхъ*, посредствомъ гипотезы *зародышей (germes)*, находящихся какъ въ животныхъ, такъ и въ растеніяхъ.

Другая физическая истина, имъ открытая, важна не только для теоріи наукъ, но и для самой практики. Никто не зналъ, прежде Боннета, какую пользу дѣлаютъ листья деревьямъ и травамъ, на которыхъ они растутъ. Думали, что они могутъ служить только пищею животныхъ, украшеніемъ лѣсу и *парасолемъ* для челоуька въ жаркіе дни лѣта. По Женевской Философъ увѣрился многими опытами, что листья еще гораздо полезнѣе въ системѣ *Патуры*; что дерево и растеніе посредствомъ ихъ втягиваетъ въ себя воздушныя частицы и пары, которые могутъ питать его, подобно какъ черезъ корень свой извлекаетъ оно пищу изъ земли. Сіе открытіе весьма важно для земледѣльцевъ; они узнали, что всѣ

растѣнія съ широкими листьями, вбирая въ себя много воздушныхъ питательныхъ частицъ, истощаютъ землю менѣе, нежели другія. Для того Англичане, Профессоры въ земледѣліи, сѣютъ всегда—послѣ ржи, пшеницы и ячменя—рѣпу, горохъ и бобы и другія травы съ большими листьями, которыя, питаясь воздухомъ, не изнуряютъ земли, и даютъ ей отдыхать. Доказательство, что успѣхи наукъ бываюгь благотворны и для тѣхъ людей, которые не имѣютъ объ нихъ никакого понятія.

Перейдемъ теперь изъ міра физическаго въ міръ духовной: Философъ нашъ обогатилъ и сей послѣдній великими идеями, слѣдуя своей теоріи *постепеннаго оживленія* или *развитія*. *Аналитической опытъ* его, *Essai analytique sur les facultés de l'ame*, есть примѣръ строжайшей логики и философскаго глубокомыслія. Чувствуя, сколь трудно разсматривать человека въ смѣщеніи всѣхъ его душевныхъ дѣйствій, Боннетъ воображаетъ себѣ статую, даетъ ей (въ мысляхъ своихъ) совершенные органы, но только новые, не принимавшіе въ себя никакихъ впечатлѣній; возбуждаетъ въ ней сперва самое простѣйшее изъ чувствъ, обоняніе; примѣчаетъ всѣ слѣдствія; останавливаетъ дѣйствіе предмета; возобновляетъ, разнообразитъ оное, и видитъ начало памяти, разсудка и всѣхъ постепенно развивающихся способностей души. — Къ несчастію, не всякой можетъ читать и понимать сію книгу; но кто хотя не много пріучилъ разумъ свой къ метафизическимъ изслѣдываніямъ, тотъ найдетъ въ чтеніи оной неописанное удовольствіе.

Къ № 65. Анализъ Боннетовыхъ сочиненій.

(Продолженіе).

Боннетъ, глубокомысленной Философъ подобно Невтону, и будучи увѣренъ въ безсмертіи души, хотѣлъ слѣдовать за развитіемъ ея способностей даже и въ будущей жизни, и къ великому своему удовольствію пашель въ самыхъ насѣкомыхъ, которыя были первымъ предметомъ его наблюденій, прекраснѣйшую эмблему судьбы человѣческой. Онъ сравниваетъ брелъ-

ное тѣло наше съ оболочкою шелкового червя; состояніе, которое ожидаетъ насъ непосредственно послѣ смерти, съ хризалидою; а новое, бессмертное тѣло съ бабочкою. Бошетъ есть конечно первой изъ новыхъ Философовъ, почерпнувшій въ Платурѣ сіе щастливое сравненіе; по крайшей мѣрѣ онъ предложилъ его лучше, основательнѣе, разительнѣе, нежели кто нибудь. Но мы имѣемъ причину думать, что оно было извѣстно и Древнимъ; ибо какъ изъяснить иначе изображеніе бабочки на головѣ Анаксагора, который прежде всѣхъ другихъ языческихъ мудрецовъ проповѣдовалъ безсмертіе души? Многіе антики представляютъ намъ сію эмблему; между прочими замѣтилъ я одинъ, на которомъ изображена, въ видѣ женщины, горестная дружба, лиющая слезы надъ урною и переломленнымъ лукомъ; подлѣ нее стоитъ Геній, которой указываетъ рукою на летящую бабочку и хочетъ, кажется, сказать: ты оплакиваешь смерть друга своего; но онъ явится тебѣ никогда въ лучшемъ образѣ. — Бошетъ изъясняетъ сію важную, утѣшительную идею въ *Палингенезіи* своей, книгѣ, которую предпочиталъ онъ всѣмъ другимъ своимъ сочиненіямъ.

Въ Психологическихъ опытахъ, *Essais de Psychologie*, найдетъ читатель великія Боннетовы идеи о Космологіи и Естественной Богословіи. Философъ нашъ, вмѣстѣ съ Лейбницемъ, принимаетъ систему Оптимизма, доказывая, что Богъ, по неизмѣримой Своей благодати сотворилъ, безъ сомнѣнія, все живущее, все чувствительное для щастья и блаженства; что премудрость и всемогущество Его избрали для сей цѣли конечно самыя лучшія средства, и что вселенная какъ цѣлое, какъ совершенная гармонія причинъ и дѣйствій, не можетъ имѣть въ себѣ существеннаго зла. *Contemplation de la Nature* или *Разсмотрѣніе Природы*, единственное твореніе въ своемъ родѣ, представляетъ всю Натуру въ блестящей картинѣ, со всѣми ея красотою, во всемъ ея величій. Сія книга, писанная самымъ краснорѣчивымъ и самымъ яснымъ слогомъ, понятна для всякаго читателя, возвышаетъ духъ и сердце, и открываетъ обширное поле для восхитительныхъ умозрѣній.

Recherches sur le Christianisme, книга, въ которой съ философскою основательностію представляетъ онъ истину

Христіанской Религіи, произвела во многихъ пользу—и слезы радости текли изъ глазъ добродѣтельнаго мудреца, когда иностранцы и соотечественники его изъявляли ему благодарность свою за сіе твореніе.

Мужъ благодѣтельной, ревностной читель Божества и другъ Природы — мудрецъ, котораго философія была столь угѣшительна и миролюбива—могъ ли жить несчастливо? Пѣтъ, Боннетъ наслаждался всею полнотою чистыхъ благъ земныхъ. Науки питали душу его; нежная супруга имъ жила и дышала; друзья юныхъ лѣтъ его были ему друзьями и въ старости, и никто не приближался къ нему безъ любви и почтенія.

Соссоръ.

Къ № 66. Загадка, переведенная съ Греческаго языка.

Я велико какъ слонъ, мало какъ сырной червь, тяжело какъ большой китъ, легко какъ бабочка; ползаю какъ ужъ, и парю подъ облаками какъ орелъ; у меня четыре ноги какъ у волка, двѣ какъ у павлина, двѣ руки какъ у человека, четыре копыта какъ у лошади, перья какъ у синички, рога какъ у оленя, крылья какъ у летучей мыши, длинной носъ какъ у аиста, голова какъ у совы, лице какъ у прекрасной женщины. Я черно какъ воронъ, бѣло какъ лебедь, пестро какъ рысь, мохнато какъ медвѣдь, чешуисто какъ щука, сильно какъ левъ, слабо какъ бѣлка, зло какъ тигръ, смирно какъ ягненокъ, коварно какъ обезьяна, вѣрно какъ собака, глупо какъ гусь, умно какъ—Грекъ! — Довольно сравненій. Читатель можетъ узнать меня.

(Отгадка въ слѣдующемъ номерѣ).

*

Англійской Адмиралъ Боскавентъ, будучи въ Америкѣ, далъ праздникъ своимъ Офицерамъ и знатнѣйшимъ Американцамъ, и сдѣлалъ для нихъ пуншъ, которой стоилъ ему около 5000 рублей. Прекрасной мраморной бассейнъ служилъ вмѣсто чаши; въ него влили 600 бутылокъ рому, 600 бутылокъ Французской водки, 1500 бутылокъ малаги, четыре бочки кипящей

воды, и положили 20 пудъ сахара, 200 мушкатныхъ ореховъ и 2600 лимоновъ. Мальчикъ, одѣтый какъ Ганимедъ, плавалъ въ семь бассейновъ на маленькой лодкѣ, сдѣланной изъ розоваго дерева, и черпалъ пуншъ для гостей.

Къ № 67. Загадка, въ прошедшемъ номерѣ, значить: *животное*, въ общемъ смыслѣ.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ Англіи одинъ пожилой человекъ, и вдовецъ, женился на молодой дѣвушкѣ. Скоро послѣ сей свадьбы сынъ его, которой жилъ особливимъ домомъ, влюбился въ тещу своего отца, женщину лѣтъ подлѣ сорокъ, и предложилъ ей руку свою; она не разсудила за благо отказаться отъ нее, и вышла за него за мужъ. Такимъ образомъ отецъ сдѣлался свекоромъ тещи своей, мать невѣсткою дочери и снохою своего зятя; сынъ отчимомъ своей мачихи, и проч. — Сія двѣ четы и теперь живутъ благополучно въ Камденѣ.

*

Когда Г. Марсе издалъ въ свѣтъ книгу свою о Тропахъ (или реторическихъ фигурахъ), одинъ Придворной, желая показаться ученымъ, сказалъ ему съ важнымъ видомъ: *я слышалъ, что вы сочинили исторію Троповъ; ученая публика будетъ вамъ конечно благодарна; до сего времени мы не имѣли почти никакого понятія о нравахъ этого народа.*

*

Красота (говорить одинъ Французской Авторъ) происходитъ отъ соразмѣрности тѣлесныхъ частей, а *пріятность* отъ гармоніи душевныхъ дѣйствій; *красота* можетъ быть безъ разума, но *пріятность* соединена всегда съ тонкимъ нравственнымъ чувствомъ и остроуміемъ.

Къ № 68. О стыдливости.

(Переводъ изъ одной старинной Французской книги).

Стыдливость молодого человека есть цвѣтъ нѣжнаго дерева, которой обѣщаетъ прекрасные плоды. Храните его,

воспитатели юношества! храните отъ ядовитаго дыханія дерзкихъ пороковъ!

Древніе говорили, что Юпитерь, образуя страсти, каждой изъ нихъ назначилъ особое жилище, но забылъ стыдливость; когда жъ она явилась, то Зевсъ, не зная гдѣ ее помѣститъ, велѣлъ ей смѣшаться со всеми другими. Съ того времени истинное славолобіе начало краснѣться подъ своимъ лаврами; съ того времени истинная любовь не можетъ разстаться съ нѣжною стыдливостію; съ того времени и самое любомудріе, научая смертныхъ, не рѣдко погуцпляетъ глаза въ землю.

Однажды спросили у жрицы Аполлоновой, какой цвѣтъ лучше всѣхъ другихъ? *Алой*, отвѣчала Пноія: *ибо онъ есть цвѣтъ стыдливости.*

Плутархъ упоминаетъ о древнемъ храмѣ, посвященномъ *Венерѣ сокровенной*. *Сія богиня*, говоритъ онъ, *любитъ тѣши, мрачность и тайну.*

Къ № 69. Магистеръ Реманъ сочинилъ на Пѣмецкомъ языкѣ книгу *о превосходствѣ Пѣмецкихъ Ученыхъ и художниковъ*, и пишетъ между прочимъ, что нѣкто Іоаннъ Кенигсбергъ сдѣлалъ стальную муху, которая легала по горнице, и садилась потомъ на руку къ мастеру своему; что сей же самый художникъ сдѣлалъ еще бумажнаго орла, которой вылетѣлъ изъ Франкфурта на встрѣчу къ Императору Фридриху, покачалъ крыльями надъ его головою, и возвратился въ городъ; что Корнелій Дребель выдумалъ какой-то музыкальной инструментъ, которой раскрывался при восходѣ солнца, и самъ собою игралъ до вечера!! — См. Journ. des Savans, Avril 1711, стран. 459 — 460.

*

Эпифанія благодѣтельнаго человека.

Что я издержалъ для себя, того лишился; что у меня осталось, то принадлежитъ другимъ; я сберегъ то, что роздалъ бѣднымъ.

Въ одномъ Англійскомъ Журналѣ напечатано слѣдующее объявленіе:

«Томасъ Тогвудъ имѣетъ честь извѣститъ почтенную публику, что онъ намѣренъ въ послѣдній день текущаго Апрелья мѣсяца застрѣлить себя передъ глазами всѣхъ любопытныхъ людей, которымъ угодно будетъ пожаловать къ нему въ домъ и заплатить при входѣ гешею. Сіе новое зрѣлище конечно поправится нашимъ соотечественникамъ, любящимъ всякія чрезвычайности. Собранныя деньги будутъ отданы наследникамъ Господина Тогвуда, которые живутъ въ крайней бѣдности.—Двери отворятся въ семь часовъ по полудни; представленіе начнется и кончится въ восемь часовъ. Для дамъ приготовлены особливья мѣста. Никто изъ зрителей, вошедши въ домъ не имѣетъ права требовать назадъ денегъ своихъ.»

Мы не знаемъ, полюбилась ли въ Англии сія шутка.

Къ № 70. Однажды въ домѣ у Вольтера говорили о Графѣ Б., которой любилъ скитаться по свѣту, останавливался вездѣ, гдѣ находилъ хорошій домъ или дворянской замокъ; посѣщалъ хозяина, будто бы для того, чтобы разспросить его о дорогѣ; знакомился съ нимъ, оставался обѣдать, ужинать, почевать, жить, иногда недѣлю, двѣ и долѣе, такъ что наконецъ надобно было выгонять его самымъ неучтивымъ образомъ. — «Графъ Б., сказалъ Вольтеръ, совсемъ не похожъ на Донъ-Кихота: тотъ всѣ трактиры почиталъ замками; а этотъ всѣ замки почитаетъ трактирами!»

*

Каспаръ Барлеусъ, Ораторъ, Поэтъ и Медикъ, которой дни и ночи просиживалъ надъ книгами, вздумалъ наконецъ, что тѣло его составлено изъ масла, и боялся не только камина, но и лучей солнечныхъ; ему казалось, что всякой жаръ можетъ растопить его. Наконецъ онъ возненавидѣлъ жизнь, и бросился въ колодезь.

Фонтенель утверждалъ, что никто кромѣ глупца не можетъ предпочитать Федровыхъ басенъ ла-Фонтеновымъ. — А что же вы скажете (спросили у него), когда самъ ла-Фонтенъ отдастъ преимущество Федру?—Я скажу тогда, отвѣчалъ онъ, что ла-Фонтенъ глупецъ.

Къ № 71. Доратъ, въ день смерти своей, сидѣлъ покойно на большихъ крестахъ и читалъ книгу. Вошелъ Докторъ, пощупалъ его пульсъ, вздохнулъ и не сказалъ ни слова. *Что вы думаете?* спросилъ больной: *что скажете?* — «Грудь ваша часъ отъ часу слабѣетъ, отвѣчалъ Медикъ: хотя мнѣ и горестно лишитъ васъ надежды, однакожъ»... *Довольно, понимаю; вы можете идти куда вамъ угодно.* — Докторъ вышелъ; а Стихотворецъ засмѣялся, и оборотясь къ своему верному слугѣ, которой не покидалъ его ни на минуту, сказалъ ему съ веселымъ видомъ: *Впрѣь Докторама! Мнѣ никогда не было такъ легко, какъ теперь; а они хотѣтъ привести меня въ отчаяніе.* — Потомъ взялъ листъ бумаги, перо, и началъ писать сатиру на Медиковъ; но не успѣвъ прибрать рифмы къ третьему стиху, усталъ и умеръ.

Къ № 72. Два Автора, славные въ ученомъ свѣтѣ, представляютъ намъ Стоическихъ Философовъ въ двухъ противоположныхъ картинахъ. Одинъ говоритъ:

«Мудрость и добродѣтель были душею Зеноновой секты. «Многіе называютъ Стоиковъ врагами удовольствій: но какихъ «удовольствій? ложныхъ, низкихъ, вредныхъ для души и тѣла, «пагубныхъ для нашего спокойствія; тѣхъ, которыя услажда- «дая одну часть, огорчаютъ всю жизнь нашу. Они увеличи- «вали: но что? гнусность пороковъ. Скажите лучше, что «друзья Зеноновы, презирая всякую тѣлесную боль и всѣ сла- «бости, возвеличили человека; презирая богатство, тщесла- «віе и ничтожное удовольствіе, они неутомимо старались исполнять всѣ должности общежитія, и не продавали своихъ «благодѣяній, но въ одной философіи, и внутри сердца не- «кали награды за добродѣтель; были лучшими гражданами,

«лучшими подданными и властителями. Антонини!... имя ваше
«возбуждаетъ святыя чувства благоговѣнія въ моемъ сердцѣ!»

Но что же говорить другой Авторъ? — «Стоикъ есть чу-
«довище. страшное и вредное. Чувства въ немъ молчать; но
«вмѣстѣ съ ними молчать и всѣ нужныя, сердечныя склон-
«ности. безъ которыхъ человекъ подобенъ дикому звѣрю.
«Любовь, сожалѣнiе, неизвѣстны его каменному сердцу. Друж-
«ба... онъ надъ нею смеется; ему не надобно друзей; не на-
«добно ни утѣшенiя. ни помощи. Сей гордецъ, для котораго
«ничто не существуетъ (кромѣ его гордости) видитъ вездѣ
«слабость. пороки и безумiе; презираетъ всѣхъ людей и по-
«читаетъ одного себя великимъ человекомъ, Философомъ и
«Царемъ. — Вотъ портретъ слабаго мудреца, которому велить
«намъ подражать! Скажите. какой городъ захочетъ имѣть та-
«кого начальника? какая армiя изберетъ такого полководца?
«какая женщина пожелаетъ быть супругою такого мужа?» —
Остается рѣшить читателю, кто правъ, кто виноватъ.

Къ № 73. Отрывокъ изъ Меллерава путешествiя.

Солнце изливало лучи свои прямо на мою голову. когда
я въѣхалъ въ прекрасную деревеньку *Розенталь*. Третiй или
четвертый домикъ на правой сторонѣ, обнесенный каштановыми
деревями, полюбился мнѣ еще издали; я приближился, и уви-
дѣлъ, что онъ обвѣшенъ гирляндами, сплетенными изъ поле-
выхъ яслиновъ и зелени. Ворота, двери и окна были раство-
рены; въ средней горницѣ домика, за большимъ столомъ, си-
дѣло человекъ двадцать поселанъ. «Здѣсь вѣрно свадьба,»
думалъ я. — привязать лошадь свою къ дереву, и вошелъ въ
домикъ. Вообразите мое удивленiе, когда мнѣ сказали что
тутъ празнуютъ не свадьбу, а щастливую смерть одного до-
бродѣтельнаго старика! Хозяинъ, большой сынъ умершаго,
принялъ меня съ ласкою и посадилъ за столъ. Въ рукахъ
держалъ онъ бумагу. — «Вотъ его духовная, друзья мои, ска-
заль онъ: пусть этотъ господинъ прочитаетъ ее.» Я взялъ
бумагу, и прочиталъ въ слухъ слѣдующее:

«Слава и благодареніе Всевышнему! Я дожилъ до 75
 «лѣтъ, былъ всегда здоровъ и веселъ, и плакалъ только три
 «раза въ жизни своей (погребая моихъ родителей и любез-
 «ную жену); не зналъ роскошнаго изобилія, но не зналъ и
 «гнетущей бѣдности. Небо всегда благословляло труды мои;
 «буря и градъ щадили мое поле; нивы мои орошались дож-
 «демъ въ надлежащее время; все цвѣло, все успѣвало, все
 «размножалось въ рукахъ моихъ; всякая весна веселила меня
 «надеждою, всякая осень обогащала меня хлѣбомъ. Я былъ
 «любимымъ сыномъ, счастливымъ мужемъ и другомъ дѣтей
 «своихъ; не имѣлъ ни завистниковъ, ни злобевъ, ни ссоры,
 «ни тяжбы, и все знакомые, встречаясь со мною, чистосер-
 «дечно желали мнѣ добраго дня и добраго вечера. Горе не-
 «благодарному, есть ли бы я при концѣ такой жизни не вос-
 «хвалялъ Провидѣнія! — Любезныя дѣти! вы видѣли, какъ я
 «погребалъ мать вашу: такъ и меня погребите! Удалите отъ
 «себя все печальныя мысли; мы прощаемся здѣсь на короткое
 «время, и до радостнаго свиданія. Въ самой тотъ день, когда
 «опустите въ землю гробъ мой, уберите мирной домикъ нашъ
 «цвѣтами и зеленью — тамъ, въ вѣчности, все цвѣтеть и зе-
 «ленѣетъ! — Пригласите къ себѣ на дружеской обѣдѣ всехъ
 «нашихъ добрыхъ поселянъ, и скажите имъ, что я былъ
 «всегда искреннимъ ихъ братомъ. — Простите, милыя! Живите
 «и умрите такъ, какъ я жилъ и умираю!»

Дѣти плакали и клялись подражать въ добродѣтели отцу
 своему; гости вмѣстѣ съ ними плакали, и я также. Наконецъ
 намъ принесли супъ; мы обтерли слезы свои — и сей пріятно-
 меланхолической обѣдѣ не выдетъ никогда изъ моей памяти!

Къ № 74. Изъ Англійскихъ Вѣдомостей.

Г. Брантъ, Эдмбургской купецъ, былъ въ молодости
 своей влюбленъ въ одну прекрасную дѣвушку, которая также
 любила его; но отецъ ея, будучи гордымъ дворяниномъ, не
 хотѣлъ отдать дочери за куща, и отказалъ ему отъ своего

дому. Пещастной любовникъ долго тосковалъ и плакалъ; наконецъ время, путешествія и торговыя дѣла разсѣяли грусть его; онъ женился на другой дѣвушкѣ, переселился въ Лондонъ, овдовѣлъ, женился въ другой разъ, и опять овдовѣлъ. Черезъ несколько лѣтъ послѣ того нечаяннымъ образомъ встрѣтился онъ съ прежнею своею любовницею, которая также въ другой разъ овдовѣла, и съ которою Г. Брантъ не видался 33 года. Съ трудомъ могли они узнать другъ друга; но узнать, обнявшись съ нежностію, вспомнили молодость, вспомнили страсть свою, и черезъ два дни соединились бракомъ: онъ на шестидесятомъ году, а она на пятьдесятъ осьмомъ. Не смотря на свою старость, живутъ они теперь какъ молодые и самые нежпѣйшіе супруги. Говорять, что одинъ изъ нашихъ Поэтовъ сочиняегь изъ ихъ исторіи трогательную Драму, подъ именемъ: *шестидесятилѣтніе любовники, или торжество симпатій.*

Къ № 75. Изъ Англійскихъ Вѣдомостей.

Вильгельмъ Гейдеккеръ, которой родился въ Унгервальденъ (горномъ Кантонѣ Швейцаріи), былъ въ Лондонѣ первымъ основателемъ редутовъ и публичныхъ баловъ. Всѣ знатные Англичане любили его, какъ человека веселаго и забавнаго въ обществѣ. Однажды, въ домъ у Милорда Честерфильда, зашелъ при немъ великой споръ о томъ: какая нація въ Европѣ умнѣе всѣхъ прочихъ? Некоторые отдавали преимущество Итальянцамъ, другіе Французамъ; но большинство голосовъ было на сторонѣ Англичанъ. И Гейдеккеру, вмѣстѣ съ другими, надлежало объявить свое мнѣніе. «Государи мои!» «сказалъ онъ съ великою важностію: «вы все ошибаетесь, и «не знаете, что говорите Италіяны хитры, Французы остроумны, Англичане глубокомысленны; но что принадлежитъ до «истиннаго разума, то никакая нація не можетъ сравняться «съ Швейцарцами!» — Честерфильдовы гости засмѣялись, и потребовали, чтобы онъ представилъ свои доказательства. — «Я родился въ Швейцаріи, продолжалъ Гейдеккеръ: захотѣлъ

«разбогатѣть, прѣхалъ сюда съ пятью талерами, и нажилъ «50,000 фунтовъ стерлинговъ. Пусть же кто-нибудь изъ васъ, «господа Англичане, наживетъ столько денегъ въ мосмъ отечество! Слѣдственно Швейцары васъ умнѣе».—Англичане снова засмѣялись и отдали справедливость Гейдеккеровой Логикѣ.

Сей же Гейдеккеръ былъ чрезмерно дурень лицомъ, и ударился объ закладъ съ двумя Лордами, что въ цѣлой Англіи нельзя найдти челоуька, подобно ему безобразнаго. Выбрали судей — и Лорды, недѣли черезъ двѣ, нашли въ Ричмондѣ старуху, столь отвратительную и безобразную, что судьи, взглянувъ на нее, закричали въ одинъ голосъ: Гейдеккеръ проигралъ!» — *Постойте, государи мои, скааалъ онъ — снялъ съ себя парикъ, надѣлъ его на старуху, а на себя ея чепчикъ, и... выигралъ закладъ.*

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

М 2854, 12

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

СМѢСЬ

ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ 1795 ГОДА,

Н. М. Карамзина.

(Окончаніе).

Къ № 76. Человѣкъ, который былъ въ самыхъ отдаленнѣйшихъ краяхъ земли, открылъ источникъ Пила, сообщилъ намъ любопытную исторію многочисленнаго Африканскаго народа (*), не имѣющаго никакихъ сношеній съ иностранцами—который презиралъ вся опасности, чтобы сказать: я былъ тамъ, гдѣ другіе не бывали; я видѣлъ то, чего другіе не видали—котораго ни Арабскіе разбойники не убили, ни хищные крокодилы не растерзали, ни ядовитыя змѣи не ужалили, — Джемсъ Брюсъ умеръ не давно въ Шотландіи, въ сельскомъ домѣ своемъ, отъ того, что онъ, сходя съ крыльца, неосторожно обступился (**)... Удивительны случай жизни человѣческой!

Онъ извѣстенъ былъ въ Англіи подъ именемъ *Абиссинскаго странника*, и долго не хотѣлъ издавать описанія своихъ путешествій, для того, что Антикваріусъ Баррингтонъ

(*) Абиссинцевъ.

(**) Онъ ударился головою о камень.

назвалъ его въ одномъ Лондонскомъ Журналѣ *восточнымъ баснословомъ и вторымъ Павломъ Люкасомъ*. — «Когда соотечественники мои такъ неблагодарны, сказалъ Брюсъ, или «такъ завистливы, то я буду молчать, и всѣ сокровища, мною «собранныя, брошу въ огонь, или зарюю въ землю.» — Въ самомъ дѣлѣ онъ молчалъ... болѣе десяти лѣтъ, а наконецъ издалъ... болѣе десяти томовъ

Надобно отдать справедливость его достоинствамъ, его неутомимой твердости, рѣдкому лобопытству, соединенному съ Англійскимъ постоянствомъ, — физическимъ знапіямъ и учености. Но должно сказать и то, что онъ былъ худой писатель, любилъ прибавлять, а болѣе всего хвалить себя. Съ величайшею надменностію говаривалъ онъ, подобно Жанъ-Жаку Руссо: *я посвящаю жизнь мою истинѣ! (vitam impendere vero, эпиграфъ Руссовыхъ сочиненій) — я распространилъ область знаній человѣческихъ — меня не забудетъ потомство!* — Кромѣ сей слабости, Брюсъ имѣлъ еще другую: хвалиться родомъ своимъ! Даже и Абиссинскому Царю не преминулъ онъ сказать, что предки его были въ свойствѣ съ Шотландскими Королями!

Онъ имѣлъ прекрасное собраніе рѣдкостей, и съ великимъ удовольствіемъ показывалъ ихъ всѣмъ любопытнымъ. Между прочимъ были у него: лошадиная кость, которая превратилась въ агатъ — голубой камень, образованной на подобіе стѣтки, и разныя Египетскія *конхилии*, отъбѣныя своею красотою.

Къ № 77. Вотъ завѣщаніе одного Англійскаго дворянина, недавно умершаго въ Норкширской провинціи:

«Я оставляю своимъ наслѣдникамъ 75 собакъ, 83 камзола, «1 худой кафтанъ, 140 паръ башмаковъ, 93 парика, 104 те- «леги, 52 сѣдла, одну узду, 209 заступовъ и 402 метлы. — «Item. Множество палокъ и тросточекъ, 100 необъезженныхъ «лошадей, 200 вилъ, 500 топоровъ, 120 лѣсницъ, 65 шты- «ковъ и 303 шпаги. Item. 52 воза книгъ, изъ которыхъ я «не читалъ ни одной, и 1000 стопъ бѣлой бумаги, изъ кото-

«рой въ 45 лѣтъ истрчено мною два листа. — Item. Въ двухъ
«большихъ сундукахъ, окованныхъ серебромъ, наличными
«деньгами около трехъ шиллинговъ (1 рубл. 20 коп.); да въ
«худомъ сосновомъ ларчикъ 5000 гиней (то есть, 24,000
«рубл.), которыя отказываю вѣрному слугѣ моему Вилліаму
«Боксу; ему же оставляю и зеленой мой колпакъ, съ тѣмъ
«условіемъ, чтобы онъ, надѣвая его ввечеру на голову, желалъ
«всегда покойной ночи умершему другу и господину своему!»

*

Рабле советуетъ покупать всѣ глупыя книги, для того,
что онъ никогда уже не будутъ напечатаны въ другой разъ.

Пока мы не сожжемъ всѣхъ книгъ, говорить одинъ остроумный писатель, до того времени не можемъ знать, кто блистаетъ своимъ разумомъ, и кто чужимъ

Г. Гюэ увѣряетъ, что все сказанное и написанное отъ начала міра моглобы помѣститься въ девяти или въ десяти томахъ in-folio, если бы не было въ книгахъ никакого повторенія.

Къ № 78. Мальбраншъ въ молодости своей хотѣлъ сочинять Церковную Исторію; но память его была такъ слаба, что онъ никакъ не могъ помнить связи самыхъ важнѣйшихъ происшествій, и наконецъ оставилъ свое предиріятіе. Послѣ того хотѣлъ онъ посвятить себя критикѣ; но и въ сей наукѣ успѣхи его были весьма не велики. Однажды, зашедши въ книжную лавку, Мальбраншъ увидѣлъ *Декартова разсужденіе о человекѣ*. Сей философъ былъ ему извѣстенъ только по имени. Онъ развернулъ книгу, прочиталъ нѣсколько страницъ... и вдругъ душа его озарилась новымъ свѣтомъ. Схоластическая философія казалась до того времени самою пустою наукою; но Декартовы идеи — *всеобщая симпатія, гармонія* — воспламенили его воображеніе. Философія представилась ему совершенно въ новомъ видѣ, и самомъ привлекательномъ. *Вотъ моя наука!* сказалъ Мальбраншъ самъ себѣ — купилъ книгу — читалъ ее день и ночь, и съ такимъ живымъ удовольствіемъ,

съ такимъ восторгомъ, что сердце его трепетало, и кровь волновалась какъ въ горячкѣ (*). Съ того времени забвль онъ исторію, критику, и занялся одною Декартовою философіею.

*

Во время Карла Великаго, новѣй годъ праздновался во Франціи страннымъ образомъ; а именно, молодые люди наряжались звѣрями, бѣгали по улицамъ какъ сумасшедшіе, кричали и пугали другъ друга. Въ сей день сосѣдь сосѣду не давалъ ни огня, ни воды; но всякой передъ воротами своего дому ставилъ блюда съ разными кушаньями для нищихъ.

Къ № 79. Недавно вышло въ Лондонъ описаніе жизни извѣстнаго Лорда Монтего и дворянина Бамфильда, которые могутъ занять первое мѣсто въ исторіи странныхъ людей. Монтего, будучи пятнадцати лѣтъ, ушелъ изъ дому отца своего, занялся въ работники у трубочиста, питался однимъ черствымъ хлѣбомъ, лазилъ съ метлою по кровлямъ, и былъ совершенно доволенъ своимъ состояніемъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его узнали и привели къ отцу, который всячески старался ласкать и утѣшать его; но Монтего опять скрылся — пошелъ въ матрозы — былъ извозчикомъ въ Гишпаніи, торговалъ башмаками въ Толедѣ, — возвратился въ Англію, жилъ и поступалъ иногда какъ умной человѣкъ, иногда какъ сумасшедшій — наконецъ, оставя все, уѣхалъ въ Азію, гдѣ и кончилъ жизнь свою, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. — Бамфильдъ, подобно Лорду Монтего, ушелъ изъ родигельскаго дому, но только не къ трубочисту, а къ цыганамъ; и провелъ съ ними всю свою жизнь, скитаясь по Англіи и Шотландіи. Сколько ни приступали къ нему родственники, онъ ихъ не слушалъ, и лучше хотѣлъ жить въ палаткѣ и въ лѣсу, нежели въ домѣ отца своего. — Разительной примѣръ человѣческаго безумія!

(*) Собственныя слова его.

Къ № 80. Въ 1776 году умеръ въ Лондонъ одинъ купецъ, которой, посредствомъ торгу, нажилъ 60,000 фунтовъ стерлинговъ, и все свое имѣніе отказалъ племяннику, бѣдному дворянину, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ всякой день, отъ двухъ до трехъ часовъ, былъ на биржѣ, не смотря ни на какія препятствія, кромѣ болѣзни; въ противнотъ случай по силѣ завѣщанія, онъ лишался всего имѣнія, и долженъ былъ отдать его Сиротскому Дому. Умершій хотѣлъ симъ страннымъ условіемъ почтить то мѣсто, гдѣ онъ разбогатѣлъ. Но бѣдной наслѣдникъ сдѣлался совершеннымъ рабомъ; не могъ ни на одинъ день отлучиться изъ города, и гдѣ бы ни былъ, въ гостяхъ или дома, помнить всегда часъ биржи. «Я зналъ сего человека (говоритъ Г. Архенгольцъ въ описаніи Англіи), и слышалъ отъ него, что онъ съ радостію отдалъ бы часть своего богатства за уничтоженіе сего тягостнаго предписанія. Нѣсколько разъ встрѣчался я съ нимъ на биржѣ, гдѣ онъ съ печальнымъ видомъ ходилъ взадъ и впередъ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, и безпрестанно посматривая на часы, чтобы ухватить скорѣе домой. Сиротской Домъ имѣлъ своихъ шпионовъ, которые за нимъ примѣчали».

Къ № 81. Никто не изъясняетъ такъ остроумно Мифологіи Древнихъ, какъ философъ Баконъ. То ли разумѣли они подъ своимъ Амуромъ, Эндиміономъ, Протеемъ, Вулканомъ, что разумѣть подъ сими баснословными существами Британской мудрецъ? оставимъ безъ рѣшенія. Довольно, что изъясненія его остроумны, глубокомысленны, удовлетворительны. Вотъ нѣчто для примѣра:

«Аллегоріи, говоритъ Баконъ, были первымъ дѣйствіемъ, «первою игрою ума, полюбившаго истину. Философы хотѣли «забавными вымыслами приманить людей къ мудрости, боясь «испугать младенческой разумъ ихъ важнымъ челомъ глубокомыслія. Басни предшествовали умозрѣнію, подобно какъ «героглифы предшествовали буквамъ. Мы судимъ обо всемъ «по сравненію: и такъ, чтобы изъяснить вещь, должно ска-

«зять прежде, на что она походитъ: — После сего вступле-
«нїя Бакошь толкуеть разныя басни лавчества. На примбрь:

«*Немесисъ*, дочь Океана и Почы, была ужасна и для
«самыхъ шастливцевъ. Она изображалась сидящею на олеть,
«крылатою и вшценосною; въ одной рукъ держала копье, а
«въ другой стеклянной сусудъ; наказывала гордость благо-
«получныхъ, и вливала печаль въ ихъ радости. — Сїя богшя
«представляегъ судьбу. — Олсанъ и Почъ изображаютъ тай-
«ныя намьренїя всемогущаго Провиднїя; а крылья скорую
«перемьну шастїя, которое является на минуту, и вдругъ
«печезаетъ. Все въ рукъ судьбы: для того вшецъ сїаетъ на
«главъ ея. — Стеклянной сусудъ естъ всегдашнее зеркало для
«шастливыхъ, въ которомъ видять они... смерть, болзши и
«тысячу возможныхъ неприяшностей въ будущемъ. Олень естъ
«символь долголїтїя: одна преждевременная смерть можетъ
«спасти насъ отъ роковыхъ бьдствїи; но кому жить долго.
«тогъ необходимо долженъ испытать разныя горестныя пере-
«мьны въ судьбъ своей».

Къ № 82. На берегахъ Гниен кочуютъ разныя дикїе на-
роды, изъ которыхъ каждой имбегъ своего царя или Касика.
Сїя Касики бывають весьма довольны, когда кто шибудъ изъ
Англїйскихъ кушцовъ позоветь ихъ къ себъ въ гости и на-
понтъ ромомъ или водкою. Они часто разспрашивають Англи-
чанъ о Европейскихъ происшествїяхъ, о славныхъ дьлахъ
героевъ и Королей нашихъ, для того чтобы называть себя
ихъ именами. За ньсколько леть предъ симъ одинъ Касикъ
назывался тамъ Георгомъ, другой Роднесемъ, третїй Коривал-
лисомъ. Первой изъ нихъ, то естъ Георгъ, бытъ маленькимъ
Цесаремъ и велъ ньсколько недель трагико-комическую вонну
съ сосьдомъ своимъ. Гниейскимъ Фридрихомъ. Они рьшились
наконецъ дать другъ другу главное сраженїе, въ которомъ
Георгъ потерялъ одного человека, а Фридрихъ двухъ. Сей
последнїй, устрашенный такимъ урономъ, долженъ бытъ про-
сигъ мира, и заключилъ его съ тьмъ условїемъ, что онъ: 1)
«отказывается навсегда отъ имени Короля, и будетъ называться

«только Капитаномъ; 2) что онъ не будетъ ходить въ гости къ Европейцамъ ни въ чулкахъ, ни въ башмакахъ, оставляя «се важное отличіе Королю Георгу; 3) что онъ выдастъ за побѣдителя прекраснѣйшую изъ дочерей своихъ». — После сего славнаго трактата Георгъ пришелъ въ чулкахъ и въ башмакахъ на Датской корабль, чтобы купить нѣсколько шелковыхъ платковъ для своей невесты. Увидѣвъ между прочимъ гренадерскую шапку, которая принадлежала одному матрозу, онъ не могъ съ нею разстаться — купилъ ее, надѣлъ на голову Фридриховой дочери — и Фридрихъ долженъ былъ признаться, что она никогда не бывала такъ прекрасна! — (*Изъ одного Нѣмецкаго журнала*).

Къ № 83. Гласъ совѣсти. — Испинной авекдогъ.

Одинъ богатой человекъ ювелиръ отправился изъ Брисселя въ Лондонъ и взялъ съ собою только одного слугу, которой, зная, что въ чемоданъ его было много брилліантовъ и денегъ, рѣшился присвоить ихъ себѣ. Они ѣхали льсомъ, подлѣ рѣки, дорога была пуста. Злодѣй вынулъ изъ кармана пистолеть, застрѣлилъ несчастнаго господина своего, бросилъ его въ рѣку, ускакалъ съ чемоданомъ, переправился черезъ море, и остановился въ одномъ маленькомъ городкѣ Сѣверной Англіи, надѣясь, что преступленіе его не можетъ быть тамъ извѣстно. Однакожъ, боясь обратить на себя вниманіе людей, жилъ онъ сперва бережно и скромно, и только мало по малу умножалъ расходы свои; почему, лѣтъ черезъ семь, ни кто не удивился, видя его избыточное состояніе: ибо всякой приписывалъ оное бережливости его и трудолюбію. Ведя трезвую и тихую жизнь, заслужилъ онъ въ городѣ всеобщее уваженіе — женился на дочери богатаго кушца — и наконецъ, большинствомъ голосовъ, былъ выбранъ въ главные городскіе судьи. Однажды, когда онъ съ своими товарищами засѣдалъ въ Магистратѣ, представили ему на судъ человека, которой ограбилъ и умертвилъ господина своего. Выслушали свидѣтелей, и присяжные (Jury), следуя Англійскимъ Уголовнымъ

законамъ, объявили злодѣйство сего челоуѣка яснымъ и доказаннымъ. Всѣ зрители въ глубокомъ молчаніи смотрѣли на судью, ожидая его приговора... Вдругъ онъ перемѣнился въ лицѣ, поднялъ руки къ небу, ударилъ себя въ грудь, вскочилъ съ своего мѣста, сталъ подлѣ преступника, и сказалъ, оборотясь къ другимъ судьямъ: *Государи мои! вы видите чудесный прилѣвъ небснаго правосудія! Послѣ тринадцатилѣтняго молчанія, гласъ Его обличаетъ передъ вами злодѣя, подобнаго сему челоуѣку!...* Тутъ объявилъ онъ свое преступленіе и всѣ подробности оного; ужасными красками описалъ свою злобу и неблагодарность противъ добродушнаго господина, имѣвшаго къ нему полную довѣренность, и рассказалъ, какимъ образомъ удалось ему спастись отъ челоуѣческаго правосудія и посредствомъ хитраго лицемѣрія, заслужить любовь и всеобщее почтеніе въ городѣ. «Но въ самую ту минуту, продолжалъ онъ, какъ сей несчастный явился передъ судилицемъ, ужасность собственнаго моего злодѣянія, подобнаго во всемъ его преступленію, поразила мою душу. Богъ мститель изрекъ приговоръ свой! Мнѣ ли, страшнѣйшему изъ убійць, осуждать другихъ злодѣевъ? Совѣсть терзаетъ, рветъ мое сердце; и здѣсь, въ присутствіи небснаго Судіи, объявляю себя достойнымъ казни!» — Сказавъ сіи слова онъ упалъ съ трепетомъ къ ногамъ судей, лишился разума, заключенъ былъ въ домъ сумасшедшихъ, и какъ быпенной прикованъ къ стѣнѣ; страдалъ, терзался, и умеръ въ ужасномъ изступленіи.

Къ № 84. Между Лондона и Бата есть маленькое мѣстечко, называемое Дивайзесъ, въ которомъ издавна ведется одно примѣчанія достойное обыкновеніе; а именно, каждой годъ, Сентября 1, раздають тамъ безденежно хлѣбы, какъ жителямъ, такъ и провѣжающимъ. «Я любопытенъ былъ узнать причину онаго (говоритъ одинъ Нѣмецкой путешественникъ), и мнѣ рассказали слѣдующій анекдотъ: Лѣтъ за 80 предъ симъ, или болѣе, пришелъ въ мѣстечко Дивайзесъ бѣдливый ремесленникъ, которому нечѣмъ было утолить своего голоду, и

которому никто не хотѣлъ подать милостыни; но одинъ хлѣбникъ сжаился надъ нимъ, и далъ ему, отъ добраго сердца, цѣлой хлѣбъ. Послѣ того сей ремесленникъ нашель себѣ хоршее мѣсто въ Ковентри, и черезъ нѣсколько времени разбогатѣлъ. Благодаряніе хлѣбника было живо въ его памяти; желая изъявить свою признательность за оное, опредѣлилъ онъ нѣкоторую сумму денегъ на то, чтобы ежегодно раздавать хлѣбы жителямъ Дивайзеса и проѣзжающимъ, въ тотъ день, въ которой самъ онъ получилъ хлѣбъ отъ руки добраго человѣка».

—

Къ № 85. Англичанинъ Эдуардъ Брантъ, родомъ изъ Эссекскаго графства, славенъ по ужасной толщинѣ своей. Будучи тринадцати лѣтъ, онъ вѣсилъ уже 162 фунта, въ двадцать лѣтъ болѣе девяти пудъ, а въ тридцать болѣе пятнадцати! Ростомъ былъ онъ 5 фут. и 9 дюймовъ, толщиною въ груди 5 фут. 6 дюймовъ, а около брѹха 6 фут. и 11 дюймовъ; ноги и руки его были также чрезвычайно толсты. Ълъ и пилъ онъ какъ обыкновенной человѣкъ, ходилъ и ѣзжкомъ верстѣ по десяти въ день, и часто изъ Мальдена ѣзжалъ верхомъ въ Лондонъ, гдѣ все люди сбѣжались смотрѣть его какъ чудо. Но года за два до смерти своей Г. Брантъ пересталъ уже и ходить и ѣздить, и не дѣлалъ почти никакого движенія. Онъ умеръ на тридцать первомъ году, оставя шестерыхъ дѣтей.

*

Никто послѣ потопа не жилъ такъ долго, какъ Генрихъ Дженкинсъ, которой умеръ въ Элмертонѣ, въ концѣ 17 вѣка, и которому сооруженъ тамъ мраморной памятникъ съ сею надписью:

Да не краснѣетъ мраморъ, хранящій для будущиухъ вѣковъ память Генриха Дженкинса, незнатнаго и бѣднаго челоуѣка, но ознаменованнаго дарами и благодареніями Природы. Онъ былъ щастливъ не разнообразіемъ удовольствій, но долгою наслажденіемъ. Свѣтъ презиралъ его низкое состояніе, но благое Провидѣніе наградило его многолѣтіемъ Патриар-

ховъ, дабы люди, видя сей примѣръ, почувствовали цѣну умѣренности и трудолюбія. Онъ умеръ 6 Декабря 1670 года, проживъ въ міръ 169 лѣтъ. Сей памятникъ посвященъ ему въ 1743 году.

Къ № 86. • Одинъ молодой человекъ и прекрасная дѣвушка дали другъ другу слово соединиться бракомъ, и пріѣхали въ церковь Св. Георгія. въ Лондонъ, для совершенія обряда. Ждали Священника; но онъ долго не шелъ. Наконецъ невеста спросила у жениха, которой часъ? — «Къ чему такой вопросъ!» Отвѣчалъ онъ съ досадою. — Сей грубой отвѣтъ крайне не понравился дѣвушкѣ. Она задумалась и потомъ сказала ему: «Благодарю васъ, государь мой что вы скоро открыли мнѣ свой характеръ. Чего должно ожидать бѣдной жень, когда вы и съ невестою обходитесь уже такъ грубо? Простите; мы расстаемся.» — Тщетно старались уговорить ее; она вышла изъ церкви, и встрѣтивъ на крыльцѣ Священника, сказала ему, чтобы онъ возвратился домой, и что свадьбы не будетъ. — Урокъ для жениховъ!

(Изъ Лондонскихъ Вѣдомостей).

*

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ шесть Англійскихъ матрозовъ, которые пріѣхали на купеческомъ кораблѣ въ Александрію, вздумали пить пуншъ на такъ называемомъ Помпеевомъ столѣ, и съ опасностію жизни взлѣзли на самой верхъ, гдѣ нашли они широкій, плоской камень, когорой могъ служить имъ вмѣсто стола:— жители Александріи собрались толпами вокругъ сего мѣста, и съ величайшимъ удивленіемъ смотрѣли на дерзкихъ Англичанъ.

Къ № 87. Новые Гиганты.

Мы не ручаемся за справедливость слѣдующаго извѣстія, переведеннаго изъ одного Англійскаго Журнала; но думаемъ, что оно можетъ показаться читателю довольно интереснымъ:

«Магдалина Пиквеца, родомъ изъ Андалузіи, оставила свое отечество, и поехала искать счастья въ тѣ обширныя провинціи, которыми владѣетъ Гишпанская Монархія въ полуостровной Америкѣ. Человѣкъ не имѣющій друзей въ своемъ отечествѣ, не найдетъ ихъ и въ чужихъ земляхъ. Сія бѣдная женщина бродила нѣсколько времени по улицамъ въ Карвагенѣ безъ всякаго пристанища, и наконецъ вышла за мужъ за одного Американскаго пастуха, которой отиравался съ нею къ предѣламъ дикой земли *Гвановъ* и *Хиквитовъ*, гдѣ была его деревня.

Сии варварскіе народы, которыхъ никогда не могли покорить Гишпанцы, дѣлали безиреставныя набѣги на Европейскія селенія, и умерщвляли или брали въ плѣнъ весь жителей. Магдалина и мужъ ея были ими взяты, проданы другимъ народамъ, и наконецъ, переходя изъ рукъ въ руки, попались въ неволю къ такимъ дикимъ, которые совсѣмъ неизвѣстны Европейцамъ, и которые заставляли ихъ стеречь стада свои.

Скоро по томъ разнесся между ими слухъ о приближеніи ужасныхъ великановъ, которые все жгли и рубили. Магдалина увидѣла, что дикіе, не имѣя надежды спастись отъ нихъ бѣгствомъ, прятались въ пещерахъ и разсыпанныхъ горъ. Наконецъ страшныя гиганты явились; но вмѣсто того, чтобы предать все огню и мечу, они поступали съ пленниками своими весьма человеколюбиво. Войско ихъ состояло изъ 400 человекъ, между которыми не было ни одного роста ниже осьми Гишпанскихъ футовъ. Тѣла ихъ соразмѣрны; станъ ихъ прямъ; лицо весьма пріятно; голосъ громокъ, но не пронзительный; а большіе и свѣтлыя глаза ихъ показываютъ душевную кротость. Магдалина сдѣлалась ихъ невольницею, и была гораздо довольнѣе своимъ состояніемъ, нежели прежде. Великанъ, которому она досталась на часть, обходился съ нею весьма ласково; хотѣлъ знать пророчества жизни ея, и слушалъ ее со всеми знаками чистосердечнаго сожалѣнія. Люди обыкновеннаго росту служатъ имъ какъ рабы; жены ихъ гораздо ниже, а дѣти рождаются мѣрою въ футъ, и меньше. —

Магдалина, пробывъ у нихъ около четьрехъ лѣтъ, рѣшилась уйти: долгое время странствовала по дремучимъ лѣсамъ, пришла наконецъ на берегъ Тихаго Океана и въ Гиппанской баркѣ прѣехала въ Панаму, откуда черезъ годъ возвратилась въ Европу.

Къ № 88. Одинъ знатной холостой Англичанинъ, живя въ своей деревнѣ, вдругъ вздумалъ жениться, и, что всего страннѣе, на первой незамужней женщинѣ, которая попадетъ ему въ глаза; вышелъ изъ кабинета, увидѣлъ свою кухарку, взялъ ее за руку, повелъ въ церковь, — и черезъ полчаса бѣдная крестьянская дѣвка превратилась въ знатную Леди. Плодомъ чуднаго брака сего былъ сынъ, которой извѣстенъ теперь въ Англіи по своимъ талантамъ и по важной государственной должности, имъ отправляемой.

*

Нѣкто Виллегизъ, сынъ Брауншвейгскаго колесника, посредствомъ рѣдкихъ достоинствъ своихъ дослужился въ Имперіи до знатнѣйшихъ чиновъ, и былъ наконецъ Маннцкимъ Архіепископомъ въ правленіе Императора Оттона II. Знатность и богатство не могли ослѣпить его; онъ не забывалъ никогда низкаго рода своего, и велѣлъ надъ окнами своихъ палатъ изобразить колесо, въ память того, что былъ его отецъ. — *Серебряное колесо* сдѣлалось потомъ гербомъ Маннцкаго Архіепископства.

*

Египетской Царь Тамусъ спросилъ у Тейта, которой, естъли вѣрить древнему преданію, выдумалъ буквы: «къ чему «можетъ служить сіе изображеніе?» — «Оно обогатитъ память «нашу всеми нужными знаніями», отвѣчалъ мудрецъ. — *Ты ошибаешься*, сказалъ Царь: *люди, надѣясь на помощь буквъ, не захотятъ ничего знать наизусть.*

Къ № 89. О ВРЕМЕНИ.

Обыкновенно говорятъ, что время проходитъ; а я скажу, что время стоитъ, а мы проходимъ. Заблужденіе наше, въ

разсужденіи сего, подобно ошибкѣ тѣхъ людей, которые, плывя внизъ по рѣкѣ, думаютъ, что холмы и деревья на берегу ея движутся. Ночь и день все тѣже; они не измѣняются въ своемъ послѣдствіи: однѣ только стихіи, одни тѣла подвержены переменѣ. Минуты и вѣки измѣряютъ не время, но движеніе тѣлныхъ существъ: ибо время безконечно, и только однимъ именемъ отличается отъ вѣчности.

*

Прошедшее есть бездна, въ которую низвергаются всѣ временныя вещи; а *будущее* есть другая бездна, для насъ непроницаемая; послѣдняя безпрестанно течетъ въ первую. Мы находимся между оныхъ, и чувствуемъ теченіе *будущаго* въ *прошедшее*; сіе чувство есть то, что называется *настоящимъ*, которое составляетъ всю жизнь нашу.

Одинъ Греческой Ораторъ хвалился въ собраніи народа множествомъ знаній своихъ. — «Я былъ во всѣхъ философи-
«ческихъ сектахъ, говорилъ онъ: все испыталъ, все знаю.
«Естьли Аристотель позоветъ меня въ Лицей, я пойду, и до-
«кажу ему, что онъ не можетъ мнѣ открыть ничего новаго;
«естьли Платонъ велитъ мнѣ заступать свое мѣсто въ Ака-
«деміи, я буду учить Платоновой философіи; естьли Зенонъ
«пригласитъ меня въ Стою, я буду проповѣдывать велико-
«душіе, умеренность и всѣ его любимыя добродѣтели; естьли
«Пифагоръ захочетъ подружиться со мною, я пойду къ нему
«и буду молчать. — *Поди же къ Пифагору!* сказалъ сему Ритору
«философъ Демонаксъ; и всѣ веселые Греки закричали въ одинъ
«голосъ: *поди, поди къ Пифагору!*

• Лава, которая вытекла изъ подошвы Эпомея въ 1501 году, и застыла вокругъ береговъ Неаполитанскаго острова Пскія, по сіе время не заросла еще травою; только изрѣдка, въ началѣ весны, показывается на ней зелень. Напротивъ того лава горы Везувія, которая излилась въ 1767 году производитъ

уже множество всякихъ растеній. Столь различны свойства сего вещества! и столь обманчиво можетъ быть лѣтосчисленіе Природы, тамъ, гдѣ молчитъ Исторія!

Къ № 90. О богатствѣ языка.

Истинное богатство языка состоитъ не во множествѣ звуковъ, не во множествѣ словъ, но въ числѣ мыслей, выражаемыхъ онымъ. Богатой языкъ есть тотъ, въ которомъ вы найдете слова не только для означенія главныхъ идей, но и для изъясненія ихъ различій, ихъ оттенковъ, большей или меньшей силы, простоты и сложности. Иначе онъ бѣденъ; бѣденъ совсѣмъ миллионами словъ своихъ. Какая польза, что въ Арабскомъ языкѣ некоторые тѣлесныя вещи, на примѣръ мечъ и левъ, имѣютъ 500 именъ, когда онъ не выражаетъ никакихъ тонкихъ нравственныхъ понятій и чувствъ?

Въ языкѣ, обогащенномъ умными Авторами, въ языкѣ, выработанномъ, не можетъ быть *синонимовъ*; всегда имѣютъ они между собою некоторое тонкое различіе, известное тѣмъ писателямъ, которые владѣютъ духомъ языка, сами размышляютъ, сами чувствуютъ, а не поугаями другихъ бываютъ.

*

Одинъ Пьемонтскій Докторъ гулялъ ввечеру по берегу рѣки, и увидѣлъ молодую дѣвушку, которая, прислонясь къ дереву, смотрѣла въ воду. Ея худое плагье показывало величайшую бѣдность, а томное, блѣдное лице душевную горестъ. Несколько минутъ стояла она неподвижно, и въ глубокой задумчивости; потомъ взглянула на небо, подняла руки вверхъ, и бросилась въ быструю рѣку. Добродушный Медикъ затрепеталъ, и ни мало не размышляя, скинулъ съ себя кафтанъ, бросился за нею, и вытащилъ ее на берегъ. Нещастная пришла въ себя и открыла ему причину своего отчаянія: она была дочь не богатаго ремесленника, которой, по смерти матери ея, женился въ другой разъ; мачиха возненавидѣла ее, мучила всякимъ образомъ и довела наконецъ до того, что она рѣшилась умереть. — Докторъ старался утѣшить бѣдную дѣвушку, которая

была очень пріятна и миловидна лицомъ; взялъ ее къ себѣ въ домъ — и черезъ нѣсколько дней женился на ней. Теперь живутъ они согласно и щастливо въ одномъ маленькомъ Нѣмецкомъ городкѣ.

Къ № 91. Происхождение Лондонскаго Королевскаго общества.

Во время смятеній, которыя были въ Англіи послѣдствіемъ ужасной кончины Карла I, нѣкоторые ученые и при томъ знатные люди собирались въ домъ у Оксфордскаго Доктора Вилкинса, чтобы разсуждать на свободѣ о любимыхъ своихъ предметахъ, сообщать другъ другу важныя идеи, знанія и новыя открытія въ Естественной Исторіи. Сія собранія продолжались до 1658 года, и кончились отъ того, что многіе изъ Членовъ оставили Оксфордъ. Черезъ годъ они опять имѣли удовольствіе собраться вмѣстѣ, въ Лондонѣ, на лекціяхъ у славнаго Доктора Рена и Господина Бука, также весьма извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ человека. Скоро потомъ Карлъ II взошелъ на престолъ, усмирилъ всѣ мятежи и бунты, и возстановя въ Англіи спокойствіе, началъ стараться о просвѣщеніи своихъ подданныхъ и распространеніи наукъ. Докторъ Ренъ, Вилкинсъ и ученые друзья ихъ удостоились особеннаго Королевскаго вниманія и благоволенія. 22 Апрѣля, 1663 году, Карлъ торжественно далъ имъ право составить общество, подъ именемъ *Королевскаго*, — выбрать Президента, двухъ Секретарей, казначея, — завести свою типографію, печатать и гравировать все, что имъ за благо разсудится, — покупать земли для ботаническихъ садовъ и другихъ заведеній, — имѣть общую печать, и посылать Членовъ своихъ въ чужіе края для пріобрѣтенія нужныхъ свѣдѣній. Въ патентѣ, данномъ обществу Король объявилъ себя учредителемъ и покровителемъ онаго. Съ того времени обогащаетъ оно ученыхъ свѣтъ плодами трудовъ своихъ, полезныхъ вообще для всѣхъ наукъ, а особливо для Навигаціи, Натуральной Исторіи и Химіи, и выдаетъ ежегодно нѣсколько томовъ подъ именемъ *philosophical Transactions*; имѣетъ прекрасную бібліотеку, драгоценное собраніе рукописей и кабинетъ Натуральной Исторіи. Всѣ Европейскіе

Ученые почитаютъ за особливую честь быть Членами сего именитаго и славнаго общества.

Въ Англіи, въ Ворсестерскомъ Графствѣ, въ деревнѣ Боркоть, умеръ недавно одинъ человекъ, именемъ Галлисъ, которой пролежалъ на постель 28 лѣтъ безъ всякой болѣзни, и не хотѣлъ вставать единственно для того, чтобы не озлѣнуть! Ничто не могло вылечить его отъ сего страннаго безумія, хотя во всемъ прочемъ онъ былъ разсудителенъ и даже остроуменъ. — Отъ долгаго лежанья отнялись у него ноги, такъ что его надобно было перекладывать съ постели на постель; но до самой смерти своей онъ ѣлъ и пилъ какъ здоровый человекъ, и былъ всегда веселъ.

Къ № 92. Малеть, въ описаніи жизни Франциска Бакона, говорить, что сей философъ во всякое лунное затмѣніе упадалъ въ обморокъ, которой обыкновенно продолжался несколько часовъ. Какъ изъяснить сію странность?

Поде въ книгъ своей, изданной имъ подъ именемъ: *Considérations sur les coups d' état*, увѣрять, что никто изъ стихотворцевъ такъ хорошо не списывалъ лошади, какъ Дюбартасъ, сочинитель двухъ Поэмъ о твореніи, которой, желая изобразить живѣе все ея свойства и дѣйствія, часто заперался одинъ въ своемъ кабинетѣ, ржалъ, прыгалъ, дѣлалъ курбеты и проч. Чему же дивиться, если описаніе его такъ удачно?

Желаніе жить вѣчно, съ которымъ все мы родимся, есть сильнѣйшее доказательство нашего безсмертія, — говорить Сентъ - Евремонъ.

Кого бранить завистливой человекъ, тотъ вѣрно имѣетъ достоинства. Никто не броситъ камнемъ въ дерево, если на ономъ есть плоды.

Къ № 93. О скукѣ.

Психологи замѣтили, что люди въ среднихъ лѣтахъ всего болѣе бываютъ подвержены сему душевному разслабленію, сей унылой томности, сей внутренней болѣзни, которая называется скукою.

*

Человѣкъ въ 40 лѣтъ, подобно юношѣ, гоняется еще за весельемъ, но болѣе, по привычкѣ, нежели по охотѣ, воспоминаетъ прошедшія удовольствія — сравниваетъ ихъ съ настоящими — чувствуетъ разницу, и вздыхаетъ. Къ тому же въ самое сіе время рождаются заботы, слѣдствіе избраннаго нами состоянія въ гражданской жизни; мы болѣе узнаемъ людей, терпимъ болѣе отъ ихъ несправедливости, отъ ихъ злобы; боимся презрѣнія, боимся ненависти, и душа отъ великаго напряженія ослабѣваетъ. Когда же опыты научатъ насъ менѣе уважать людское мнѣніе, и болѣе любить свое внутреннее спокойствіе; когда человѣкъ скажетъ самому себѣ: *зло въ свѣтѣ немишуемо!* когда сердце, натерпѣвшись горести, сдѣлается уже не такъ чувствительно къ боли, какъ прежде: тогда начинаемъ мы на все сморгать равнодушно, и теряемъ охоту къ дѣятельности. Слава, божество великихъ душъ, слава, которая вдали представлялась намъ лучезарною цѣлію, и до которой старались мы достигнуть разными блестящими дѣйствіями, кажется тогда ничтожнымъ привидѣніемъ. Лѣность заступаетъ мѣсто честолюбія. лѣность, ведущая за собою скуку, отъ которой и самая мудрость не можетъ избавить умнаго, мыслящаго человѣка.

*

Кто прочитаетъ со вниманіемъ и въ систематическомъ порядкѣ всѣхъ древнихъ и новыхъ Авторовъ, тотъ знаетъ самую важнѣйшую исторію — исторію *человѣческаго разума.*

Къ № 94. Чрезвычайная память.

Въ Англии, близъ Честерфильда, въ мѣстечкѣ Эльмтонѣ, живетъ крестьянинъ, именовъ Бокстонъ, которой не умѣя ни читать ни писать, дѣлаетъ въ памяти своей самыя грудныя

математическія вычисленія, притомъ съ удивительною скоростью. Профессоръ Голледъ спросилъ у него однажды: сколько ячменныхъ зеренъ уляжется въ длину на осьми Англійскихъ миляхъ? Бокстонъ черезъ минуту отвѣчалъ ему. 1.520,640. Въ десять минутъ изчислилъ онъ, что колесо, мѣрою въ окружности 6 Англ. аршинъ, на 204 миляхъ должно перевернуться 59,840 разъ. По слѣдующіе примѣры еще удивительныя. Математикъ Саксъ, вернувшись съ шмъ на рынокъ, спросилъ: сколько кубическихъ дюймовъ въ такомъ тѣлѣ, котораго одинъ бокъ содержитъ въ себѣ 25,445,789, другой 5.642,752, а третій 54.965 аршинъ? Онъ сказалъ ему сіи числа только *одинъ разъ*, и Бокстонъ, не смотря на шумъ и на множество людей, которые мимо его ходили и ѣздили, началъ въ головѣ своей работать. Между тѣмъ Г. Саксъ ушелъ домой, вычислилъ перомъ, чему подлежало вытн въ задачь, и черезъ нѣсколько часовъ возвратился на рынокъ. Бокстонъ въ ту же минуту сказалъ ему найденную имъ сумму, состоящую изъ 28 чиселъ, и не обманулся ни въ одномъ. Въ другой разъ взялся онъ вычислить, сколько надобно пшеничныхъ зеренъ, чтобы наполнить ими пространство двухъ билліоновъ семи сотъ тысячъ тридцати осьми кубическихъ миль? Сія работа стоила ему дорого; голова его пошла въ кругъ, и наконецъ онъ заснулъ самымъ крѣпкимъ и глубокимъ сномъ, которой продолжался болѣе десяти часовъ. Однакомъ неутомимой Бокстонъ черезъ двѣ недѣли рѣшилъ сію задачу. — Всего же чуднее то, что онъ въ памяти своей помножилъ однажды 49 чиселъ тридцатью числами, изъ чего вышла несмѣтная сумма. На сіе страшное вычисленіе употребилъ Бокстонъ семь недѣль. — Такіе удивительныя примѣры доказываютъ неизмѣримость нашихъ душевныхъ способностей.

*

Философъ Демокритъ говаривалъ, что глупецъ есть драгоценный даръ боговъ, посылаемый на землю для забавы умныхъ людей.

*

«Пятдесятъ лѣтъ живу я на свѣтѣ, сказалъ нѣкто философу Эмпедоклу: лѣтъ тридцать ищу вездѣ умныхъ людей,

и гдѣ не нахожу ихъ! — *Мой другъ!* отвѣчалъ ему Философъ: *улимыхъ находятъ только улимы.*

Человѣкъ, которой сооружаетъ великолѣпныя зданія для того, чтобъ потомство не забыло его имени, поручаетъ каменщикамъ писать свою исторію.

Къ № 95. Въ то лѣто, какъ сгорѣлъ въ Лондонѣ оперной домъ, Г. Ваткинсъ, богатой, умной и любезной человѣкъ, жилъ въ Ричмондѣ. Однажды ввечеру, когда онъ покойно сидѣлъ въ кабинетѣ и занимался чтеніемъ, вбѣжалъ къ нему пріятель его, господинъ Д., извѣстный по своимъ ученымъ знаніямъ и по нѣкоторымъ новымъ открытіямъ въ Физикѣ; лице его было блѣдно, голосъ перерывался, и всѣ движенія показывали отчаяннаго и едва не сумасшедшаго человѣка. — «Что вамъ сдѣлалось?» спросилъ съ великимъ безпокойствомъ Г. Ваткинсъ.

Д. *Что сдѣлалось?* Все, все для меня погнѣло! Сорокъ лѣтъ думалъ я и день и ночь о сѣверныхъ сіяніяхъ; трудился, работалъ, и написалъ о томъ сорокъ тетрадей, которымъ надлежало прославить, обогатить меня!.. теперь все исчезло!

Г. *Ваткинсъ.* Почему же? что такое?

Д. Я доказываю ясно, убѣдительно, неоспоримо, что сіяніе можегь быть только на сѣверной части неба. Подойдите же къ окну; взгляните... вы увидите самое прекрасное, самое блестящее сіяніе — надъ Лондономъ!.. а тамъ не сѣверъ!.. Чему теперь вѣрить? на что надѣяться? для чего жить въ свѣтъ!

Ваткинсъ. Въ природѣ могутъ быть сіянія отъ разныхъ причинъ; частный феноменъ есть исключеніе изъ общаго закона, и ни мало не опровергаетъ вашей системы.

Д. Нѣтъ, государь мой, нѣтъ! онъ совсѣмъ разрушаегь ее. Всѣ сіянія по моей системѣ должны быть сѣверныя; другихъ я не полагаю. Есть ли бы это случилось двадцатью годами прежде, то мнѣ можнобъ было перемѣнить свои мысли; но въ самое то время, когда ученый свѣтъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ моей книги, когда она должна печататься, въ самое

то время видѣть сіяніе на востокъ... это ужасно, нестерпимо и можетъ случиться только со мною несчастнымъ!

Тщетно старался Г. Ваткинсъ успокоить Физика: онъ ушелъ отъ него въ отчаяніи, проклиная судьбу и натуру.

На другой день рано по утру, когда Ваткинсъ лежалъ еще на постель, Патуралистъ опять прибѣжалъ къ нему, только уже не съ видомъ горести, а со всеми знаками сердечнаго удовольствія, и бросился обнимать его, съ восклицаніемъ: «другъ мой, любезной другъ! радуйся: я самой счастливейшій человекъ въ свѣтъ — система моя въ цѣлости, «система моя невредима! сѣвернаго сіянія не было; это горель «оперной домъ въ Лондонъ!.. слава Богу, слава Богу!»

Къ № 96. Не далеко отъ Эдмбурга живетъ одинъ довольно богатой дворянинъ, именемъ Парсонъ, которой вздумалъ прослать новымъ Тимономъ, и навсегда отказался отъ обхожденія съ людьми. Въ молодости своей имѣлъ онъ нѣкоторыя огорченія, возненавидѣлъ отечество, оставилъ Англію, странствовалъ по Европѣ и другимъ частямъ свѣта, и наконецъ, видя, что люди вездѣ люди, и что ни въ какомъ климатѣ нѣтъ на землѣ Ангеловъ, возвратился въ Шотландію, но съ тѣмъ, чтобы жить пустынною въ дерезенскомъ замкѣ своемъ. Онъ никого не пускаетъ къ себѣ, ни родственниковъ, ни постороннихъ; единственной другъ и собесѣдникъ его есть старой слуга, которой никогда съ нимъ не разставался. Между тѣмъ онъ любитъ благотвореніе, и щедрою рукою сыплетъ деньги на хижины бѣдныхъ людей въ своемъ сосѣдствѣ, говоря, что въ ожиданіи смерти надобно что нибудь дѣлать. Одинъ изъ его старинныхъ пріятелей разорился и сидѣлъ за долги подъ стражею: великодушный Парсонъ заплатилъ за него 1000 фунтовъ стерлинговъ. Когда же сей человекъ, получивъ свободу, пріѣхалъ изъявить ему свою благодарность, мизантропъ нашъ выгналъ его изъ дому, сказавъ, что и люди и деньги кажутся ему равно презрительными. Бѣдные, имъ одолажаемые, встречаясь съ нимъ иногда на улицѣ, или въ полѣ, бросаются цѣловать его руки; но Парсонъ отталкиваетъ ихъ отъ себя съ великимъ сердцемъ, говоря, что онъ дѣлаетъ добро отъ одной

скуки. Лучшее удовольствіе его состоитъ въ чтеніи Гомера и Плутарха, въ прогулкахъ, въ музыкѣ и въ астрономическихъ наблюденіяхъ, для которыхъ въ саду его построена обсерваторія. Онъ спитъ всегда днемъ, а ночью встаетъ, играетъ на арфѣ и качается на маленькихъ качеляхъ, сдѣланныхъ въ его спальнѣ; объдаегь тотчасъ по восхожденіи солнца, проводитъ нѣсколько часовъ въ обсерваторіи, гуляетъ въ лѣсу, возвращается въ свой кабинетъ, и засыпаетъ съ книгою въ рукахъ. Теперь ему 45 лѣтъ отъ роду; онъ не дурень лицомъ, имѣегь величественной, спокойной видъ, большіе черные глаза и весьма пріятной голосъ.

Къ № 97. Разсужденіе Философа, Историка и гражданина.

Философъ. Щастіе обитаетъ въ моемъ сердцѣ. Земля не принадлежитъ мнѣ; но я имѣю способность мыслить, и могу управлять моими склонностями. Когда желанія и потребности мои находятся въ щастливомъ согласіи; когда разумъ мой повельствуетъ чувствами, тогда я *существую нравственно*. Гнушаясь сладострастіемъ, презирая суетное честолюбіе, живу въ спокойствіи духа, и славословлю Всевышняго. Человѣкъ сотворенъ бытъ не ученымъ, а благоразумнымъ. Умъ есть фарось жизни его; умъ, которой велитъ мнѣ сносить терпѣливо несправедливость людей, запрещаетъ мстить, умирять всякое сердечное волненіе, и приводитъ страсти мои въ то пріятное равновѣсіе, которое называется добродѣтелію. Однимъ словомъ, философъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ не забываетъ своей мудрости, а въ мудрости помнитъ о своемъ человечествѣ.

Историкъ. Гордые мудрецы! вы хотите въ самихъ себѣ найти путь къ истинѣ? Нѣтъ, нѣтъ! не тамъ его искать должно! Поднимите смѣлою рукою завѣсу времени прошедшихъ: тамъ, среди гибельныхъ заблужденій человечества; тамъ среди развалинъ и заустынія, увидите мало-извѣстную стезю, ведущую къ великолѣнному храму *истиинной мудрости и щастливыхъ успѣховъ*. Опытъ есть привратникъ его, и не многими словами открываетъ важнѣйшія тайны тѣмъ Героямъ, которые входятъ во внутренность храма. Философъ теряется въ системахъ —

Ораторъ излишно надѣется на суетный блескъ краснорѣчія. — Историкъ напоминаетъ дѣянія... и умолкаетъ. Картины его полезны для всехъ вѣковъ, для всехъ народовъ, для всехъ состояній; злодѣй трепещетъ его пера, и не рѣдко обращается на путь добродѣтели.

Гражданинъ. Служить отечеству любезному; быть вѣрнымъ сыномъ, супругомъ, отцомъ; хранить, приумножать стараніемъ и трудами наслѣдіе родительское, есть священный долгъ моего сердца, есть слава моя и добродѣтель. Богу не угодно было даровать мнѣ разума пронщательнаго, мудрости глубокомысленной; но Онъ даровалъ мнѣ способность наслаждаться и быть полезнымъ. Когда жестокая буря опустошаетъ мои нивы, я не ищу въ умѣ своемъ тайной причины зла естественнаго; но говорю самъ себѣ: *благость Всевышняя наградитъ меня за претерпѣніе!* — Работа, и въ самой нищегѣ, будетъ всегда моею надеждою, помощію, спасеніемъ.

Къ № 98. Изъ Англійскаго Журнала.

Послѣ совершеннаго разбитія Претендентовой арміи въ Коллоденъ, сей несчастной молодой Принцъ былъ всеми оставленъ, и скитался часто одинъ изъ мѣста въ мѣсто, укрываясь отъ многочисленныхъ своихъ непріятелей, которые искали его гибели. Однажды, будучи въ крайшемъ изнеможеніи отъ усталости и голода, онъ вошелъ въ домъ сельскаго дворянина Гарриса, которой былъ врозливой стороны, и сказалъ ему съ твердостью: «Сынъ Короля твоего проситъ у тебя хлѣба и рубища для прикрытія наготы своей. Я знаю, что ты мой непріятель; но полагаюсь на твою честность. Не употреби во зло моей довѣренности, моего несчастія! Возьми и спрячь лоскутъ царской одежды моей; когда нибудь ты можешь явиться съ ними во Дворецъ Королей Великобританскихъ.»—Гаррисъ былъ тронутъ до слезъ; оказалъ Принцу всевозможныя услуги, и самъ проводилъ его въ безопасное мѣсто. — Черезъ несколько времени послѣ того шпіоны допели на сего дворянина, что онъ укрылъ въ своемъ домѣ Претендента, и Гаррисъ долженъ былъ отвѣчать въ судъ. Онъ явился съ видомъ душев-

наго спокойствія, и сказалъ судьямъ: «прежде нежели вы «будите меня допрашивать, позвольте мнѣ предложить вамъ «вопросъ: кто изъ васъ могъ бы измѣнить доверенности нещаст- «наго Принца, если бы онъ, надѣясь на ваше человеко- «любіе, поручилъ вамъ судьбу свою?» — Судьи всгали, и объявили Гарриса невиннымъ.

Происхожденіе Англійскихъ контръ-дансовъ.

Знатныя и богатая Англичанки, живя лѣтомъ въ деревнѣ, часто танцуютъ съ своими служанками, чтобѣ избавиться отъ скуки, которая во всѣхъ земляхъ мучитъ праздныхъ людей. Отъ сего произошли Англійскіе контръ-дансы, въ которыхъ танцуютъ вдругъ пятнадцать и двадцать паръ.— Въ то самое время, когда женщины прыгаютъ и вертятся, мужья ихъ играютъ въ вистъ съ своими конюхами.

Къ № 99. Переводъ изъ библіотеки свѣтскихъ людей.

«Я былъ недавно въ гостяхъ у одного автора, поэта, романиста, сентименталиста, трагика, комька и проч. и проч. Изъ столовой комнаты хозяинъ повелъ меня въ кабинетъ, украшенный самыми сладострастными мнелогическими картинами. Ни на которую изъ оныхъ не можетъ взглянуть нежная стыдливость; живонисецъ истощилъ всю тайную хронику Олимпа, чтобы сей кабинетъ сдѣлать подобнымъ соблазнительному храму богини сластолюбія. Потомъ вошли мы въ другую комнату, наполненную Гогартовыми карриатурами, странными физіономіями и смѣшными, характерными портретами; а наконецъ въ большую галерею, обитую чернымъ сукномъ, въ которой представились глазамъ нашимъ эшафоты, висѣльцы, мертвыя головы, кинжалы, и которая освѣщалась тремя лампадами. На стѣнахъ видны были изображенія бѣснующихся, отчаянныхъ, испуганныхъ людей. Что это значитъ? спросилъ я у хозяина съ удивленіемъ — и вотъ отвѣтъ его:

«Вы конечно знаете, государь мой, что я имѣю въ та- «ланты, и упражняюсь во всѣхъ родахъ литературы. Утро

« провожу я въ первомъ своемъ кабинетѣ, и сочиняю тамъ
 « эротическія поэмы, мадригалы, любовныя пѣсни; тамъ каж-
 « дый предметъ разгорячаетъ мое воображеніе, питаетъ мою
 « чувствительность, и сообщаетъ авторской кисти моей особ-
 « ливую живость. Потомъ когда сердце охладѣетъ, иду въ
 « другой кабинетъ, чтобы сочинять комедію. Пѣжныя чувства
 « уступаютъ мѣсто веселому расположенію; я осмѣиваю пороки
 « и глупости людей; вижу вездѣ забавное, и острыя шутки
 « рождаются тысячами подъ легкимъ перомъ моимъ. А когда
 « (что однакожь бываетъ очень рѣдко), когда нѣтъ мнѣ боль-
 « шой удачи, тогда призываю слугъ своихъ, велю имъ бить
 « въ ладоши и начинаю писать какъ Мольеръ. Наконецъ за-
 « пираюсь въ галерею, гдѣ вѣчное безмолвіе, вѣчной ужасъ
 « царствуетъ; тамъ превращаюсь я духомъ своимъ въ злодѣя,
 « въ разбойника, въ изверга; стучу книжалами, катая по землѣ
 « мертвыя головы, прыгаю съ висѣлицы на эшафотъ, съ эша-
 « фота на висѣлицу; бью себя въ грудь, терзаюсь; сажусь
 « писать трагедію, и Англичанинъ Шекспиръ, Немецъ Шиллеръ
 « кажутся передо мною безграмотными мальчиками!»

Что скажетъ читатель о такомъ поэтѣ?

Къ № 100. Въ Берлинскихъ Французскихъ ведомостяхъ,
 въ № 145, пишутъ слѣдующее:

20 Октября, въ 7 часовъ по полудни, видѣли мы стран-
 ный феноменъ. Густое черное облако явилось на западѣ; въ
 срединѣ онаго сверкалъ яркій лучъ свѣта, который озарялъ
 другое облако на востокъ, также черное, но не столь густое.
 Онѣ приближались одно къ другому и соединились; казалось,
 будто луна скрывалась за оными. Между тѣмъ большая часть
 неба была совершенно ясна: — Черезъ полчаса лучъ свѣта
 затмился, и въ самую ту минуту явилось на сѣверѣ множество
 другихъ лучей, которые мѣшаясь съ туманомъ, представляли
 удивительное зрѣлище. — Сіе новое сѣверное сіяніе достойно
 вниманія астрономовъ.

Примѣръ странныхъ сравненій, выписка изъ одного Английскаго трактата о краснорѣчїи.

«Краснорѣчіе не можетъ обойтиса безъ ума; но умъ бы-
«ваегь разнаго свойства: умъ *основательной*, умъ *острой*;
«основательной подобенъ хорошему Бургонскому вину, а острой
«умъ Шампанскому: первое не такъ прїятно для вкуса и для
«глазъ, не такъ сильно дѣйствуетъ и не такъ скоро можетъ
«развеселить печальнаго, но за то всегда можетъ бытъ упот-
«ребляемо безъ вреда. — Шампанское пѣнится, шумитъ, иг-
«раетъ и веселитъ сердце, но хорошо только изрѣдка, при
«другомъ винѣ, — и проч. и проч.»

«Въ авгорскомъ свѣтъ, подобно какъ въ физическомъ,
«найдете вы животныхъ всякаго рода; найдете *попугавъ*, ко-
«торые повторяютъ только чужїя слова, но такимъ дикимъ
«и страннымъ голосомъ, что никто не захочетъ вклепаться
«въ оныя; *летучія рыбы* суть тѣ писатели, которые хотя и
«высоко могутъ парить своимъ воображеніемъ, но не долго, и
«черезъ нѣсколько минутъ, съ иссохшими отъ солнца крыль-
«ями, упадаютъ на землю; *строусамъ*, подобны тѣ, которые
«не могутъ отъ тяжести своей подняться вверхъ, но разма-
«хивая шумными своими крыльями ходятъ по землѣ довольно
«скоро. — Читатель безъ труда найдетъ между авторами и
«четвероногихъ животныхъ, найдетъ даже и *пресмыкающихся*,
«какъ-то *злїи* разноцвѣтныхъ, *ужей*, и проч. Скромность за-
«прещаетъ намъ указать на нихъ пальцемъ.»

Къ № 101. Одинъ Англичанинъ пишетъ изъ Смирны къ Лондонскому своему прїятелю слѣдующее:

«Въ окрестностяхъ Смирны находится великое множество
«аистовъ, которые вьютъ гнѣзда свои одинъ подлѣ другаго.
«Въ то время, какъ самки ихъ несутся, Смирскїе жители
«вынимаютъ изъ гнѣзда ихъ яйца, и кладутъ на мѣсто оныхъ
«куриныя. Когда вылупятся цыплята, то ревнивый самецъ,
«видя ихъ, подозрѣваетъ бѣдную подругу свою въ невѣрно-
«сти, начинаетъ кричать и сзываетъ многесто аистовъ, кото-
«рые, окруживъ гнѣздо, бросаются вдругъ на невинную самку,
«клюютъ оную, бьютъ крыльями и наконецъ умерщвляютъ.»

«Примѣчанія» достойно то, что огорченный самецъ никогда «самъ ее не наказываетъ: видя текущую кровь ея, онъ прыгаетъ на одномъ мѣстѣ и кричитъ жалкимъ голосомъ. — «Смирскіе жители сморгнуть на то и смѣются!... Жестокіе люди!»

*

Поэтъ, славной Англійской стихотворецъ, будучи въ кофейномъ домѣ, заспорилъ съ однимъ ученымъ о смыслѣ двухъ Гомеровыхъ стиховъ, которые, казались ему темными. Молодой человекъ, никому не знакомый, подошелъ къ нимъ съ участивостію, и сказалъ, что сіи стихи будутъ ясны, если ли въ концѣ ихъ поставить вопросительный знакъ. Поэту (которой былъ уменъ и горбатъ какъ Езопъ) стало досадно, что молодой, неизвѣстной человекъ осмѣливается его учить. «Да знаете ли вы, государь мой! (сказалъ онъ съ великимъ сердцемъ), знаете ли, что такое есть вопросительной знакъ?» — *Какъ не знать!* отвѣчалъ незнакомецъ: *это маленькая горбатая фигура, которая спрашиваетъ.*

Къ № 102. Изъ Англійскаго журнала.

Одинъ докторъ философіи объявилъ въ Лондонѣ черезъ ведомости, что онъ публично будетъ читать сочиненный имъ трактатъ о человекѣ, и что каждый любопытной можетъ слушать его, заплативъ за входъ четыре шиллинга. День и мѣсто были назначены. Собралось болѣе ста любопытныхъ, и докторъ (въ черной мантии, въ желтомъ келпакѣ, въ красныхъ чулкахъ) явился на кафедру. Всѣ молчали и смотрѣли на него. «Государи мои! сказалъ онъ съ важнымъ видомъ: знаете ли «на что родится человекъ?... Вы молчите, и такъ я говорить «буду. Онъ родится на то, чтобы *жить* и *тужить*. Трактатъ мой раздѣляется на три части: въ первой скажу вамъ, «какъ человекъ родится; во второй, какъ онъ живетъ; въ «третьей, какъ онъ умираетъ.

«1. Человекъ родится съ воплемъ.

«2. Человекъ живетъ съ горестію.

«3. Человекъ умираетъ со вздохомъ, и отходитъ туда, гдѣ «не бывалъ никто изъ насъ, но гдѣ мы всѣ будемъ».

«*Заключеніе*: кто поступаетъ хорошо здѣсь, тому хорошо будетъ тамъ».

«Вотъ все, что можно сказать о человекѣ! — прости же!» Докторъ поклонился и ушелъ.

Не давно умеръ въ Лондонѣ купецъ Вилліамъ Рилле на 116 году отъ роженія. Во всю жизнь свою не пилъ опъ воды; любилъ водку, вино и пиво; рѣдко соблюдалъ умеренность въ пищѣ. и бывалъ часто боленъ; пережилъ трехъ женъ и хотѣлъ жениться еще въ четвертой разъ за нѣсколько лѣтъ до смерти своей, но не могъ сыскать себя невесты. Онъ умеръ въ совершенной памяти.

Къ № 103. Японцы называютъ 12 знаковь зодіака и 12 часовъ дня слѣдующими именами: 1 *не*, то есть мышь; 2 *усъ*, то есть корова; 3 *торра*, тигръ; 4 *овъ*, заяцъ; 5 *тацъ*, драконъ; 6 *ми*, змѣя; 7 *уи*, лошадь; 8 *цитусъ*, овца; 9 *саръ*, обезьяна; 10 *торри*, пѣтухъ; 11 *инъ*, собака; 12 *и*, кабанъ. — Въ то время, какъ докторъ Кемпферъ былъ въ Японъ, жители сей земли имѣли великое уваженіе къ овцамъ, для того, что царствовавшій тогда Императоръ родился подъ знакомъ *цитуса*, то есть овцы.

Академія Исторіи, основанная въ Португаліи Королемъ Іоанномъ V, предложила вопросъ: *какая часть нашего тѣла, бывъ долгое время соемъ бесполезна для политической экономіи, вдругъ сдѣлалась весьма важною для коммерціи и государства? Огвѣтъ: носъ, съ того времени, какъ въ Европѣ начали нюхать табакъ.* — Сія же Академія издала два тома о Португальскомъ имени блестящаго червячка, доказывая, что лучше называть его *pouteluz*, нежели *pyrilampo*. — *Portugiesische Grammatik, von Funk.*

*

Послѣ страшнаго Мессинскаго землетрясенія, описаннаго кавалеромъ Гамильтономъ, осталось въ городѣ Рофарно только одно цѣлое зданіе, а именно городская темница, въ когорой сидѣли тогда подъ стражею три разбойника. Большая часть

жителей погибла; но сія злодѣи спаслися: доказательство, что Провидѣніе готовитъ намъ награжденіе и наказаніе въ будущей жизни!

Къ № 104. Письмо изъ Лиссабоны отъ 26 Октября 1795.

Благополучное разрѣшеніе отъ бремени Бразильской Принцессы было здѣсь праздновано великолѣпнѣйшимъ образомъ. Между прочимъ видѣли мы звѣриное сраженіе, которое напомнило намъ времена древности. Для сего сдѣланы были амфитеатръ на большой городской площади, гдѣ собралось безчисленное множество народа и знатнѣйшее дворянство. Вся Королевская Фамилія, и самъ Бразильской Принцъ съ своею супругою удостоили оно зрѣлище своего присутствія. Сначала явились четыре великолѣпно украшенныя торжественныя колесницы съ разными аллегорическими изображеніями: въ первой видны были четыре части свѣта, признающія власть Королей Португальскихъ; въ другой 9 музъ, а въ прочихъ всѣ языческіе боги и богини. За каждою колесницею шли музыканты; а за музыкантами четыре толпы танцовщиковъ и танцовщицъ, въ Европейскомъ, Азіатскомъ, Африканскомъ и Американскомъ платьѣ. Потомъ явились богато одѣтые, вооруженные рыцари, которымъ надлежало сражаться съ звѣрами, и которые шли пѣшкомъ за своимъ начальникомъ, ѣхавшимъ на прекрасномъ бѣломъ конѣ, и окруженнымъ скороходами. Громкія рукоплесканія раздались въ Амфитеатръ — и въ ту самую минуту пустили на сцену 14 разъяренныхъ быковъ *волосъ*. Рыцари напали на нихъ, и всѣхъ, одного за другимъ, умертвили. Публика восхищалась симъ зрѣлищемъ, которое однакожь стоило жизни одному человеку; другіе рыцари были легко ранены. — Между тѣмъ по всемъ галереямъ разносили лимонадъ, мороженое, плоды и проч. — Когда все кончилось, Бразильской Принцъ со всемъ Дворомъ поѣхалъ въ королевской, великолѣпно освѣщенной театрѣ, гдѣ была представлена большая опера съ пышными декораціями и балетамъ.